

ЦЕРКОВЬ И ЦАРИЗМ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ: ОПРОВЕРЖЕНИЕ ЛЕГЕНД

В 2012 г. исполнилось 400 лет с условного окончания Смутного времени начала XVII века, а 2013-й год является аналогичным «круглым» юбилеем прихода к власти в нашей стране династии Романовых. Естественно, что для нынешних реакционных кругов в России эти исторические вехи представляют удобный повод для масштабной пропаганды православно-монархической идеологии и различных связанных с нею мифов. Малая осведомлённость широкой публики о тех давних, сложных и многоплановых событиях благоприятствует разным спекуляциям на данной теме в нужном политическом русле... Кто виноват в трагедии Смутного времени? Действительно ли Борис Годунов убил пресловутого царевича Дмитрия? Какую роль в событиях Смуты реально сыграла Русская православная церковь? Как на самом деле воцарилась в России династия Романовых? Есть ли историческая правда в легенде об Иване Сусанине? Есть ли смысл в нынешнем государственном празднике 4 ноября? – Эти и многие другие вопросы освещает предлагаемое вашему вниманию масштабное историческое исследование...

1. Общий анализ темы и главных направлений в её фальсификации.

Смута начала XVII столетия, «эпоха самозванцев» является одной из принципиально важных и ключевых вех в истории Российского государства. Это такой отрезок прошлого, который, согласно крылатому выражению, чем более трагичен для его современников, тем более интересен для потомков. По данному критерию Смутное время превосходит, пожалуй, все другие периоды отечественной истории, предшествовавшие бурному XX веку. Так всегда обычно бывает с историческими явлениями, которые вызваны к жизни наложением друг на друга множества разносторонних, внешних и внутренних факторов.

Основное изложение нашей темы будет уместно предварить критическим разбором главных из ныне бытующих в массах заблуждений по её поводу, являющихся плодом сознательных или невольных фальсификаций. - Они начались уже сразу после завершения Смуты, когда взявшая власть над Россией династия Романовых постаралась переписать недавнюю историю в угоду своим интересам. Тогда были заложены основы того официального подхода к Смуте, который был популяризован в российской историографии XIX века благодаря трудам Карамзина, Соловьёва, Ключевского и др. Согласно этой версии, (до сих пор наиболее импонирующей традиционно настроенным авторам клерикальной и монархической ориентации), изначальным виновником Смутного времени был объявлен ненавистный Романовым правитель Борис Годунов, который, якобы возмечтав захватить власть ещё чуть ли ни при жизни Ивана Грозного, путём устранения его младшего сына Дмитрия в Угличе и прочих тайных убийств «извёл» на Руси законную царскую династию и сам сел вместо неё на трон в 1598 году. Вскоре затем Годунов к своим былым преступлениям добавил репрессии против благочестивого и ни в чём не повинного семейства Романовых... Но всеведущий Господь не замедлил покарать коварного злодея Бориску, настав на этого злочестивого узурпатора разные кары во вполне библейском духе, в финале коих против Годунова выступил под именем «воскресшего из мёртвых царевича Дмитрия» лихой самозванец на престол – Лжедмитрий I. Доведённый до отчаянья столь явным проявлением божьего гнева изверг Борис не то скоропостижно умер, не то сам себя отравил, а вслед за ним погибла и вся семья Годуновых, испив до дна чашу наказаний Господних. Высшая справедливость восторжествовала, уцелевшие Романовы были реабилитированы, а дела их пошли в гору. Но отнюдь на этом не кончившуюся, а только продолжавшую усугубляться после падения Годуновых в 1605 г. трагедию Смуты романовская историография с этого места предпочитала объяснять новым, уже вполне земным фактором: а именно иностранным

вмешательством во внутренние дела России поляков, ополчившихся против нашей страны как оплота православия. И хотя церковь в лице различных своих представителей (прежде всего главы семейства Романовых митрополита Филарета, героических монахов Троицкой лавры и лично патриарха Гермогена) всеми силами боролась с иноземными врагами и новыми самозванцами, вдохновляя русских людей на защиту веры, различные беды Смутного времени длились затем аж до 1612 года. – Лишь тогда доблестный, но не питавший якобы никаких политических амбиций воевода Дмитрий Пожарский освободил от поляков Москву, а в следующем году вручил царский венец представителю достойнейшего рода Романовых отроку Михаилу, единодушно избранному на царство Земским собором. Отец Михаила, митрополит Филарет вскоре законно возглавил в качестве патриарха всея Руси православную церковь, а затем до последних дней своих помогал царствующему сыну мудрыми наставлениями управлять страной, восстанавливая Россию от разрушительных последствий Смуты... – Таким образом, помимо демонизации царя Бориса Годунова, дореволюционная концепция Смутного времени чересчур акцентировала факт вмешательства в тогдашние события иностранных государств, прежде всего Польши, а также религиозной экспансии папского Рима. Такая концепция особенно пришлась «ко двору» в Российской империи XIX века, озабоченной подавлением национально-освободительного движения поляков после раздела Речи Посполитой. Но и поныне многие клерикально-реакционные авторы раздувают роль в событиях Смуты «польской интриги», исходя из предубеждения, будто в богоспасаемой России все социально-политические кризисы имеют лишь внешние причины...

Другой крайностью в оценке Смутного времени стал подход возобладавшей у нас в стране на короткое время после революции в 20-х гг. XX века школы М. Н. Покровского, которая с позиций вульгарного марксизма (т. н. «шулятиковщины») начала перелицовывать старорежимное отношение к истории, отвергая в ней любые национальные и патриотические моменты. Соответственно, последователи этой исторической школы изменили на 180 градусов господствовавшие до 1917 г. оценки всех тех героев прошлого России, кого превозносили при царизме. Не обошли Покровский с его учениками тогда вниманием и Смутное время, проведя прямую параллель между ним и недавними событиями начала XX века. Теперь Смута объявлялась некоей истинно народной, крестьянской революцией, цари-самозванцы типа Лжедмитриев и их воеводы, - её вождям и т. д. Ну а Покровского с Мининым данная историческая школа, напротив, заклемила как махровых реакционеров и контрреволюционеров. Адепты М. Покровского дошли до того, что умудрились найти в сугубо аграрно-феодальном, ещё средневековом укладе России рубежа XVI-XVII вв. некое господство буржуазии: которая, дескать, наняла на свои капиталы дворянскую армию во главе с Д. Пожарским для подавления в стране «крестьянской революции» и т. п.! – Вся эта чушь активно тиражировалась в советских исторических книгах и энциклопедиях до середины 30-х годов, когда Сталин начал воскрешать в СССР патриотизм и уважение к историческому прошлому. В связи с этим явные крайности школы Покровского были отвергнуты, что коснулось и восприятия событий Смутного времени. Как следствие, уже в 1938-39 г. советским кинематографом был снят художественный фильм «Дмитрий Пожарский», полностью восстанавливающий позитивную оценку этого героя русской истории. Такой подход отечественная историография сохраняла и после войны вплоть до самого заката СССР, хотя выработанное ею отношение к событиям Смутного времени представляло некий компромисс между патриотической традицией царской России и большевистской школой Покровского. – Так, в угоду последней из общего ряда событий Смуты начала XVII в. было искусственно вычленено движение И. Болотникова, которое продолжало именоваться 1-й Крестьянской войной; всё остальное же оценивалось с позиций, весьма близких «старорежимным» историкам типа Карамзина, Ключевского, Соловьёва и т. п.

С конца же XX-го столетия в определённых слоях российской интеллигенции, склонных к известному «низкопоклонству перед Западом», стала распространяться иная

крайность в оценке Смутного времени. В пику дореволюционному подходу с его абсолютизацией теории внешнего заговора, ряд современных авторов типа Ю. Афанасьева, Я. Кротова и некоторых других «западников» стали вообще принципиально отрицать иностранное вмешательство в ход русской Смуты, объявляемой ими целиком «внутренним конфликтом» тогдашней России... – Однако столь новомодное воззрение является куда более антинаучным, нежели традиционно-патриотическая концепция Смутного времени. Ибо попытки неистовых «западников» вообще оспорить участие в Смуте внешних сил, - и прежде всего образовавшейся после слияния Литвы с Польшей в результате Люблинской унии 1569 года Речи Посполитой, - противоречат чуть ли ни всему комплексу дошедших до нас исторических свидетельств о том периоде! Между тем, история России на рубеже XVI-XVII столетий – это отнюдь не «тёмная эпоха», чтобы допускать столь произвольные толкования. Вопреки спекуляциям А. Фоменко и различных «фоменковствующих» авторов, до нас сохранилось большинство документов правления Бориса Годунова и последующих лет; исходя же из них, совершенно невозможно отрицать зарубежное вмешательство в события Смутного времени! А кроме отечественных архивов, есть ещё иностранные документы, которые свидетельствуют о том же. Ведь даже польские источники той эпохи не отрицают роль крупных феодалов Речи Посполитой в политическом кризисе русской Смуты уже на самом раннем её этапе, т. е. в связи с поддержкой ими авантюры Лжедмитрия I. Так, важный участник тех событий, коронный гетман Станислав Жолкевский уже после 1612 г. писал о польском воеводе Ежи Мнишке: ***"из честолюбия и корыстных видов решил он покровительствовать и вести на царство Московское московитянина Гришку, сына Отрепьева, который обманом назвался царевичем московским Дмитрием Ивановичем..."*** (1). – Точно так же не было тогда никакой тайной активнейшее участие поляков с литовцами в русских междоусобицах и для других иностранцев, наблюдавших за происходящим со стороны. Например, шведский военачальник Исаак Баем в своём обращении к игумену Соловецкого монастыря ок. 1608 г. по поводу уже нового самозванца, Лжедмитрия II, старался вразумить русских людей следующими словами: ***"Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют! Они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берёте себе в государи всякого негодяя, какого вам приведут литовцы!"*** – Таким образом, события русской Смуты и для наших северных соседей не казались тогда "чисто внутренним конфликтом России"!..

Нынешние доводы «западников», будто воевавшие на русской земле под знамёнами Лжедмитрия I, а затем и Лжедмитрия II поляки, мол, делали это по своей частной инициативе и вовсе не представляли собой Речь Посполитую как государство, являются дешёвой, да и не новой софистикой. – Выставляя помогавшие самозванцам в их борьбе за трон польские отряды некими мятежниками, перешедшими границу и принявшими участие в расправах московитов якобы против воли своего короля Сигизмунда III, адепты теории «внутреннего конфликта» лишь повторяют сегодня ту официальную позицию, которую занимала дипломатия Польши в 1604-1608 гг. Данные аргументы уже в ту пору мало убеждали русское правительство, а современному читателю для их оценки и подавно надо понимать особенности политического устройства Речи Посполитой. Ибо это государство с огромными по средневековым меркам территорией и населением к рубежу XVI-XVII вв. утратило твёрдое централизованное управление, вследствие чего не только крупные, могущественные землевладельцы-магнаты позволяли себе там вести собственную политику, но и мелкие дворяне-шляхтичи могли плевать на договоры польского короля с иностранными державами. И хотя официально между Россией и Польшей к 1604 г. действовал заключённый ещё после окончания Ливонской войны мир, это ничуть не мешало отдельным панам время от времени совершать набеги на русскую территорию, по поводу чего их король ограничивался лишь дипломатическими

извинениями... Подобным образом в начале Смуты правительство Сигизмунда и объясняло посланцам Москвы участие польской шляхты в авантюрах Лжедмитриев. Но даже для тех лет эти оправдания были по большей части лицемерием: ведь если такие паны, как Ян-Пётр Сапега или Александр Лисовский действительно считались в Польше мятежниками, то вышеупомянутый отец Марины Мнишек, скажем, отнюдь не восставал против короля, оставаясь у себя на родине воеводой г. Самбор!

Окончательно же эти аргументы лишились смысла после того, как летом 1609 г. в Россию вторглась уже совершенно официальная, КОРОННАЯ армия Речи Посполитой во главе с самим королём. И то, что затем Сигизмунд III полтора года осаждал, в итоге захватив и разрушив, исконно русский город Смоленск; что он по случаю этой победы приказал отчеканить медаль и устроил в своей столице торжественный триумф; что именно правительственные польские войска во главе с отнюдь не каким-то мятежным шляхтичем, а уже упомянутым гетманом С. Жолкевским разбили русскую армию у Клушино, а вскоре под его же командованием 7-тысячный гарнизон поляков оккупировал Москву и удерживал её потом два с лишним года; что именно королевские отряды захватили ещё ряд других, более мелких городов на территории России, - всё это уже однозначно было актом грубого военного вмешательства Польши во внутренние дела России! Если сидевшие в Кремле поляки безнаказанно грабили и вывозили к себе за рубеж сокровища царской казны, если они насильно доставили в Варшаву и принудили там склониться перед польским королём Василия Шуйского, - этого последнего русского царя из колена Рюриковичей, который затем кончил свою жизнь в польской тюрьме, - если польский гетман Ходкевич не один раз затем совершал во главе королевских войск походы на Москву, да и сам Сигизмунд лично уже второй раз осенью 1612 г. вторгся в Россию, - как всё ЭТО можно именовать «чисто внутренним конфликтом» русских? И когда навязанный нам вместо Шуйского в качестве царя польский принц Владислав в 1617-18 гг. возглавил ещё один поход на Москву, безуспешно пытался взять её и Троицкую лавру, он делал это уж никак не против воли своего отца Сигизмунда!.. Фактически, если называть вещи своими именами, с 1609 по 1618 гг. имела место затяжная война между Россией и Речью Посполитой, где последняя выступала в роли классического агрессора. Прозападно же настроенные авторы ныне вольны придумывать этому разные благочестивые оправдания, но игнорировать сам факт такого конфликта между двумя странами равносильно безумию. – Ведь даже историки-поляки типа Казимира Валишевского, хотя всячески обеляли своих соотечественников, не смели при этом ВОВСЕ отрицать участие Польши в событиях Смутного времени!..

Никак не извиняют столь нелепой концепции, в частности, ссылки Якова Кротова на то, что в польских армиях короля Сигизмунда III или же гетмана Ходкевича, вторгавшихся в Россию на протяжении Смутного времени, большой процент составляли, дескать, набранные за пределами Речи Посполитой иностранные наёмники! – Во-первых, ЯДРО всех этих войск, совершавших в начале XVII века походы на Россию, безусловно состояло из самых натуральных, этнических поляков и католиков, а офицерами там подавно служили почти сплошь польские дворяне. Во-вторых, каким бы ни был национальный состав данных армий, в любом случае воевали они по приказу именно польского короля, на деньги из государственной казны Речи Посполитой и официально возглавлялись именно польскими командующими: гетманами Жолкевским, Ходкевичем и др. Поэтому тот факт, скажем, что в шедших на Москву в 1612 году войсках Яна Ходкевича было много немецких, венгерских и прочих наёмников, или же что польскому королевичу Владиславу в 1618 г. при осаде им русской столицы помогали в качестве союзников православные казаки из Запорожья (опять же, входившего тогда ещё в состав Речи Посполитой!) во главе с известным атаманом Сагайдачным, не отменяет прямого участия во всех этих событиях именно Польши как государства... С равным успехом можно сегодня оспаривать, что Россия в 1812 г. воевала с Францией, потому что в составе

«Великой армии» Наполеона, дескать, тогда больше 50 % солдат были не французами, а выходцами из других, покорённых им европейских государств!

Таким образом, пытающиеся отрицать грубейшее иностранное вмешательство в события русской Смуты начала XVII века, изображая их «чисто внутренним конфликтом», либо сами абсолютно не знают этой проблемы, либо цинично спекулируют на невежестве в данной области своей аудитории!.. А если сторонники столь абсурдной доктрины надеются путём фальсификации прошлого сгладить известную напряжённость в нынешних русско-польских отношениях, то это совершенно напрасный труд. – С одной стороны, во многовековой истории России и Польши любой желающий легко найдёт массу поводов для взаимных обид помимо Смутного времени. С другой, - целому ряду других цивилизованных стран память о куда более кровавых и разрушительных конфликтах в их прошлом ничуть не мешает сегодня поддерживать между собой вполне дружеские контакты, отнюдь не переписывая ради этого свою историю! Так, не препятствуют ныне добрососедским отношениям Франции и Германии память о двух мировых войнах XX столетия, унесших жизни миллионов граждан этих государств: хотя никто не пытается, кажется, объявить всех их жертвами «чисто внутренних конфликтов». И тесному союзу США с Великобританией отнюдь не мешает память о том, как некогда жители американских колоний восстали против английского господства и вели затем долгую борьбу за независимость! Ни одному нормальному человеку сегодня там не приходит в голову выдавать эти исторические события за некий «внутриамериканский конфликт». Точно так же факт, что посланные в конце XVIII в. на подавление Американской революции войска английского короля состояли почти сплошь из набранных в немецких землях наёмников, не означает, будто американцы под руководством Д. Вашингтона воевали тогда с Германией, а вовсе не с братской Англией!..

Как уже говорилось, Смута в России начала XVII столетия была вызвана сложным переплетением целого ряда факторов. Абсолютизировать лишь какой-то один из них, отрицая все прочие, - значит фальсифицировать историю. Политические интриги в «верхах» среди узкого круга придворного боярства послужили тогда лишь детонатором в цепной реакции самых масштабных потрясений: кроме борьбы за трон и внутренних междоусобиц, в этот бурлящий котёл влились социальные выступления народных масс, к которым очень быстро добавилось и чётко выраженное иностранное вмешательство. Последнее же стало в высшей степени закономерным, даже если просто исходить из геополитической логики. – Ведь «добрым соседям» из-за рубежа было бы странно не вмешаться в столь тяжёлый кризис внутри Московского царства, которым явились события Смутного времени. Здесь стоит учесть не только всю предысторию более ранних конфликтов России с Польшей и Швецией, но и общую религиозно-политическую ситуацию, которая сложилась на тот момент в Европе. А там в начале XVII в. назревала Тридцатилетняя война – решающая схватка между коалицией протестантских стран, главной ударной силой которой стала в итоге Швеция, и блоком католических государств, немаловажную роль в котором играла Речь Посполитая. Для обоих противостоящих друг другу христианских лагерей не было безразлично, какую позицию может занять в назревающем конфликте третья сила – православие, единственным оплотом которого оставалась из всех независимых держав того времени лишь Россия. И для протестантов, и для католиков являлось важным, на чьей чаше весов могут оказаться людские, материальные и территориальные ресурсы нашей огромной страны. А совсем уж невыгоден был для Запада другой вариант, при котором бы Московское царство, не присоединившись ни к одной из воюющих сторон, заняло б позицию «третьего радующегося», и принципиально усилившись за счёт такой политики, выступило к концу Тридцатилетней войны арбитром в раздорах своих западных соседей. Этот расклад позволил бы России стать одной из ведущих мировых держав, определяющей судьбы Европы. Но, как известно, ничего подобного не произошло, ибо в результате Смуты наша

страна к началу Тридцатилетней войны в 1618 г. оказалась в полном разгроме и надолго лишилась возможности хоть как-то влиять на зарубежные дела...

Если же от таких глобальных соображений перейти к выгодам, которые вмешательство в ход русской Смуты обеспечивало конкретно для Польши, то они так же были очевидны. Причём от военной экспансии с целью если не покорения, то максимального ослабления России выигрывали буквально все слои правящего класса Речи Посполитой. Прежде всего, это был польский король Сигизмунд III Ваза (1587-1632 гг.), рассчитывавший усилить свои позиции не только в его военно-политическом конфликте с протестантской Швецией, но также в самой Польше. – Если бы Сигизмунду удалось тогда, как он мечтал, завладеть русским тронem или хотя бы посадить на него своего сына Владислава, это бы коренным образом изменило баланс сил в сложных взаимоотношениях королевской власти с польскими феодалами. Даже сам по себе уход в русские земли многих тысяч вечно мятежных и воинственных дворян из числа польской шляхты был крайне на руку королю и крупным магнатам, ибо мог сильно разрядить напряжённость внутри Речи Посполитой. Польско-литовским магнатам успех такого «натиска на Восток» позволил бы значительно расширить свои владения. Наконец, массу простых шляхтичей, вечно страдавших от нехватки земель и денег, поход на Русь манил перспективой если не обзавестись поместьями и крепостными, то хотя бы вдоволь награть военной добычи!..

Кроме политическо-экономических выгод от интервенции против России для светских феодалов Польши, нельзя забывать про далеко идущие планы и такой крайне влиятельной в этом государстве силы, как католическая церковь. Как раз накануне Смутного времени она в рамках осуществляемой ею политики Контрреформации начала внедрять на восточных землях Речи Посполитой пресловутую Брестскую унию, подчинявшую местное православное население власти римских пап. Насильственное распространение униатства, естественно, вызывало массовое сопротивление предков белорусов и украинцев, которые апеллировали к поддержке соседней России как единственной опоры их веры. Поэтому католическому духовенству было принципиально важно для насаждения унии лишить православных жителей Речи Посполитой такой мощной защиты. А при особо благоприятном для себя развитии событий римская церковь готова была пойти гораздо дальше этой «программы минимум», осуществив свою давнюю мечту обратить всех русских в католицизм. В тогдашних условиях, когда Рим вёл ожесточенную борьбу с теснившими его протестантами, перспектива окатоличивания России была для папского престола особенно заманчива. Это обусловило подтверждаемый целым рядом исторических документов интерес римских пап к авантюре Лжедмитрия I и последующим событиям русской Смуты...

Нужно сказать несколько слов и о другой разновидности «западнического» подхода к теме Смуты. Его сторонники, в отличие от раскритикованных выше приверженцев теории «внутреннего конфликта», не отрицают поддержки Речью Посполитой самозванных претендентов на русский престол, польской интервенции в Россию и т. д. Наоборот: они настаивают на позитивности для русских такого иностранного вмешательства, рассуждая о том, сколько благ могло бы принести оно нам в случае своего успеха! По мнению этих «капитулянтов», решительная победа Польши или же, по крайней мере, воцарение в Москве королевича Владислава способствовали бы прогрессу русских земель, приобщению России к западной цивилизации и т. д. Ведь если бы, - разглагольствуют подобные умники, - историческое «объединение славянских народов» прошло под эгидой Запада, а не Востока, то мы бы все сейчас жили в дружной европейской семье и т. п.

Но откуда все эти нынешние «друзья прогресса» взяли, будто подчинение власти польско-литовских панов в результате Смуты обеспечило б русскому народу большой прогресс?! Ведь в отличие от таких протестантских держав тогдашнего Запада, как Англия или Голландия, которые уже тогда шли по буржуазному пути развития, Речь Посполитая в начале XVII в. совсем не являлась прогрессивным государством, а напротив, явственно деградировала в социальном и экономическом плане! Сделавшись аграрно-

сырьевым придатком более передовых западных стран, она принадлежала к числу тех регионов Восточной Европы, где к тому времени произошло т. н. «второе издание феодализма». Вследствие этого в Польше и Литве, например, уже в середине XVI века, на столетие раньше Руси, законодательно было оформлено крепостное право! Ясно, что в случае польского завоевания России крепостнические порядки были бы внедрены и сюда: какое облегчение всё это могло бы принести основной массе русского народа?

Порабощение поляками не дало бы России и особого культурного прогресса, ибо помимо «второго издания крепостничества» в Речи Посполитой на протяжении 2-й XVI в. случилась ещё и такая вещь, как победа католической Контрреформации, обернувшаяся массовыми религиозными гонениями и навязыванием Брестской унии, о чём уже сказано было выше. И если на белорусско-украинских землях историческое торжество униатства не состоялось в полной, желаемой Римом степени, то прежде всего потому, что местное православное население опиралось на поддержку соседней Московии. Если б Русское государство лишилось независимости, то репрессии в отношении православных приняли бы такие страшные масштабы, которые трудно представить... Вообще, хотя история не терпит сослагательного наклонения и не является экспериментальной наукой, она всё же поставила жёсткий опыт, дающий исчерпывающий ответ на конкретный вопрос: что бы было с Россией после торжества поляков, одержи они верх в итоге Смуты?.. Для этого достаточно обратиться к судьбе украинцев и белорусов на тех землях, которые оставались с начала XVII в. под властью Польши вплоть до её плачевной гибели. – Восточные области Речи Посполитой не испытали от «приобщения к западной цивилизации» никакого процветания, а окончательно были превращены польско-литовскими помещиками в бесправную колонию, православное население которой испытывало тройной гнёт: крепостнический, национальный и религиозный!

Что же касается чисто политического устройства Речи Посполитой, то хвалёные вольности её дворянства также не могут быть аргументом в пользу польского господства. Ибо на деле порядки этой «феодальной республики» оборачивались там принципиальной слабостью государственной власти, засильем крупных землевладельцев-магнатов и разнузданностью мелкой шляхты. Заимствование их не принесло бы России ничего хорошего, да и вряд ли было возможно... Ведь в конечном счёте именно прогрессирующая слабость королевской власти не позволила Польше довести до победного конца начатую ею экспансию против России во время Смуты. Продолжая затем усугубляться, пороки внутренней системы Речи Посполитой уже к середине XVII в. вызвала там собственный, вполне сопоставимый с прежней русской Смутой кризис, так называемый «Потоп», в ходе которого эта страна чудом избежала гибели. Деградация социально-политического устройства Польши длилась ещё более века, пока не привела в конце XVIII столетия к полному исчезновению данного государства с карты Европы...

Наконец, следует опровергнуть ещё одно некомпетентное мнение, которое иногда сейчас приходится слышать: будто Смута начала XVII века в России была чисто «верхушечным» явлением, якобы не затронувшим жизнь широких народных масс и не имевшим больших разрушительных последствий для страны. – Это совсем не так: в конечном счёте по своему размаху и масштабам Смута явилась, безусловно, чудовищным национальным бедствием, неслыханным в предшествующей русской истории и сопоставимым разве что с монгольским завоеванием XIII века. Длившиеся в стране с 1604 по 1618 гг. военные действия, народные восстания, мятежи и т. п. затронули огромные пространства, от Астрахани до северного Поморья, от Смоленска до Верхнего Поволжья. – Учитывая же, что Урал и Западная Сибирь (о её более восточной части речи ещё вообще не шло) тогда лишь начинали осваиваться русскими, можно сказать, что «цунами» Смутного времени так или иначе прокатилось в разные годы по большей части сколь-нибудь заселённой территории нашей страны. Пожалуй, в этом плане Смутное время опустошило Россию сильнее, чем потом сделает это Гражданская война 1918-21 годов, т. е. во время последней интенсивные военные действия велись в основном лишь на

периферии и не затронули «историческое ядро» страны с её главными центрами... Число непосредственных жертв Смутного времени ныне подсчитать сложно, но по косвенным прикидкам за 1604-1618 гг. в России могло погибнуть чисто насильственной смертью (не считая голода и эпидемий) более миллиона человек. – В процентном отношении, при тогдашней численности населения, такие потери были воистину громадны! Столь же страшным был экономический урон, нанесённый Смутой нашей стране: казна была совершенно опустошена, множество населённых пунктов, включая столицу, сожжены и разграблены, в большой степени оказались разрушены торговые, хозяйственные, административные связи. По оценкам многих историков, России понадобилось затем несколько десятилетий, чтобы восстановить свою экономику и оправиться от прочих негативных последствий Смутного времени!.. Наконец, огромным был чисто психологический эффект тогдашних событий на самые разные сословия Московской державы. Ураган Смуты затронул отнюдь не только «верхи» тогдашнего русского общества, - бояр, дворян, духовенство, - но всколыхнул самые широкие слои простонародья: горожан, крестьян, казаков... Не зря в дальнейшем всё XVII столетие оказался для России так богато разными народными восстаниями и оппозиционными движениями: в какой-то мере, последними отголосками Смутного времени, оставшегося в памяти народа под именем «бунташного века», были война Степана Разина при царе Алексее Михайловиче и стрелецкие бунты уже в начале правления Петра I...

Подытоживая вышесказанное, ещё раз повторим: картина Смутного времени слишком хорошо и полно освещена в самых разнообразных, многочисленных документах, чтобы её можно было переворачивать с ног на голову в зависимости от чьих-то сегодняшних предпочтений! И хотя упомянутые выше псевдоисторические заблуждения с научных позиций беспочвенны, им надлежало дать соответствующую отповедь, прежде чем перейти к основной теме данной статьи: вскрытию подлинной роли в событиях русской Смуты православного духовенства, династии Романовых и прочих щекотливых проблем, традиционно замалчиваемых в России клерикально-монархической историографией.

2. Русская церковь и царизм после Ивана Грозного: учреждение Московской патриархии

Картина преддверия Смуты упрощённо выглядит так. – Первый русский царь Иван Грозный (1547-1584 гг.) хотя и отличался показной набожностью, демонстративно попирая нормы христианской морали во всех отношениях, не исключая семейные устои. Кроме многочисленных наложниц и любовниц "на час", имена которых история не сохранила, он последовательно 7 раз женился, так сказать, всерьёз. Но по церковным правилам, обязательным в средневековье для всех христиан, включая монархов, законными жёнами считались только первые три, и лишь сыновья от них были официальными наследниками престола. Все последующие женитьбы царя Ивана, начиная с четвёртой, являлись по тогдашним представлениям лишь греховным сожителем, а дети от них числились, как сказали бы на Западе, "бастардами", - а говоря по-русски, просто ублюдками, которые никакими правами наследования не обладали!.. Союз с последней, 7-й по счёту своей "женой" Марией из семейства Нагих, царь Иван Грозный и вовсе не пытался официально легализовать, а жил с нею, даже не повенчавшись. Именно от этого седьмого, совершенно незаконного супружества, он заимел незадолго до смерти сына, названного Дмитрием, - который погибнет потом в Угличе и именем коего будут так или иначе ознаменованы события Смутного времени. Старшего же сына Иван Грозный то ли случайно убил, то ли (как можно предположить по итогам вскрытия могилы этого царевича археологами XX века) сознательно казнил ещё в ноябре 1581 года... Помимо маленького Дмитрия, на момент смерти Грозного из его детей в живых оставался только больной слабоумием Федя – сын царя от самой первой жены, Анастасии Романовой. Лишь этот царевич Фёдор, женатый на Ирине Годуновой, являлся единственным законным престолонаследником и поэтому после внезапной смерти Ивана Грозного в марте 1584 г.

сел на русский трон. Более всех же от этого выиграл брат новой царицы Борис Годунов, автоматически возвысившись теперь над другими придворными боярами.

Торжественно венчавшийся на царство 31 мая 1584 года Фёдор был, однако, абсолютно никудышным царём и продолжателем династии, ибо страдал тяжёлыми физическими болезнями и ярко выраженным слабоумием. Как сказал про Фёдора Ивановича посол Польши и её будущий канцлер Лев Сапега, побывав на приёме у сего православнейшего венценосца: *"Зря мне ввали, будто у этого царя мало ума – его у него нет вовсе!"* Русские же подданные царя Фёдора, имевшие случай лицезреть своего "помазанника божьего", выражались о нём куда менее витиевато, называя просто: ДУРАК! Это слово, - конечно, не упомянутое в наших летописях и потому не пополнившее перечень официальных прозвищ русских царей, - беспристрастно донесли до нас (в латинской транскрипции) записки иностранцев, посещавших Россию в царствование Фёдора... Поскольку самостоятельно такой монарх править не мог, вокруг него сразу же началась борьба за власть между различными кликами бояр. Самыми влиятельными из этих групп на момент кончины Ивана Грозного в 1584 г. оказались пять: Годуновы, приближенные к Фёдору в качестве родни его жены Ирины; семья Романовых на правах родственников матери нового царя, давно покойной Анастасии; князья Шуйские как второй по знатности в тогдашней Московии род из колена Рюриковичей; родственники Марии Нагой, этой последней «супружницы» Ивана Грозного; а также возвысившиеся при жизни этого царя Бельские. Однако Нагие и Бельские, изначально имевшие меньше всего политических козырей, почти моментально потерпели крах в придворной борьбе и были выведены из игры. При этом семейство Нагих по указу, подписанному слабоумным царём Фёдором, сослали в далёкий Углич, отведённый им как бы в некий удел... В Москве же ключевые места у Фёдорова трона поделили на первых порах 3 оставшихся "у руля" придворных клана: Годуновы, Шуйские и Романовы, образовавшие при никчёмном царе-дураке своеобразную олигархию. Вот с этими боярскими группировками и их борьбой за власть связана политическая история России в последующие 30 лет, когда все эти три семейства будут поочерёдно овладевать тронem, - хотя утвердятся на нём затем только Романовы...

Установившую в Москве свою власть боярскую олигархию вскоре начали раздражать внутренние противоречия. Уже весной 1586 г. произошёл мятеж Шуйских, которые потерпели тогда поражение, но договорились с Годуновыми о примирении благодаря усилиям митрополита Дионисия. – Здесь в России, после очень долгого перерыва, опять активно выступила на политическую арену православная церковь, судьба которой всё теснее переплеталась с историей русского самодержавия. Как писал в своём труде Н. М. Карамзин: *«Хотя духовенство российское никогда сильно не изъявляло мирского властолюбия, всегда более угождая, нежели противясь воле государей в самых делах церковных... сии иерархи участвовали в делах правления соответственно их личным способностям и характеру государей»* (2). – «Личным способностям» самого митрополита Дионисия, возглавлявшего русскую автокефальную церковь ещё с 1581 года, его «участие в делах правления» явно не соответствовало, хоть он и получил в церкви прозвище Мудрый Грамматик. Ибо сей иерарх, будучи враждебен Борису Годунову, поставил в придворной борьбе не на ту «лошадку», - а именно, на Шуйских, - что его быстро погубило. Так, осенью 1586 года Дионисий ради удаления от престола Бориса затеял с подачи Шуйских весьма недостойную для церковного архипастыря интригу: решил навязать полоумному царю развод с его женой Ириной Годуновой, которую под предлогом бесплодия планировалось отправить в монастырь, а вместо неё женить Фёдора на княжне Мстиславской. Но брат царицы Борис сумел расстроить коварный замысел главы духовенства, в результате чего вместо Ирины в монастырь отправились как неудавшаяся невеста Мстиславская, так и сам Дионисий. – 13 октября 1586 г. по приказу царя его лишили сана митрополита и сослали в одну из новгородских обителей простым иноком! Та же участь постигла и соратника Дионисия, крутицкого архиепископа Варлаама. Вскоре после низложения этих церковных архиереев потерпели крах их

«патроны» Шуйские, которые подверглись царской опале и были сосланы чуть позже, зимой 1586/87 годов, после новой неудачной попытки свергнуть Б. Годунова. И хотя затем клан Шуйских быстро получил амнистию и вернулся в столицу, коллегиальная власть боярской олигархии, какой она была в первые годы царствования Фёдора, всё больше начала замещаться единоличным правлением царского шурина Годунова. Именно благодаря ему и его политическим манёврам русская православная церковь, доселе 600 лет возглавлявшаяся митрополитами, вскоре повысила свой статус: она стала Патриархией!..

Сделаться первым патриархом на Руси выпало Иову, - верному соратнику Бориса Годунова, которого тот поставил во главе русского духовенства сразу после разгрома «церковной оппозиции» митрополита Дионисия. Будучи некогда простым монахом Успенского монастыря в Старице, с 1569 года Иов по протекции самого Ивана Грозного начал бурный рост своей духовной карьеры. Побывав в 70-е гг. XVI в. архимандритом пары крупнейших столичных монастырей, он с 1581 г. стал епископом Коломенским, с января 1586 г. – Ростовским архиепископом, а уже в конце того года сменил низложенного Дионисия в качестве нового московского митрополита. Спустя же всего пару лет Иов достиг самой высшей ступени в православной иерархии, которая только может существовать, сделавшись патриархом! Но поскольку доселе такого сана в русской национальной церкви просто не было, его предстояло узаконить... Что интересно, сам вопрос об учреждении патриаршества в Москве был решён без участия не то что церковного Собора, но даже высших представителей русского духовенства, лишь в узком кругу трёх светских лиц: царя Фёдора, Бориса Годунова и его сестры, царицы Ирины; позже их решение задним числом одобрила Боярская дума. Как отмечал церковный историк Н. Ф. Каптерев: *"На участие в этом церковном деле какого-либо духовного лица, а тем более целого собора иерархов нет и намёка"* (3). Но кроме воли светской власти, для канонического учреждения такого церковного института требовалось согласие т. н. «восточных», издревле существовавших православных патриархий. Когда в целях своей политической борьбы Борис Годунов предложил учредить патриаршество, царь Фёдор обратился к восточным церквям с просьбой поставить ему на Руси собственного патриарха. Доводы царского правительства были и впрямь весомы. – В отличие от ситуации, в которой на полтора века ранее была учреждена автокефалия Русской церкви при великом князе Василии Тёмном, - когда ещё существовала Византия и некоторые православные государства на Балканах типа Сербии, - в конце XVI века Московская Русь осталась единственной в мире независимой православной державой. Все прочие области с православным населением были к тому времени под властью мусульман либо католиков. В таких условиях существование Русской церкви лишь в статусе митрополии (пусть административно и не зависящей от подконтрольных туркам патриархов Константинополя), было обстоятельством даже отчасти скандальным. Но тогдашних «восточных» патриархов это ничуть не смущало, хотя к тому времени они уже проложили дорогу в богатую и могущественную Россию за щедрыми подачками московских государей. Клянча деньги у русских, главы восточных православных церквей при этом вовсе не были настроены делиться с митрополитом Москвы патриаршим саном и признавать его равным себе. Однако в конце концов восторжествовал принцип: "Кто платит, тот заказывает музыку!.."

Ещё в 1586 году, когда в Москву за «милостыней» приезжал Антиохийский патриарх Иоаким, царь изложил ему план установления в России патриаршества, и тот выразил своё одобрение. В конце 1587 г. Константинопольский и Антиохийский патриархи, на совместном соборе с Иерусалимским и Александрийским, известили о своей готовности учредить Московскую патриархию, ибо были заинтересованы получением денег из России. Когда в 1588 г. к нам из Турции приехал константинопольский патриарх Иеремия, - чтоб попросить денег у царя Фёдора Ивановича на строительство нового кафедрального храма вместо Софийского, который султан как раз незадолго до этого превратил в мечеть,

- русское правительство решило заставить этого гостя учредить в Москве патриаршество. Полгода Иеремия противился этому шагу, и лишь в результате долгих переговоров согласился признать московским патриархом того, кого изберёт царь Фёдор. Лишь созданный задним числом, в январе 1589 года, Собор русской церкви санкционировал ранее принятое решение светской власти. – Русское духовенство формальности ради выдвинуло троих претендентов в патриархи, из которых царь избрал, конечно, годуновского протезе – митрополита Иова. 26 января 1589 г. грек Иеремия наконец «поставил» Иова патриархом Московским и всея Руси. Уложенную грамоту о новом статусе Русской церкви константинопольский патриарх спустя несколько месяцев подписал, даже не понимая толком её содержания: поскольку ему не дали перевод текста на греческий, Иеремия скрепил заведомую ложь о том, что патриархия на Москве утверждена не только им, но и ещё тремя восточными патриархами, а также с ведома *"всего собора греческого"*!. В мае 1589 г. царь с Годуновым наконец отпустили Иеремию восвояси, дав ему денег на строительство новой патриаршей церкви в Стамбуле. Лишь задним числом, вернувшись к себе в Константинополь с щедрыми подарками, патриарх Иеремия созвал там в мае 1590 г. церковный Собор с участием антиохийского патриарха Иоакима, иерусалимского патриарха Софрония, 42 митрополитов, 19 архиепископов и 20 епископов, заручившись их согласием на введение в России патриаршества, - благо что те сами тоже зависели от денежных подачек московского правительства! Грамота, утверждённая этим собором, отвела Московской патриархии лишь последнее, 5-е по старшинству место, однако и его на Востоке не скоро ещё все признали законным... Комментируя такое знаменательное событие, даже Карамзин признавал, что введение патриаршества на Руси было инициативой светской власти, и в дальнейшем продолжившей всецело контролировать церковь: *"...разумный учредитель не дал тем духовенству никакой новой государственной силы, и, переименовав имя, оставил иерарха в полной зависимости от венценосца..."* (4). Забегая вперёд, можно отметить, что за 16 лет своего патриаршества Иов оставил в истории совсем немного чисто церковных дел, не доведя до конца даже запланированную при учреждении патриархии епархиальную реформу на Руси. Так, он возвёл в сан 4 митрополитов, 5 из 6 архиепископов и лишь 1 из 7 сперва задуманных новых епископий. Хотя Иов провозглашал равнозначность духовной и светской власти, последняя доминировала при нём порой даже на духовном поприще. Так, не патриархия, а именно царская администрация в основном тогда занималась христианизацией осваиваемой русскими Сибири, внедряла православие в отобранной у шведов Карелии и т. д.

Введением патриаршества участие царя Фёдора Ивановича в жизни православной церкви, конечно, не ограничивалось. И хотя сей венценосец закономерно сочетал умственную дефективность с глубокой набожностью, нельзя сказать, что духовенство за годы его царствования получало исключительно «пряники». К примеру, ещё в июле 1584 г. на Соборе духовенства и бояр царь Фёдор подтвердил Устав своего отца Грозного от 1582 года, - по которому иерархи, церкви и монастыри безвозмездно отдавали в казну все древние княжеские вотчины вместе с землями, им заложенными, а также вплоть до особого указа отменил льготные грамоты, освобождавшие значительную часть церковных имений от государственных податей. В той же Соборной грамоте было сказано: *"Земли и сёла, отказанные монастырям за упокой души, выкупаются наследниками или, буде их нет, государём, для... раздач воинским людям"* (5). – Таким образом, государство ради своих интересов принуждало церковь поступиться изрядной частью её земельных владений... Что же до реального уровня набожности православных мирян в Московском царстве конца XVI века, то он далеко не у всех был столь высоким, как этого бы хотелось современным историкам-клерикалам. Причём среди знатных русских уважения к церкви было, возможно, даже меньше, нежели в простом народе. Ярким примером таких настроений из времён правления царя Фёдора может быть скандальный инцидент 1595 года, когда в Москве всего спустя несколько месяцев после большого пожара в Китай-

городе был раскрыт заговор, который составил князь Василий Щепин, дворяне Байковы, Лебедев и другие. Как оказалось, эти представители знати условились между собой поджечь ночью в разных местах русскую столицу, чтобы в суматохе разграбить богатую казну, хранимую в соборе Василия Блаженного! Заговорщиков-святотатцев публично казнили, что было по тем временам уже непривычно для москвичей, отвыкших от ужасов времён Ивана Грозного...

3. Трагедия в Угличе как пролог Смуты

Произошедшая 15 мая 1591 г. гибель в Угличе 7-летнего сына Марии Нагой, «царевича» Дмитрия стала отправной точкой Смутного времени и одновременно – самым загадочным эпизодом в его истории, настоящим средневековым детективом в духе Агаты Кристи или Конан Дойля!.. От этой точки начинается ветвиться сложный алгоритм различных вариантов и версий событий, в зависимости от того, какой ответ даёт историком на целый ряд встающих по данному поводу вопросов. Вопросы эти следующие: погиб или нет на самом деле тогда в Угличе пресловутый царевич Дмитрий? Если погиб, то случайной смертью или насильственной? Если он был убит, то кем именно? Если же Дмитрий тогда не погиб, то куда он делся и можно ли отождествлять с ним кого-то из появившихся с 1603-1604 гг. в России самозванцев Смутного времени, выдававших себя за него? А если нельзя, то кем на самом деле были эти авантюристы?..

На первый вопрос почти со 100% вероятности можно ответить утвердительно. Отрицательный ответ, - предполагающий, будто младший сын Ивана Грозного остался чудесным образом жив, куда-то бежал и долго прятался, чтоб появиться на авансцене лишь спустя дюжину лет и предъявить свои права на русский престол, - это сказка последующих самозванцев, начиная с Лжедмитрия I, на которой зиждилась вся их авантюра. Подобная версия, соответственно, отвергалась всеми "законными" царями в России: и Борисом Годуновым, и Василием Шуйским, и правившей затем на протяжении 300 лет династией Романовых. И хотя уже в XX веке отдельные историки типа Казимира Валишевского пытались отчасти реанимировать эту "золотую легенду" всех Лжедмитриев времён Смуты, подобные спекуляции несерьёзны. Так, Лжедмитрий I некогда, пытаясь объяснить возможность его спасения в 1591 году, врал своим сторонникам, будто угличская трагедия произошла ночью, и потому мол, убийцы по ошибке зарезали какого-то другого, похожего на него мальчика, сына попа, а сам он якобы спрятался, бежал и т. д. Однако ещё в 1591 г. было документально засвидетельствовано, что смерть Дмитрия произошла среди бела дня и на открытом дворе, что такую путаницу напрочь исключает. Но если Дмитрий в 1591 г. всё же погиб, то по какой именно причине?

На этот детективный вопрос, опять же с тех давних пор, отвечают две главные версии: годуновская и антигодуновская. Вторая из них была во время Смуты поднята на щит в целях политической пропаганды всеми противниками Бориса Годунова, включая Романовых, и гласит что: а) "царевича" в Угличе, безусловно, зарезали; б) осуществлено сие убийство было под руководством специально прибывшего незадолго до этого из Москвы в Углич дьяка М. Битяговского руками его родственников; в) сделали они это по приказу Бориса Годунова, устранившего таким образом своего малолетнего конкурента на пути к трону. Романовы после их воцарения постарались с помощью церкви всех уверить в правоте именно второй, антигодуновской версии, которая вплоть до революции 1917 г. была официальной в российской историографии. Сторонников этой версии почему-то не смущало то обстоятельство, что собственно претендентом на русский престол младший сын Ивана Грозного, позже канонизированный православной церковью как святой мученик "царевич Дмитрий Иоаннович", по законам самого же православия отнюдь не являлся, ибо был незаконнорожденным сыном царя. В истории России или любого другого уважающего себя христианского государства за всё средневековье не припоминается случая, чтобы подобный "бастард" считался легитимным наследником

короны: особо если на это не было прижизненной воли его отца-монарха! Потому в отношении младшего из сыновей Ивана Грозного любой имеющий хоть каплю совести православный монархист должен признать, что это был никакой не "царевич Дмитрий Иоаннович", а всего лишь байстрюк Митька Нагой, - такова его настоящая фамилия!..

Годуновская же версия гибели 15 мая 1591 года Дмитрия в Угличе, гласит, что это был просто несчастный случай, вызванный припадком давно мучавшей "царевича" эпилепсии, и ничьей вины тут нет. – Как уже говорилось, сразу после смерти Ивана Грозного в 1584 г. его 7-я "жена", а по сути всего лишь сожительница Мария из семейства Нагих вместе со своим маленьким сыном Митей и прочей роднёй была выслана из столицы в далёкий провинциальный Углич, ставший для них подобием княжеского удела. Чтобы амбициозная и жадная семейка Нагих творила там поменьше произвола, московское правительство установило за ними соответствующий контроль. Для этих целей Боярской думой в Углич за некоторое время до майской трагедии и был направлен дьяк Михаил Битяговский, который в качестве главы местной администрации начал, так сказать, вводить в рамки семью Нагих, обиравшую казну "сверх государева указу". На этой почве между дьяком Битяговским и Михаилом Нагим, братом Марии, постоянно возникали конфликты. Один из таких скандалов меж ними случился и утром 15 мая 1591 года в резиденции Нагих на территории Угличского кремля. Поругавшись тогда в очередной раз с Нагими, дьяк Битяговский уехал домой к семье; опальная "царица" Мария вскоре села в своём тереме обедать, а её братья также разъехались к себе по домам. Сын же Марии, пресловутый царевич Дмитрий пошёл играть на двор вместе с другими мальчишками, своими сверстниками, в "тычку". Когда Митька Нагой метал ножик, держа его лезвием к себе, у него вдруг начался приступ эпилепсии, из-за чего он напоролся на собственный нож и рассёк себе шею. Свидетелями этого стали 4 мальчика, игравшие с погибшим, а также его «мамка» Василиса Волохова и стряпчий Юдин, издали наблюдавший происходившее. Выбежав из терема на крики во двор, "царица" Мария Нагая нашла там труп уже мёртвого сына, который почти моментально истёк кровью. От отчаянья не помня себя, Мария принялась нещадно лупить поленом «мамку» Василису, вина за смерть Дмитрия, а после обвинила в случившемся и её сына Осипа Волохова, - заодно вместе с сыном Битяговского Данилой и племянником дьяка Никитой Качаловым. Далее Мария приказала церковному сторожу Максиму Кузнецову ударить в колокол церкви Спаса. Когда на звон набата сбежалась толпа горожан и окружила труп "царевича", на месте происшествия появились также его дядя: известные своим самодурством Михаил и Григорий Нагие, которые после обеда были уже пьяны. По приказу матери «царевича» Григорий Нагой избил Василису Волохову до полусмерти, но этого разъярённой Марии показалось мало, и она вместе с братьями натравила на Волоховых собравшуюся во дворе толпу жителей Углича, знавших обо всём произошедшем только со слов Нагих...

Между тем Битяговские, объявленные позже главными "убийцами" Митьки Нагого, во время его гибели в полном составе сидели у себя дома и спокойно обедали. Их алиби подтвердил потом на следствии также обедавший с ними поп Богдан, хотя он являлся духовником брата "царицы" Григория и на следствии максимально стремился выгородить своих покровителей Нагих. – Услышав набат, дьяк Михаил Битяговский вскочил из-за стола и поскакал в Угличский кремль, где наткнулся на толпу, под руководством Нагих избивавшую несчастную Василису Волохову и её сына Осипа. Дьяк Битяговский со своим племянником Никитой Качаловым попытались образумить горожан, уговаривая не чинить самосуд. – Вмешательство Битяговского с Качаловым не дало угличанам забить насмерть Василису с её сыном, однако взбесило Нагих, которые перенаправили свою ярость на этих заступников. Науськанная ими толпа устроила во дворе Угличского кремля линчевание: Михаила Битяговского забросали камнями, и он был вынужден бежать. Битяговские пытались укрыться в здании местной администрации, однако угличане взяли её штурмом, убив самого дьяка Михаила, его сына Данилу, племянника Никиту Качалова и несколько их холопов. После этого толпа во главе с Нагими, разграбив подворье М. Битяговского,

приволокла в кремль Углича его вдову, оставшихся в живых детей, а также схваченного на их подворье Осипа Волохова. В разгар этих событий в кремль прибыли архимандрит Феодорит и игумен Савватий, попытавшиеся унять беспредел. Им удалось спасти вдову Битяговского с дочерьми, но сильно израненному О. Волохову, прячущемуся в местном храме, они уже не помогли. Его мать Василиса умоляла было Марию Нагую не убивать сына и дать ему "сыск праведный", но тщетно. – Едва Феодорит с Савватием вышли из церкви, Мария выдала Осипа на растерзание толпе как убийцу "царевича". – Тут возникает резонный вопрос: почему даже спустя несколько часов после смерти злосчастного Митьки Нагого его мать и дядя не послушали увещаний православных пастырей отдать сына Василисы в руки законного правосудия? Ведь если б обвинения Нагих подтвердились, Осипа Волохова неизбежно ждали страшные пытки и не простая, а самая изощрённая, в согласии с нравами средневековья, т. н. "квалифицированная" казнь! Но вместо этого «добрые христиане» Нагие поспешили убить последнего из обвиняемых ими в гибели Дмитрия; всего же за тот день толпа в Угличе линчевала 15 человек – вот сколько жертв увлѣк за собой в могилу незаконнорожденный сын Ивана Грозного...

Когда о произошедшем узнали в Москве, там сразу образовали следственную комиссию под руководством князя Василия Шуйского, - который ровно 15 лет спустя, в мае 1606 г. станет очередным русским царём. На тот же момент Василий, возглавивший после смерти отца боярский род Шуйских, только недавно вернулся из ссылки. До своей опалы в 1587 году Василий Шуйский руководил Судным приказом, то есть был профессионалом в порученном ему теперь следствии. Напомним, что В. Шуйский был политическим соперником Бориса Годунова, вовсе не заинтересованным его выгораживать... Правительственная комиссия приехала в Углич 19 мая 1591 года, на 3-й день после инцидента. Кроме Шуйского, в её состав входили окольный Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. – Члены комиссии сразу же вместе с Марией Нагой и её родственниками, а также другими угличанами пошли в Спасо-Преображенский собор города, где осмотрели выставленный там труп "царевича". Позднее Митька Нагой был похоронен в этом же соборе 22 мая 1591 г. и отпет митрополитом Геласием. Что важно для разоблачения последующей аферы самозванцев в годы Смуты: тело «царевича» аж целую неделю лежало в открытом гробу, где его могли лицезреть все местные жители, знавшие ранее этого мальчонку. И хотя его лицо вовсе не было изуродовано в момент гибели, ни у кого не возникло за время следствия даже малейших сомнений, что перед ними – именно сын Марии Нагой, а не какой-то другой ребёнок! Даже если бы Нагие попытались одурачить по данному поводу членов царской комиссии в расчёте, что никто из её состава не представлял себе толком внешность Дмитрия, - покинувшего Москву ещё совсем в ползунковом возрасте, - наверняка бы в случае любой подмены хоть кто-нибудь в Угличе да указал бы столичным чиновникам на столь вопиющий факт. Разумеется, эти важные лица, проделавшие долгий путь из Москвы в такую глушь, не позволили бы себя дурить и учинили самый изощрённый розыск при даже малейших подозрениях о личности погибшего Дмитрия!..

Надо отметить, что комиссия В. Шуйского разбирала угличские события весьма обстоятельно и полностью в соответствии с тогдашним уровнем развития «сыска» на Руси. Итогом её работы явилось следственное дело, чудом уцелевшее затем в период Смуты и сохранившееся до наших дней. Этот документ полностью опровергает версию семейства Нагих об убийстве "царевича Дмитрия", уличая их самих в жестоком самосуде над Битяговскими и другими невинными людьми. Так, Григорий Нагой под давлением показаний своих холопов признался, что в ночь перед приездом комиссии фальсифицировал улики преднамеренного убийства Дмитрия. По словам мальчиков, игравших с Митькой Нагим во дворе 15 мая 1591 года, свидетелями его НЕнасильственной смерти были кроме них также кормилица Арина Тучкова и постельница Мария Колобова. Один из этих 4 мальчиков, взбежав наверх в терем, и сообщил безмятежно обедавшей там "царице", что её сын напоролся на нож в припадке

падучей; это обстоятельство засвидетельствовали и трое слуг Марии Нагой, бывших при ней во время обеда. Показания мальчиков подтвердили на следствии взрослые свидетельницы происшествия: не только ненавистная Нагим "мамка" Василиса, но и Мария Колобова, а также Митькина кормилица Арина Тучкова, которая была, в отличие от Волоховой, обласкана Марией Нагой, и особо убивалась о смерти "царевича". Ещё одним, 8-м свидетелем был стряпчий Юдин: он наблюдал сцену невольного самоубийства Дмитрия сверху из окна, а потом рассказал обо всём в подробностях своим приятелям...

Такова версия произошедшего в Угличе, отстаивавшаяся правительством Годунова. Она обладает по сравнению с антигодуновской целым рядом неоспоримых преимуществ: вполне логична и правдоподобна, основана на многочисленных свидетельствах и официальных документах, составленных "по горячим следам" почти синхронно событиям. Альтернативная же ей картина событий в Угличе, настаивающая именно на УБИЙСТВЕ "царевича Дмитрия", грешит множеством логических неувязок, опираясь больше на слухи и домыслы, чем на документальные факты. Она появилась в основном из политических памфлетов времён Смуты, составленных многим позже угличских событий и направленных против Годунова, а по сути своей восходит к бредням Марии Нагой с её родичами, отчаянно желавшими в 1591 г. оправдать себя за учинённый ими кровавый самосуд над "царёвыми людьми" и перевести все стрелки на ненавистного им Бориса... Эта версия Угличской трагедии отразилась затем в церковном "житии царевича Дмитрия", позже была популяризована в отечественной историографии XIX в. солидными авторами наподобие Н. Карамзина или С. Соловьёва, а в художественной литературе расцветена прежде всего А. Пушкиным в его трагедии "Борис Годунов". Одно из самых душеспасительных изложений этого криминального сюжета мы встречаем в карамзинской «Истории государства Российского». – Голословно отметая с порога как «нелепость» вполне логичную реконструкцию событий в Угличе, зафиксированную в следственном деле, Карамзин противопоставляет ей действительно нелепую и абсурдную «101-ю рассказку», где здравый смысл и рациональные аргументы сплошь заменены пошло-слезливой патетикой в стиле: *«Чудовища вида ужасного схватили ребёнка несчастного...»* и т. д.! Эту антигодуновскую версию можно критиковать до бесконечности, но мы ограничимся тут самыми ключевыми возражениями против неё...

Сперва наперво, Карамзин и прочие обличители Бориса Годунова не могут разумно объяснить: отчего этот якобы рвавшийся к царской власти маньяк так жутко боялся конкуренции со стороны подраставшего в Угличе под опекой родни Митьки Нагого, что приказал своим людям открыто зарезать того ещё в 7-летнем возрасте прямо среди бела дня и при свидетелях, ничуть не страшась угрозы разоблачения? – Такой образ действий совершенно противоречит всему, что достоверно известно об уме, хитрости и осторожности царедворца Бориса: если б Годунов и захотел избавиться от «угличского царевича», то безусловно бы, осуществил это не столь явным и топорным методом!.. Во-вторых, абсолютно непонятно, зачем Борису было так спешить с убийством Дмитрия? Ведь даже мечтай Годунов стать царём уже тогда, главной преградой на его пути к трону являлся бы не сопливый бастард Митька Нагой, а легальный царь Фёдор и его возможное потомство, которым тот, при своей явной болезненности, всё ещё не оставлял попыток обзавестись! Даже если бы сам Фёдор Иванович, скажем, уже в 1591 г. вдруг внезапно умер, пресловутый царевич Дмитрий по своему малолетству реально взойти на трон ещё никак бы не мог, тогда как у Годунова остались бы на руках все политические козыри для сохранения власти: и вдовствующая сестра-царица Ирина, и послушный ему патриарх Иов... Последний же, как глава церкви, очень бы пригодился Борису для того, чтоб с позиций «закона божьего» при необходимости легко оспорить мнимое право Митьки Нагого на царство. Это право сам Годунов всегда напрочь отрицал, о чём он уже многим позднее, реагируя на появление в Речи Посполитой самозванца Лжедмитрия, писал в своей грамоте польскому королю: *«Хотя бы тот вор и подлинно был князь Димитрий Углицкий, из мёртвых воскрешённый, то он не от законной, от седьмой жены!»*

(1)... Данное обстоятельство вынужден глухо упоминать и православный монархист Карамзин, когда говорит: **"Борис мыслил сперва объявить злосчастного царевича незаконнорожденным, как сына шестой или седьмой Иоанновой супруги: не велел молиться о нём и поминать его имени на Литургии"**...- Но затем Годунов якобы рассудил, что этого не достаточно, раз такое супружество было терпимо церковью, которая **"торжественным уничтожением оного призналась бы в своей человеческой слабости"**... (4).- Хотя на самом деле русская церковь никогда и не признавала Марию Нагую законной супругой Ивана Грозного, в любом случае это рассуждение не отвечает на вопрос: зачем Годунов поспешил открыто устранить маленького «царевича» уже в 1591 году? С. Соловьёв и М. Карамзин пытаются объяснить такое безрассудство якобы нетерпеливостью Бориса, уверяя, что он сперва будто пытался тайно отравить Дмитрия в Угличе: сначала руками заботившейся о мальчонке "мамки" Василисы Волоховой с её сыном Осипом, а после – отправленных из Москвы на помощь тем дьяка Битяговского с его сыном Данилой и племянником Н. Качаловым. Притом для пущей надёжности изошрённый в коварстве Борис, дескать, ещё и породнил между собой эти два семейства своих агентов, ибо уже в Угличе племянник дьяка Никита Качалов женился на дочери Василисы Волоховой. Выходит, Годунов в исполнении планируемого им злодеяния применял настоящий «семейный подряд» и действовал по принципу «кашу маслом не испортишь»... Но ведь кто-кто, а изошрённый Борис должен был знать: чем больше людей вовлекается в заговор, тем выше риск его провала! – Как ни велико было влияние Б. Годунова при дворе к 1591 году, трон принадлежал ещё отнюдь не ему, а царю Фёдору Ивановичу, - что если этот венценосный дебил не одобрил бы убийства своего брата!?..

Однако при том, что Годунов заслал в Углич аж целых два семейства киллеров, никто из них почему-то не сумел подсыпать яда "царевичу", хотя М. Битяговский вместе с сыном Данилой и племянником Никитой Качаловым там постоянно бывали у Марии Нагой в доме, **«надзирая над слугами и над столом»** (4). Путаясь в собственных бреднях, Карамзин строит различные домыслы о причинах сей неудачи, объясняя её то вдруг неизвестно с чего-то проснувшейся совестью (!) злокозненной «мамки» Волоховой, то якобы тщательной заботой о Дмитрие его подлинной мамки, то бишь Марии Нагой, - которая якобы сразу заподозрила годуновскую «бригаду» в коварстве и удвоила заботу о сыне. А поскольку дьяк Битяговский с его родичами так и не смогли отравить Дмитрия, они замыслили открытое убийство: как уверяет Карамзин: **"в надежде, что хитрый и сильный Годунов найдёт способ прикрыть оное для своей чести в глазах рабов безмолвных; ибо думали только о людях, не о Боге!"** (4). – Это, однако, очередная благоглупость: как мог находившийся от места событий за сотни вёрст Б. Годунов при всей его хитрости помочь своим слугам избежать в Угличе мести со стороны Нагих!? И вовсе не был ещё в 1591 году Борис в такой абсолютной силе над "безмолвными рабами", ибо на тот момент сторонники Годуновых в Боярской думе не составляли даже трети её членов!..

Итак, хотя Мария Нагая, по мнению Карамзина, просто тряслась над своим отпрыском, в субботу 15 мая 1591 г. она почему-то беспечно отпустила Митю играть во двор вместе с подлой "мамкой" Василисой Волоховой, - давно уже лишившейся доверия Нагих из-за её родства с Битяговскими, - а сама преспокойно села обедать у себя в тереме. Притом Карамзин рисует Василису настоящей домомучительницей, которая якобы СИЛОЙ выволокла "царевича" Дмитрия **«из горницы в сени и к нижнему крыльцу...»** вопреки желанию не только его самого, но также воле матери и его кормилицы, дескать уговаривавшей Волохову никуда не водить своего подопечного. (4) – На крыльце же Дмитрия якобы поджидали убийцы: сын Битяговского Данила и сын Волоховой Осип с их общим родственником Никитой Качаловым. Причём Осип Волохов, мол, нанёс первый удар в шею, но не убил "царевича", а испугался и сбежал; кормилица же бросилась на упавшего Митьку, пытаясь его защитить, и закричала. Но Данила Битяговский с Качаловым, избив кормилицу до полусмерти, вырвали раненого Осипом "царевича" из её

рук и доби́ли несчастного. – И хотя для всех этих действий требовалось не так уж мало времени, а интенсивная возня и громкие вопли кормилицы прямо с крыльца должны были, по идее, вмиг переполошить всех бывших в тереме, включая обедавшую там "царицу" Марию, однако согласно данной версии, та выбежала за дверь лишь после того, как её сын уже был убит! Обнимавшая зарезанного Дмитрия кормилица якобы указала ей на «мамку» Волохову и *"на убийц, бежавших двором к воротам: некому было остановить их"*, - взволнованно повествует нам Карамзин (4). – Тут логика, как нигде, подводит сторонника антигодуновской легенды: ибо если убийцы Митьки Нагого действительно страшались разоблачения, они бы ни за что не оставили в живых его кормилицу как единственного свидетеля их злодеяния; а если уж оставили, то сразу бы постарались удрать как можно дальше из Углича, не дожидаясь расплаты: ведь *"некому было остановить их"*! Вместо же этого мнимые преступники убежали в дом к посланному их дьяку Битяговскому и беспечно сели там жрать, ничуть не боясь, что их уличат в содеянном! Отсутствующие у него объяснения такого фантастического безрассудства «убийц» Карамзин силится заменить глупой, типично поповской риторикой: *"Сии изверги, невидимым Судиею ознаменованные для праведной казни, не успели или боялись скрыться, чтобы не обличить тем своего дела..."* (4) – Что за ерунда: убить не боялись, а скрыться побоялись?! Да и желающие обличить «их дело» уже нашлись: ибо вышедшая из дому Мария Нагая подняла крик, хотя во дворе пока было пусто, а соборный пономарь ударил в набат. – Сбежавшийся в Угличский кремль народ застал там валявшихся на земле рядом с трупом Дмитрия его мать и кормилицу, которые назвали имена "злодеев". Далее Карамзин снова описывает нам поведение «убийц царевича» вопреки разуму: якобы они, *«устрашённые набатом, шумом, стремлением народа, вбежали в избу разрядную; а тайный вождь их, Михайло Битяговский... бесстрашно явился на место злодеяния»*, начав уверять там горожан, будто Дмитрий *«умертил сам себя ножом в падучей болезни»* (4). – Не иначе, М. Битяговский просто очумел, если решил так нагло лгать, прекрасно зная об оставшихся в живых свидетелях убийства!.. Короче, у Карамзина исполнители мнимого годуновского заговора предстают абсолютными психами-камикадзе: хотя у них было вдоволь времени, чтобы заранее продумать возможные пути к отступлению, они сами, так сказать, сунули голову в петлю!.. Устроенный толпой во главе с Нагими кровавый самосуд православный моралист Карамзин даже не пытается как-то оправдать, лишь констатируя, что те 15 мая 1591 года, кроме Михаила Битяговского, его сына, племянника и Осипа Волохова: *"умертили ещё слуг Михайловых, трёх мещан, уличённых или подозреваемых в согласии с убийцами, и жёнку юродивую, которая жила у Битяговского и часто ходила во дворец,"* – проще говоря, убили всех попавшихся под руку!.. В Москву вслед за тем отправили гонца с вестью о случившемся, но коварный Годунов якобы расставил на Углицкой дороге своих верных чиновников, которые досматривали всех едущих; поэтому этого гонца перехватили и привели к Борису. В своём труде Карамзин не пишет, что сделали с гонцом, но уверяет, будто по воле Годунова углицкие грамоты переписали: *"сказали в них, что царевич в судорожном припадке заколол себя ножом от небрежения Нагих, которые, закрывая вину свою, бесстыдно оклеветали дьяка Битяговского и ближних его в убиении Димитрия, взволновали народ, злодейски истерзали невинных"* (4).– С этими новыми, наскоро состряпанными им документами Борис, мол, поспешил к царю Фёдору Ивановичу, который поверил всему сказанному и прослезился... Положим, венценосец Фёдор был законченным придурком, но как-то не верится, чтобы славящийся предусмотрительностью Б. Годунов никак заранее не позаботился о прикрытии спланированного им злодеяния и так вот спокойно ждал в столице вестей из Углича. – Не мог же он наперёд знать, что Мария Нагая и её братья своими же руками помогут ему замести следы, без суда и следствия перебив там всех исполнителей убийства Дмитрия! Как же Борис думал выкрутиться перед царём, если б хоть кто-то из исполнителей сего жуткого заговора остался жив и выдал бы его потом на следствии?!.. В этом случае,

пожалуй, Годунова даже заступничество его сестры, царской жены Ирины могло не спасти! Такая беспечность главного "заказчика" преступления в данной версии совершенно необъяснима, если только... не предположить, что убийство Дмитрия было заранее согласовано с самим тогдашним царём, - набожным идиотом Фёдором, которого нашли способ убедить, что смерть его зачатого во грехе младшего братца пойдёт на пользу интересам династии. Тогда Годунов мог бы действительно не думать о мерах предосторожности и сокрытии улики! Лишь при таком условии антигодуновская версия событий в Угличе обретает хоть какую-то вероятность: однако сие объяснение, конечно, совершенно неприемлемо для православных монархистов!..

Карамзин же далее уверяет, что во время следствия, проводимого комиссией Шуйского, уличающие Годунова "свидетельства" жителей Углича, - впрочем, всё равно ничего толком не знавших про обстоятельства гибели самого Дмитрия, - были, дескать, подло утаены, а зафиксировали лишь ответы Михаила Нагого как явного клеветника... Между тем материалы этой следственной комиссии, подписанные в числе прочих также воскресенским архимандритом Феодоритом, двумя игуменами и духовником Нагих (по мнению Карамзина, якобы *"от робости и малодушия"*), уже 2 июня 1591 г. были представлены Шуйским по возвращении в Москву царю Фёдору, который отослал их к патриарху и "святителям", т. е. к проходившему в столице церковному Собору. Те заслушали следственное дело вместе с боярами, после чего второй по значимости иерарх в церкви, крутицкий митрополит Геласий сообщил дополнительно от себя Собору, что Мария Нагая, когда он уезжал из Углича, просила его смягчить царский гнев на убийц Битяговского и его сотоварищей, а сама она произошедший над ними «суд Линча» считает преступным. Геласий подал также патриарху Иову бумагу от одного крупного угличского чиновника, который писал в ней, что Дмитрий действительно умер в припадке, а Михаил Нагой пьяный велел народу растерзать невиновных. На основании изложенного церковный собор в присутствии патриарха Иова единодушно утвердил летом 1591 года вывод комиссии Шуйского и представил царю Фёдору доклад, что смерть Дмитрия *"учинилась Божьим судом"*, а Михаил Нагой мало того, что велел незаконно убить Битяговского и его людей, повинен ещё в том, что держал при себе "ведуна" Андрюшку Мочалова *"и иных многих ведунов"*. Собор предоставил светской власти наказать Нагих и мужиков-угличан за их "измену": мятеж и безвинное убийство царских слуг. *"Воспоминание горестное для Церкви!"* – восклицает Карамзин по поводу такого неудобного для его православного сознания факта. Ещё бы не горестное, если спустя 15 лет та же самая церковь, канонизировав невольного самоубийцу Митьку Нагого в качестве умерщвлённого по воле Б. Годунова "святого мученика" Дмитрия Угличского, станет освящать своим "непогрешимым" авторитетом уже совершенно иную версию!..

Впрочем, конкретные репрессии против виновных в угличском погроме последовали лишь спустя несколько месяцев после следствия Шуйского, когда на основании патриаршего приговора царь Фёдор велел схватить Нагих и тех жителей Углича, кто был замешан в бунте, доставив их в Москву. Из числа причастных к этому делу угличан некоторые успели к тому времени скрыться; прочие же были наказаны по степени своего участия в самосуде. При этом жертвами данных репрессий стало не так уж много людей, как описывают историки типа Карамзина или Соловьёва, утверждая, будто в городе тогда казнили смертью до 200 человек, другим отрезали языки и многих заточили, а большую часть отвезли в Сибирь и заселили ими г. Пелым, так что Углич якобы навеки запустел и т. д. (6). – Реально же из числа горожан покарали только несколько десятков: одних обезглавили, другим отрезали язык, а в Пелым сослали 60 семей... Вскоре после этого в Москве вспыхнул пожар, в котором обвинили неких злодеев. По данному делу взяли людей Афанасия Нагого и его братьев, допрашивали и говорили, что они уличаются в злодействе, однако же не казнили их, и дело о поджогах осталось неясным. В конечном итоге братьев Нагих разослали по городам и тюрьмам, а саму Марию насильно постригли в монахини под именем Марфы, отправив её в дальний северный монастырь...

Думается, здравомыслящий читатель сам может взвесить, насколько "обоснована" версия врагов Годунова об организации им убийства Дмитрия. Даже если не верить выводам официального следствия о случайной гибели «царевича» и настаивать именно на его убийстве, то в любом случае нет причин винить в этом обязательно Б. Годунова. Порочна уже изначальная логика, на которой строится такое обвинение и которая исходит лишь из последовательности событий: раз после смерти Фёдора Ивановича царём стал Годунов, значит, именно он и был заинтересован в устранении "царевича Дмитрия" и т. д. Короче, в данном случае рассуждают по древнему римскому принципу "ищи, кому выгодно!"... Однако, даже считая Митьку Нагого реальным претендентом на трон, якобы жутко пугавшим Бориса, сторонники такой логики должны бы по справедливости задаться вопросом: А ТОЛЬКО ЛИ ОДНОМУ ГОДУНОВУ БЫЛА ВЫГОДНА СМЕРТЬ ДМИТРИЯ!? Разве лишь Борис царствовал в России после пресечения со смертью царя Фёдора в 1598 г. прежней династии? Ведь потом, вскоре после него, к власти пришли Шуйские, затем воцарились Романовы... Так что если следовать принципу "кому выгодно", то все они не меньше Годунова выиграли от устранения сына Марии Нагой и Ивана Грозного! Почему, спрашивается, такой заговор не могли устроить эти придворные конкуренты Бориса, повесив на него потом «всех собак»: тем более что бояре Романовы тогда, в 1591 году, находились в политическом союзе с Годуновыми, а будущий царь Василий Шуйский очень "удачно" возглавил расследование этого громкого дела, имея отличную возможность замести следы в случае, если он сам был к нему причастен? Столь эффектный политический ход позволял одним махом и от нежелательного "царевича" избавиться, и могущественного соперника, царедворца Бориса подставить, как раз когда он стал явно лидировать в борьбе за власть... – Таким образом, даже если считать угличскую трагедию 1591 г. именно убийством, в нём впору подозревать буквально всех, кто мог быть тогда заинтересован в смене власти, политических переворотах или же крупномасштабных потрясениях в Московском государстве...

4. Церковь и Романовы в царствование Бориса Годунова; «Великий голод».

Дефективный царь Фёдор Иванович умер 6 января 1598 года. Это случилось внезапно, и похоронили его в крайней спешке, особо не заботясь соблюдением формальностей. Причём Фёдор вовсе не был пострижен перед смертью в монахи: вопреки тому, что утверждал позднее в собственноручно написанном житии этого царя патриарх Иов, и в чём вслед за ним убеждали россиян Карамзин с прочими благочестиво настроенными историками! – Как показало исследование могилы царя Фёдора уже в XX веке, этого набожного дебила просто бросили в гроб, даже не удостоив церемонии торжественных похорон. Если учесть, что и отец его, царственный душегуб Иван Грозный, умерший так же внезапно, был пострижен в монахи уже за мертво (это было православное "ноу-хау" средневековой Руси в деле спасения душ высокопоставленных грешников), получается, что за два с половиной столетия, - то есть с середины XIV века, когда умер отец Дмитрия Донского князь Иван Красный, - из занимавших московский трон представителей династии Рюриковичей только один лишь папаша Грозного великий князь Василий III реально сподобился принять монашеский постриг перед своей кончиной в 1533 году!..

Поскольку детей Фёдор Иванович так и не оставил, впервые за историю России возник династический кризис. Официальной правительницей государства сделалась на короткое время вдовствующая царица Ирина Годунова, но она вскоре заявила о своём желании уйти в монастырь, а вслед за ней демонстративно удалился туда и её могущественный брат Борис. Как утверждают, Годунов принёс сперва даже церковную клятву не претендовать на престол... В этот момент на авансцену опять выступило руководство православной церкви. Согласно Карамзину, после отказа Годунова стать царём патриарх Иов с прочими архиереями не только поклялись разрешить его от этого крестного обещания, но и шантажировали Бориса в случае дальнейшего упрямства отлучением от

церкви. Архипастыри даже грозились в случае, если Годунов не примет власть, объявить своеобразную забастовку православного духовенства: сложить с себя сан и запретить службы в церквях... Так это или нет, но патриарх Иов действительно очень постарался, чтобы его покровитель Борис всё же сел на престол после смерти Фёдора, и половина известных сочинений этого патриарха написана была ради сей цели. Его труды увенчались тем, что в феврале 1598 г. после бурных перипетий Годунов был избран на царство Земским собором, созванным по случаю прекращения в России старой династии.

Поскольку далеко не всем на Руси казалось законным избрание Б. Годунова, он постарался укрепить свою власть небывалыми прежде идеологическими акциями, не довольствуясь принесением обычной присяги себе как новому царю со стороны подданных. Очень суеверный и набожный по натуре, Борис сразу после воцарения велел церковникам составить особую молитву о его душевном спасении и телесном здравии, о вечном счастье своего рода, *"о благоденствии и тишине отечества и церкви"*, о процветании и величии всей Русской земли и т. д. Её, помимо обычной молитвы о царе, читаемой в православных храмах, обязаны были произносить годуновские подданные: *"во всех домах, на трапезах и вечерах, за чашиами"* (7). – Патриарх же Иов постановил с согласия Собора праздновать отныне и навеки в России день Борисова воцарения и предложил земской Думе утвердить данную Годунову присягу соборной грамотой... В написанной Иовом *"Повести о честном житии царя и великого князя Фёдора Иоанновича"* патриарх, восхваляя своих покровителей Ивана Грозного и царя Фёдора, особенно уделял внимание апологии Бориса Годунова как легитимного наследника этих предыдущих самодержцев. – Такие старания патриарха вскоре были щедро вознаграждены Борисом. Так, уже в 1599 году Годунов возобновил жалованную грамоту, данную главам русской церкви ещё Иваном Грозным, которой *«все люди первосвященника, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне их освобождались от ведомства царских бояр, наместников, волостей, тиунов, и не судятся ими ни в каких преступлениях, кроме душегубства, завися единственно от суда патриаршего; увольняются также от всяких податей казённых»*, – пишет Карамзин (7).

Православное духовенство помогало царю Борису охранять приобретённую им власть не только посредством церковных молений и восхвалений, но также куда более прозаическим способом: а именно, СТУКАЧЕСТВОМ! Ибо Борис Годунов, проявляя мягкость к своим противникам из числа знати и воздерживаясь от широких репрессий в духе Ивана Грозного, всячески поощрял в стране тотальный шпионаж и подозрительность... А православная церковь, претендую на роль "духовно-нравственного оплота" русской нации, не только не осуждала такую внутреннюю политику Годунова, но сама активно участвовала в этой кампании всеобщего доносительства. Как пишет Карамзин: *"Сонмы изветников... стремились к царским палатам из домов боярских и хижин, из монастырей и церквей: слуги доносили на господ, иноки, попы, дьячки, просвирицы на людей всякого звания – самые жёны на мужей, самые дети на отцов, к ужасу человечества!"* (8). Данные строки, кстати, наглядно опровергают бредни разных солженицыных и солоухиных, будто феномен Павлика Морозова в нашей истории XX века является исключительно следствием «большевистского безбожия»...

Однако за вычетом излишней подозрительности и православной набожности Б. Годунова, в целом его можно оценить как одного из самых прогрессивных монархов в отечественной истории. «Продвинутость» царя Бориса сказалась в самых различных сферах, включая произошедшее при нём значительное сближение с Западом и развитие в Московском царстве начал веротерпимости. За столетие до Петра Великого он начал привлекать в Россию иностранцев, прежде всего из наиболее развитых, протестантских земель, не гнушаясь при этом их неправославной верой. Так, Годунов освободил прибалтийских немцев, угнанных в неволю ещё Иваном Грозным во время Ливонской войны, дабы они стали посредниками между ним и своими соотечественниками, попавшими под власть католической Польши, которым царь Борис обещая в случае

перехода на сторону России свободу вероисповедания... Уже живущим в Москве немцам он разрешил построить новую лютеранскую церковь в Яузской слободе и служить там свои службы. Пастор этой церкви Мартин Бер оставил потом интересные воспоминания о правлении Годунова и более поздних временах. Тесные дружеские связи при Б. Годунове установлены были также и с протестантской Данией... Вполне сравнимы с петровскими реформами были замыслы царя Бориса по привнесению в Россию западных наук и образования. Годунов намеревался завести в России не только школы, но и университеты, для чего в 1600 г. послал в Германию немца Иоганна Крамера с миссией пригласить оттуда в Москву профессоров и докторов. Это начинание царя вызвало положительный отклик у ряда представителей западноевропейской интеллигенции, которые были готовы уже ехать в Россию, но всё испортила, как признаёт даже Карамзин, обскурантистская позиция русской церкви: *"Сие важное намерение не исполнилось, как пишут, от сильных возражений духовенства, которое представило царю, что Россия благоденствует в мире единством Закона и языка; что разность языков может произвести и разность в мыслях, опасную для церкви; что во всяком случае неблагоприятно верить учение юношества католикам и лютеранам."*(7). – В итоге, оставив мысль основать университет в Москве, царь ограничился тем, что послал 18 боярских детей в Европу учиться языкам, а также активно зазывал в Россию западных специалистов к себе на службу. Прогрессивные начинания царя знали и одобряли просвещённые люди за границей. Один немецкий "муж учёный", Фидлер из Кёнигсберга в 1602 году даже сочинил в честь Бориса Годунова панегирик на латинском языке, который был известен в Европе и где Борис прославлялся за свою законодательную мудрость, миролюбие и чистоту нравов. *"Сию последнюю хвалу действительно заслуживал Борис... трезвый, воздержанный, трудолюбивый, враг забав суетных и пример в жизни семейственной, супруг, родитель нежный,"* – вынужденно признаёт Карамзин достоинства Бориса (7)... Все эти похвальные качества выгодно отличали Годунова от дальнего продолжателя его начинаний Петра I, которого при всех его заслугах трудно счесть трезвым и осторожным правителем. Скажем, именно Борис Годунов в самом конце XVI века без особых усилий "прорубил окно в Европу", вернув захваченный ранее шведами выход к Балтийскому морю, который был потерян в результате кровопролитной Ливонской войны его предшественником Иваном Грозным, а позже опять утрачен Россией из-за последствий Смуты!.. Если Пётр I совершенно не заботился о воспитании своего сына и в итоге умудрился подготовить себе в лице царевича Алексея такого "преемника", которого сам же потом вынужден был казнить, то Борис Годунов, напротив, тщательно пестовал своего любимого сына Фёдора, сызмальства готовя его к государственному правлению. Так что, продержись династия Годуновых у власти хотя бы до середины XVII века, она бы могла провести необходимую России модернизацию не только намного раньше, но и куда более гуманным и мирным путём, нежели это сделал затем Пётр I, - тем более, что к 1600 г. отставание нашей страны от Запада ещё не было таким сильным, как столетие спустя...

Однако курс царя Б. Годунова на постепенную европеизацию России вызвал через некоторое время недовольство изрядной части его подданных, включая не только православное духовенство, но и бояр. – У русской знати вообще было немало причин желать зла Борису. Кроме Шуйских, принадлежавших к Рюриковичам, ещё целый ряд боярских родов не мог смириться с правлением «худородного» выскочки Годунова, которого они не считали себе равней... Но если Шуйские во главе с князем Василием, наученные горьким опытом своей опалы конца 80-х гг. XVI века, пока предпочитали не высовываться, то их конкуренты Романовы активно рыли яму под нового царя... Православно-монархические историки за прошедшие 400 лет мифологизировали поведение Романовых в Смутное время, всячески желая скрыть их подлинную роль в тех событиях и "отмазать" ото всех политических мерзостей этого периода. При чтении Карамзина и прочих апологетов романовской династии складывается впечатление, будто это была едва ли ни самая добродетельная, ничем не запятнанная из боярских семей на

Руси, стоявшая в стороне от беспредела Смуты, и за это вознесённая в её финале, по воле Господа, на вершину власти в стране!.. Так кем же на самом деле являлись Романовы?

Возводя свою родословную к Андрею Кобыле, - ничем не примечательному дружиннику правившего в середине XIV в. московского князя Семёна Гордого, - семейство Романовых не могло похвастаться ни знатностью, ни какими-либо особыми заслугами. Предки Романовы находились всегда в тени и ничем не отличились перед своими государями. Единственным поприщем, на котором это семейство к XVI в. заметно преуспело, стало его материальное обогащение, а также обзаведение выгодными родственными связями. Воистину "звёздный час" для Романовых настал в 1547 году, когда им удалось породниться с сидящей на русском престоле династией. – Тогда 16-летняя Анастасия Романова вышла за столь же ещё юного Ивана Грозного, и оставалась его женой затем на протяжении 13 лет, вплоть до своей внезапной и довольно загадочной смерти. Вознесение за счёт этой женитьбы к самому царскому трону обеспечило родственникам Анастасии поначалу как новые чины, богатства и почести, так и различные неприятности, опалы и казни в более поздний, начавшийся после 1560 г. "террористический период" правления Ивана Грозного. В итоге к моменту смерти этого царя из ближайшей родни его 1-й жены Анастасии оставались в живых лишь её брат Никита Романович со своими многочисленными детьми, из которых два сына, - бояре Фёдор и Иван Романовы, - впоследствии сыграют очень важную роль в событиях Смуты. Старший их этих сыновей, Фёдор Никитич (ок. 1554 -1633 гг.), в молодости блистал при дворе любовью к красивой одежде, щёгольством, а также откровенно западными манерами: так, он не только одним из первых среди московской знати стал брить бороду и носить короткую причёску, но даже выучился, как поговаривали, латыни! В июле 1596 г. у этого боярина родился сын Михаил – будущий первый царь из династии Романовых...

За счёт выгодных брачных союзов Романовы на протяжении 2-й пол. XVI в. успели также породниться со многими знатными и влиятельными семьями тогдашней России: князьями Голицыными, Мосальскими, Троекуровыми, Шастуновыми, Сицкими, Черкасскими и др. Данное обстоятельство, наряду с ещё больше умножившимися к тому времени земельными владениями и прочими богатствами, обеспечило Романовым большой политический вес и сделало их одним из ведущих боярских кланов при дворе московского царя... В правление Фёдора Ивановича из тактических соображений Романовы заключили союз с Годуновыми. Совместными усилиями они победили к 1587 году Шуйских, после чего придворное влияние Романовых и их богатство ещё более выросло. Возглавивший этот клан после смерти отца боярин Фёдор Никитич вскоре занял ведущее место как в Боярской думе, так и в русском военном командовании. Однако смысл поддерживать Бориса Годунова для Романовых, - наверняка уже тогда стремившихся к верховной власти, - сохранялся только до момента смерти царя Фёдора в 1598 году, когда встал ребром вопрос о новой династии. Избранию после этого на престол Бориса они помешать не смогли, но и, как многие другие боярские роды, вряд ли готовы были покорно служить этому царю, которого считали ничуть не выше себя! И хотя Романовым не было, казалось, причин жаловаться на царя Бориса, продолжавшего осыпать их милостями, эти бояре устроили осенью 1600 г. против него заговор. – По версии годуновского правительства, Романовы тогда хотели произвести государственный переворот, насильственно устранив царя!.. Монархические историки типа Карамзина позднее расценивали это обвинение лишь как бред подозрительного Годунова, однако если допустить, что такой заговор по захвату государственной власти со стороны клана Романовых действительно имел место, это заставляет совсем под другим углом взглянуть и на все последующие события в русской истории периода Смутного времени...

Хорошо организованная царём Борисом система слежки и доноительства позволила ему предотвратить этот переворот. – В 1600 г. служивший казначеем у Александра Романова (брата Фёдора Никитича) дворянин Бертенев донёс, что Романовы хранят у себя некие волшебные коренья, намереваясь известить ими царскую семью. Поэтому в октябре

1600 г. московская резиденция Фёдора Романова была взята штурмом стрельцами, а часть его незнатных приспешников – убита либо казнена. Главных же заговорщиков, братьев Романовых тогда арестовали и предали суду Боярской думы. При обыске в палатах у боярина Александра Никитича Романова действительно были найдены мешки с кореньями, предназначенными якобы для отравления царя. На судебном процессе против Романовых, где важную роль сыграло обвинение их в колдовстве, принял активнейшее участие и патриарх Иов вместе с прочими иерархами православной церкви. В итоге знатных заговорщиков не казнили, но подвергли суровой опале: братья Романовы были сосланы, а их предводителя Фёдора Никитича с женой и тещей дополнительно постригли в монашество. Причём Антониево-Сийский монастырь, избранный для заточения Фёдора Романова, ставшего отныне иноком Филаретом, на первых порах даже закрыли для богомольцев, дабы воспрепятствовать контактам узника со своими оставшимися на воле сподвижниками... Также ссылкам и опалам подверглись в 1600-1601 гг. некоторые поддерживавшие заговор родственники Романовых из числа князей Сицких, Черкасских, Шастуновых и т. д. Те из них, кто был послабей здоровьем, даже умерли в ссылке, прежде чем царь Борис в 1602 г. облегчил наказание виновным в романовском заговоре. Одних, - включая Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасского и князей Сицких, - полностью амнистировали, вернув из ссылки в Москву, другим же существенно облегчили условия содержания. Коснулись эти послабления и подневольного монаха Филарета – Фёдора Никитича Романова, которому царская власть позволила общаться с другими иноками, снова открыв Антониево-Сийскую обитель для посещений извне. Возможно, именно эта гуманность к опальным боярам-заговорщикам в итоге дорого обошлась царю Борису, а после и всей его державе...

Вряд ли случайно, что именно в 1600 году, когда был разоблачён романовский заговор против Годунова, по России впервые пошли ещё неопределённые слухи о чудесно выжившем в Угличе царевиче Дмитрие! Правда, на первых порах никто ещё не решался назвать его сим именем и тем бросить прямой вызов сидевшему на троне Борису Годунову, обвинив его в узурпации власти. Потребовались серьёзные потрясения и вызванная ими глобальная дискредитация правящего режима в массах, чтобы на этой почве явился реальный Лжедмитрий – Таким потрясением и косвенным детонатором Смуты послужил т. н. Великий голод, постигший Россию в 1601-1603 гг. Во время него происходило нечто беспрецедентное даже по меркам средних веков, когда голодовки для значительной части населения были обычным делом. Голод этот был вызван небывалыми погодными аномалиями, причиной которых в свою очередь, как считают современные учёные, стало мощное извержение в 1600 г. вулкана Уайнапутина в южноамериканских Андах, - о существовании которого Борис Годунов и его современники на Руси даже ничего не знали... Выброшенная тогда извержением в атмосферу пыль перенеслась в Северное полушарие и создала над территорией России в ближайшие после этого несколько лет явление, отдалённо схожее с последствиями "ядерной зимы", надолго испортив погоду... Как следствие, в самых хлеборобных регионах страны последовало несколько неурожайных подряд. Правительство Годунова делало всё, чтобы помочь за счёт казны голодающим, - не только раздавало им хлеб из государственных запасов, пыталось "сбить" взлетевшие цены на продовольствие, но и хоронило умерших на деньги царя, - однако масштабы бедствия оказались слишком чудовищными. Даже в Москве, по описаниям современников, нищие вынуждены были жевать траву, а во многих местностях России отмечалось людоедство. На почве голода по всей стране начались социальные волнения, расцвёл массовый бандитизм и т. д. Всё это грозило парализовать торговлю и государственное управление, что только усугубляло ситуацию. Наконец, подобные бедствия дали обильную пищу религиозному фанатизму: тогдашнему народу происходящее не могло представляться ничем иным, как страшным проявлением "гнева божьего", обрушившегося на Россию. Тёмное сознание средневековых людей неизбежно связало его с недавними политическими событиями: концом старой династии

Рюриковичей и приходом к власти дома Годуновых. А уж враги нового царя не замедлили поднять голову и начали активно "просвещать" несведущих об ужаснейших преступлениях и жутких грехах царя Бориса, на которые якобы разгневался Всевышний: и прежде всего припомнили ему смерть "царевича" Дмитрия в Угличе...

Как же вели себя в годину столь массового бедствия на Руси православные попы и монахи, которых сейчас нам выставляют в качестве всегдашних благодетелей русского народа!? Ведь современная клерикальная пропаганда, в частности, оправдывая безудержное "стяжательство" средневекового духовенства и его активность в накоплении материальных благ, уверяет, будто церковники собирали такие колоссальные богатства не столько для себя, сколько для простых людей: это, мол, были некие стратегические запасы на "черный день", коими кормили сырых и обездоленных... Известно, однако, чудовищное нежелание православного клира поступиться своими богатствами ради спасения гибнущих от знаменитого голода в Поволжье 20-х годов XX века, с которым столкнулось ленинское правительство Советской России. – Тогдашнюю неуступчивость церкви клерикалы сейчас оправдывают тем, что она была уже ранее "ограблена" большевиками, ещё и допуская, дескать, при изъятии церковных ценностей на нужды голодающих разные святотатства, оскорбление религиозных чувств и т. д. Что ж, может за 3 с лишним столетия до этого при Борисе Годунове, когда власть в России была не "безбожной", а церковь благоденствовала, православные попы охотней жертвовали накопленное ими золото и серебро обездоленным соотечественникам, а монашеские обители настежь раскрывали свои богатые хлебом закрома перед голодными толпами? – Да ничего подобного! В годы Великого голода начала XVII в. русское духовенство не только не спешило отдавать свои ранее накопленные богатства для спасения умирающих с голода, а напротив, - стремилось использовать это жуткое бедствие для ещё большего своего обогащения, активно занимаясь СПЕКУЛЯЦИЕЙ хлебом! И только (опять же, подобно ситуации с голодом 1921-22 гг. в Поволжье!) прямое давление со стороны светской власти, т. е. царя Бориса, заставило тогда церковников перестать наживаться на страданиях паствы и поступиться ради неё своими "духовными ценностями". Даже клерикально ориентированный Н. Карамзин нехотя вынужден в своей "Истории..." признать: **"Борис велел отворить царские житницы в Москве и в других городах; убедил духовенство и вельмож продавать хлебные свои запасы также низкой ценою..."**(8). – То, что у Карамзина сказано буквально в двух словах (царь «убедил духовенство»), стоит описать подробнее. Ибо исторические документы свидетельствуют, что в тогдашних условиях попы и монахи, придерживая свои запасы продовольствия в расчёте на ещё больший рост дороговизны, следовали в этом примере самого патриарха Иова, почитаемого ныне в РПЦ "святым"!.. Вот что писал об этом голландский негодант Исаак Масса, считающийся весьма информированным свидетелем: **«Патриарх, глава духовенства, на которого смотрели в Москве, как на вместилище святости, имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать ещё больше денег; и у этого человека не было ни жены, ни детей, ни родственников, никого, кому он бы мог оставить своё состояние, и так он был скуп, хотя дрожал от старости и одной ногой стоял в могиле!»** (9). – Показательно, что патриарх во время Великого голода до последней возможности поощрял спекуляцию хлебом не только вопреки тому, что считался "вместилищем святости", но и вопреки своей обычной лояльности царю Борису, который всячески стремился помочь голодающим: вот как въелись в натуру Иова свойственные духовенству скупость и торгашество!

Если столь цинично и безнравственно вёл себя тогда даже патриарх, чего уж было ждать от рядового духовенства? – Сам Борис Годунов писал, обличая спекулировавших хлебом в период Великого голода попов и монахов, что **«в архиепископских вотчинах и в монастырских у архимандритов, и у игуменов... прошлых лет старой пахоты из укупу и привозу ржаного и ярового молочёного и в кладех немолоченого всякого хлеба много»**, но **«архимандриты, и игумены... меж собой сговорившись, для своей корысти, хотя**

хлебную дорогою ценою разбогатеть, тот весь хлеб у себя затворили, и затаили, и для своих прибылей вздорожили в хлебе великую цену» (10). – Таким образом, церковная власть в России вела себя тогда куда аморальней, нежели светская, ибо все источники, рассказывающие о Великом голоде, говорят, что бесплатный хлеб голодающим раздавал только лишь царь Борис Годунов!.. В 1603 г. голод окончился, и цена на хлеб в России упала аж в 30 раз по сравнению с временем безудержной спекуляции, как отмечает Карамзин, *"к восхищению народа и к отчаянию корыстолюбцев, ещё богатых тайными запасами ржи и пшеницы!"* (8). Однако царю Годунову утраченной в народе популярности это внезапно наступившее изобилие, увы, вернуть не смогло...

5. Гришка Отрепьев – креатура церкви и бояр Романовых.

Именно во время ужасающего "голодомора" 1601-1603 гг. в Москве среди монахов Чудова монастыря зародилась самозванческая авантюра – одна из самых дерзких, захватывающих и далеко зашедших по своим последствиям политических интриг в отечественной истории. Тот факт, что именно из среды православного духовенства вышли первые зачинщики Смуты, явно не случаен. Автор «Новой повести о преславном Российском царстве» (1611 г.) так описывал нрав тогдашних священников: *«сан на себе имея, те славою мира сего прелестного прельстились, прощя говоря, подавились, к врагам преклонились и творят их волю»* (11). – Причин выступления части православного духовенства против годуновского режима могло быть несколько. С одной стороны, "продвинутый" царём Борисом на самую вершину церковной пирамиды Иов перешёл дорогу целому ряду архиереев, но избавиться от этого патриарха они не могли, пока в стране правил Годунов. С другой стороны, не нужно сбрасывать со счетов неприятие реакционным православным клиром реформ Годунова, направленных на сближение с Европой, всех его послаблений западным "еретикам" и т. д. Наконец, принудительные меры царя, не давшего церкви как следует нажиться на трагедии народа во время Великого голода, также могли настроить "добрых пастырей" против Бориса.

Итак, в начале истории Смуты стоит фигура монаха Григория Отрепьева (он же – Лжедмитрий I или Дмитрий-самозванец), которому суждено было сделаться первым и самым успешным из всех авантюристов, претендовавших на русский трон в течение XVII-XVIII вв. Согласно наиболее обоснованной, ещё годуновской версии, он был не просто выходцем именно из православного духовенства, а «особой, приближённой к самому патриарху»! Эту версию потом без возражений приняла также официальная историография династии Романовых, включая церковные источники. Сомнения в отношении её, высказывавшиеся некоторыми позднейшими историками, явно несерьёзны, и их убедительную критику дал в своём труде ещё Карамзин. Так что по его примеру далее в этой статье имена Лжедмитрий I, Григорий-Отрепьев или «расстрига» будут употребляться как синонимы...

Принадлежность 1-го самозванца к духовенству – отнюдь не единственный скандальный момент в истории Смуты; ибо до своего пострижения в монахи Отрепьев был приближён также к семье бояр Романовых! Вот как описывает предысторию его самозванства Карамзин: *"Бедный сын боярский, галичанин Юрий Отрепьев, в юности лишился отца... служил в доме у Романовых и князя Бориса Черкасского... скучал низким состоянием и решился искать удовольствия беспечной праздности в сане инок, следуя примеру деда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовал в обители Чудовской. Постриженный вятским игуменом Трифоном и названный Григорием, сей юный чернец скитался из места в место; жил несколько времени в Суздале, в обители св. Евфимия, в галицкой Иоанна Предтечи и в других; наконец, в Чудове монастыре, в келье у деда под началом. Там патриарх Иов узнал его, посвятил в диаконы и взял к себе для книжного дела: ибо Григорий умел не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святым лучше многих старых книжников*

того времени. Пользуясь милостью Иова, он часто ездил с ним и во дворец: видел пышность царскую и пленялся ею... Мысль чудная уже поселилась и зрела в душе мечтателя, внушённая ему, как уверяют, одним злым иноком: мысль, что смелый самозванец может воспользоваться легковерием россиян, умиляемых памятью Димитрия..." (8).

Итак, рано осиротев и обнищав, Юрий Богданович Отрепьев ещё до 1600 г. поступил на службу к одному из братьев Романовых и жил некоторое время на их знаменитом московском подворье, от которого сохранились каменные палаты в Зарядье. Важно, что родственник им князь Б. Черкасский, у которого также успел послужить Отрепьев, был одним из главных фигурантов заговора 1600 года против Годунова... Вскоре, как свидетельствовал потом патриарх Иов, юный Отрепьев **"заворовался, спасаясь от смертной казни, постригся в чернецы"**. Чудов же монастырь, где после смены пары других обитателей поселился будущий Лжедмитрий, стоял внутри московского Кремля и возглавлялся тогда архимандритом Пафнутием. Ясно, что простому нищему иноку, едва спасшемуся от кары за "воровство", попасть в столь привилегированный монастырь без чьей-то солидной протекции было нереально. Известно, и кто дал рекомендацию Отрепьеву: то был протопоп Успенского собора (главного храма Московской Руси) Евфимий, замолвивший словечко перед чудовским архимандритом за юного монаха. В Чудовом монастыре Григорий пробыл всего около года, но за это недолгое время сделал головокружительную для молодого человека его положения карьеру. – Сперва его взял к себе жить в собственную келью настоятель монастыря архимандрит Пафнутий, а затем по просьбе последнего Отрепьева посвятил в дьяконы и пригрел у себя сам патриарх Иов, сделав личным секретарём и доверив ему сочинять каноны православным «святым» - то есть откровенно лживые истории, - в чём Григорий превзошёл даже опытных церковных сказочников. Несомненно, это искусство вдохновенного вранья очень пригодилось Отрепьеву потом в его карьере самозванца, помогая охмурять легковерных баснями о своём якобы царском происхождении и чудесном спасении!..

Казалось бы, столь удачный старт на духовном поприще сулил молодому дьякону Григорию в обозримом будущем самые завидные перспективы: получение по милости патриарха места настоятеля одного из богатых монастырей, потом – сана епископа, возможно и митрополита, а в конечном итоге он мог бы стать (чем чёрт не шутит?) и главой всей русской церкви!.. Однако выгоды духовной карьеры молодого Отрепьева почему-то не прельстили, поэтому он предпринял штурм вершин светской власти. – И здесь весьма интригует обмолвка Карамзина о том, что оригинальная идея стать самозванцем на трон возникла не у самого Гришки, а была внушена ему *«как уверяют, одним злым иноком»!*.. Примечательно, что данный сюжет в своё время пытался обыграть А. С. Пушкин в его посвящённой Смуте трагедии "Борис Годунов": первоначальный текст пьесы содержал целую главу, выброшенную оттуда затем перед самой публикацией по цензурным соображениям. Сцена эта называлась "Ограда монастырская" и живописала, как Отрепьева подбивает домогаться трона некий "злой чернец", который и внушает Григорию мысль выдать себя за якобы выжившего в Угличе царевича Дмитрия!..

Вообще говоря, многие исследователи Смуты с давних пор сомневались в том, что Гришка Отрепьев дерзнул самостоятельно, без чьей-то подсказки объявить себя младшим сыном Ивана Грозного, чудесно спасшимся в 1591 году! – Ибо раньше, до начала XVII века, на Руси не было известно ни одного случая, когда бы безродный самозванец претендовал на трон не то что царя, но даже самого захудалого удельного князя. Зато подобные прецеденты не раз бывали прежде за границей на Западе, причём как в католических, так и в православных странах. К примеру, в конце XVI столетия, совсем незадолго до начала русской Смуты, целый ряд самозванцев на местный трон появлялись в Португалии и в Молдавии... По мнению современного российского историка Александра Широкограда, "злым чернецом", подбившим Отрепьева на столь неординарную авантюру, мог быть не кто иной, как тогдашний настоятель Чудова

монастыря архимандрит Пафнутий, в свою очередь тесно связанный, судя по обстоятельствам его биографии, с кланом Романовых... – Недаром вскоре после разоблачения и бегства Отрепьева из Москвы в Польшу Борис Годунов отправит этого чудовского настоятеля в ссылку за пособничество Гришке, а ещё позже, при воцарении расстриги, Пафнутий получит сан митрополита и будет настоящим "серым кардиналом" русской Смуты вплоть до 1612 года...

Чудов монастырь благодаря своему кремлёвскому расположению всегда был в центре придворных интриг. Там обретались многие постригшиеся в монахи представители московской знати, в том числе настроенные против царя Бориса. Эти иноки, сохраняя тесную связь со своими оставшимися "в миру" родичами, могли содействовать организации хитрого антигодуновского заговора. В подобном окружении вздумавший бросить вызов самому царю Отрепьев чувствовал себя, как рыба в воде. – Так, по рассказу того же Карамзина, дьякон Григорий с самого начала даже особо не скрывал своих претензий на трон от чудовских монахов, всю откровенничая с ними на эту тему!.. Правда, в итоге на Отрепьева всё же донесли, но почему-то не в царский Приказ, а по церковному ведомству, после чего ростовский митрополит рассказал о дерзости этого инока патриарху. Однако Иов, хотя и славился преданностью Борису Годунову, не поверил этому разоблачению и зачем-то стал покрывать явную крамолу своего секретаря. А вот царь Борис к словам ростовского митрополита отнёсся весьма серьёзно и приказал сослать Гришку Отрепьева на вечное покаяние в один из дальних северных монастырей будто бы за ересь. Однако велел это он сделать не в меру болтливому дьяку Смирному-Васильеву, который рассказал о том повелении свойственнику семьи Отрепьевых дьяку Евфимьеву. – Последний же постарался затянуть исполнение царского указа и предупредил Гришку о грозящей опале... Таким образом, попытка Годунова на корню пресечь замышляемую Отрепьевым авантюру сорвалась: близость этого монаха к патриарху и двору позволила ему вовремя ускользнуть от рук царя Бориса. – Зимой 1601/1602 гг. дьякон Григорий бежал из Москвы, да притом не один, а с ещё двумя монахами: его коллегой по Чудовой обители иноком Мисаилом и чернецом другого, Боровско-Пафнутьева монастыря, Варлаамом...

В то время русские монахи часто бродяжничали по стране, переходя из одной обители в другую и обирая по дороге набожных мирян: это было вполне обычно. Но Отрепьев, судя по документам, с самого начала не скрывал от своих попутчиков, что направляется именно за кордон, в Киево-Печерскую лавру, находившуюся тогда на территории Речи Посполитой – давнего и упорного врага Московской державы. И двум монахам, сопровождавшим Гришку, его затея вовсе не показалась зазорной... По дороге эта троица получала всяческое содействие от церковного начальства. Так, в приграничном Новгороде-Северском, лежавшем ещё на российской стороне, их радушно принял архимандрит местного Спасского монастыря, дав слугу с лошадьми. В итоге Гришка вместе с Мисаилом и Варлаамом беспрепятственно укатил за границу в польские пределы, оставив спасскому архимандриту записку, где именовал себя царевичем Дмитрием и писал о намерении сесть в будущем на московский трон. А оный архимандрит вместо того, чтоб сообщить про самозванца куда следует, набрал в рот воды и промолчал об этом вопиющем факте... До пересечения Отрепьевым литовской границы проводником ему служил некий Пимен, тоже русский монах Днепровского монастыря. Правда, переведя Гришку через границу, Пимен возвратился на российскую сторону, став затем одним из главных свидетелей годуновской версии, разоблачавшей личность Отрепьева. В Киеве, после прибытия на территорию Речи Посполитой, будущий Лжедмитрий опять же нашёл приют в местных православных обителях: Печёрской лавре, а после в монастырях Никольском и Дермане. В польско-литовских владениях пособником самозванца стал ещё один представитель православного духовенства, а именно инок Крыпецкого монастыря Леонид, который согласился назваться якобы настоящим Отрепьевым, дабы самому Григорию было легче путать следы и выдавать себя за выжившего царевича Дмитрия...

Сбросив на литовской территории монашество, Отрепьев вскоре поступил на службу к местному магнату, князю Вишневецкому, и открыл ему своё мнимое царское происхождение через вызванного для исповеди духовника-иезуита, притворившись перед ним умирающим. Иезуиты же Речи Посполитой, во главе с папским нунцием Рангони, быстро донесли о "явлении наследника московского престола" тогдашнему польскому королю Сигизмунду III, который полностью находился под их духовным влиянием. – С этих пор идейная миссия в подготовке авантюры Лжедмитрия перешла уже к католическому духовенству, действовавшему под руководством папского нунция, а в конечном итоге, - с ведением самого Рима. Тогдашний папа Климент VIII, до своего понтификата служивший легатом в Польше, был сильно озабочен в ту пору успехом Контрреформации. Поэтому он оценил полученные от Рангони новости и те перспективы, что открывались перед всей католической церковью в случае успеха Самозванца в России.

К началу 1604 года Лжедмитрий нашёл среди светских феодалов Речи Посполитой нового покровителя в лице самборского воеводы Ежи Мнишка. Важную роль тут сыграл и родственник этого воеводы Бернанд Мациевский, имевший большое влияние на короля и бывший столичным епископом в Польше, а также одним из инициаторов Брестской унии. Пользовавшийся личным покровительством папы Климента VIII, епископ Мациевский с конца 1603 г. являлся кардиналом римско-католической церкви... В феврале 1604 г. король Сигизмунд обратился к польскому сейму с вопросом о признании Лжедмитрия наследником русского престола и возможном оказании Польшей ему военной помощи, однако не получил поддержки депутатов. Это не помешало Ежи Мнишку уже в следующем месяце привезти Отрепьева в польскую столицу и устроить ему 15 марта аудиенцию с королём. – Сигизмунд III, вынужденный считаться с отрицательным мнением сейма, не обещал Лжедмитрию открытой помощи, но выказал при этом своё расположение и дал понять, что будет способствовать его успеху неофициально. За это он взял с Отрепьева обещание после своего воцарения в Москве уступить Польше часть приграничных земель, открыть дорогу в Россию католикам и иезуитам, разрешить строить им на русских землях свои церкви, а также помочь королю в его борьбе с враждебной Швецией. Тогда же, в марте 1604 года Лжедмитрий познакомился и с папским нунцием Рангони. Последний убедил Отрепьева перейти в католицизм: что бывший православный монах Григорий вскоре и сделал в доме одного из польских иезуитов, в присутствии нунция отречьшись от православия и признав власть римского папы. Этот описанный в документах иезуитского ордена акт до поры до времени было решено не разглашать, дабы не дискредитировать Отрепьева перед его русскими сторонниками. После своего перехода в латинскую веру Лжедмитрий по совету нунция Рангони написал в апреле 1604 г. собственноручное послание римскому папе Клименту VIII с просьбой о помощи, где называл себя его "покорным слугою" и признавал истинной лишь католическую церковь. Отрепьев вызывался обратить Россию в католичество, если папа поможет ему завоевать там "отцовский трон". В своём ответе папа Климент выказал радость по поводу обращения Лжедмитрия в "истинную веру", назвал его "дорогим сыном" и посулил самозванцу своё покровительство, но не обещал конкретной помощи. 30 июля 1604 года Лжедмитрий отправил римскому папе ещё одно, второе своё письмо...

Уехав из польской столицы обратно в Самбор, вскоре Отрепьев и Ежи Мнишек подписали целых два договора об условиях планируемого ими семейного и политического союза. Согласно этим документам, Отрепьев сулил воеводе Мнишку после своего воцарения буквально золотые горы, огромные владения в Смоленской, Северной и других соседних землях России, а его дочери Марине после женитьбы на ней обещал дать в полное владение Новгородскую и Псковскую земли, *"так чтобы она могла судить и рыдять в них самовластно... строить монастыри и церкви латинской веры, свободно исповедуя сию веру, которую и мы сами приняли с твёрдым намерением ввести оную во всё государство Московском."* – писал Лжедмитрий (8). За обещание всего это Ежи Мнишек собрал на свои деньги для похода расстриги на Москву войско из поляков

численностью чуть больше полутора тысяч человек. Позже к ним присоединилось на польской территории Украины 2-3 тысячи местных запорожских казаков. Ещё в начале своего выступления на восток данное воинство избрало себе предводителей: главным в нём стал воевода Ежи Мнишек; другие командные должности достались его сыну Станиславу, а также шляхтичам А. Жулицкому и А. Дворжецкому. Таким образом, военное руководство этим экспедиционным корпусом интервентов, шедшим сажать на московский престол Лжедмитрия, изначально осуществляли представители польской шляхты. Собственно же русских сторонников у самозванца до пересечения границы с Московией насчитывалось от силы пара сотен человек – то были эмигранты и перебежчики, недовольные по разным причинам правлением Бориса Годунова.

Официально на тот момент между Польшей и Россией сохранялся мир, ибо ранее, в марте 1601 года Россия продлила на ближайшие 20 лет перемирие с Речью Посполитой, заключённое ещё в конце Ливонской войны Иваном Грозным. Таким образом, формальных поводов начинать боевые действия на русской территории у поляков накануне Смуты не было... Польский историк Казимир Валишевский, столетие назад ещё не предвидевший открытия современных нам западников о том, что Смута начала XVII в. была исключительно "внутренним конфликтом" москвитов, довольно неуклюже пытался обелить своих соотечественников за эту наглую агрессию против России: *"В оправдание Польши надлежит принимать в соображение то обстоятельство, что Московия семнадцатого века считалась здесь страной дикой и, следовательно, открытой для таких предприятий насильственного поселения против воли туземцев; этот исконный обычай сохранился ещё в европейских нравах..."* (12). – Циничней и не скажешь! Что же, такие оправдания всегда были свойственны для самых разных интервентов, агрессоров, колонизаторов и прочих "цивилизаторов" Запада, а Валишевский безусловно прав в том, что такой обычай действительно надолго сохранился в их нравах. Последними, кто на полную катушку применили его против нашей страны, были в XX веке нацисты Гитлера; правда, точно по такому же принципу они в ходе 2-й мировой войны отнеслись и к самим полякам, и ко многим другим "туземным" народам Европы...

13 октября 1604 г. отряды Лжедмитрия переправились через Днепр и вскоре начали военные действия против сил московского правительства в приграничных землях России. Вскоре Самозванцем были захвачены русские города Чернигов, Путивль, Рыльск, Курск, Кромы и осаждён Новгород-Северский... Разумеется, не только поддержка авантюры Лжедмитрия со стороны польских властей, католического духовенства и части шляхты была причиной этих изначальных успехов Отрепьева. Ещё до перехода его войсками границы он с помощью умелой агитации привлёк на свою сторону население Северских земель, (т.е. юго-западного порубежья России), отличавшееся в ту пору мятежным нравом, а также многих донских казаков, имевших свои поводы ненавидеть правительство Годунова. Ещё перед началом похода 1604 г. верный сторонник Лжедмитрия, пан Михаил Ратомский вёл активную пропаганду в его пользу на пограничных с Польшей русских территориях через своих агентов, включая двух русских монахов, - возможно, тех же Мисаила и Леонида. Как следствие, в Северских землях после пересечения войсками Самозванца границы его тайные сторонники начали поднимать один мятеж за другим...

Тем временем в Москве царь Борис с большим запозданием и огромными трудностями собирал армию для войны против Отрепьева. Ещё ранее, узнав о появлении в соседнем государстве претендента на русский трон, правительство Годунова начало пропагандистскую кампанию с целью его разоблачения. Были обнародованы в том числе показания переводившего Лжедмитрия через русско-литовскую границу монаха Пимена, а также смоленского монаха Венедикта и ярославского мещанина, иконописца Степана, которые встречали расстригу уже в Киеве и опознали его как Григория-Отрепьева. Вскоре после того, как войско Лжедмитрия перешло границу России, в январе 1605 г. патриарх Иов призвал народ к войне за веру и отечество, а также направил по воле Бориса Годунова духовенству Речи Посполитой послание с призывом не оказывать помощи расстриге. Хотя

это письмо было подписано всеми епископами русской церкви, уличавшими Лжедмитрия как беглого дьякона Гришку, оно не возымело никакого эффекта: Иов даже не получил на него ответа... Между тем князь Василий Шуйский рассказывал москвичам на Красной площади, как в своё время умер и был им лично погребён в Угличе подлинный Дмитрий. Тогда же Борис Годунов велел доставить в Москву опальную инокиню Марфу, - бывшую «царицу» Марию Нагую, - для нового расспроса про обстоятельства гибели в 1591 г. её сына. Однако Марфа, некогда вдохновившая зверскую расправу над дюжиной людей Годунова, обвинённых ею в убийстве Дмитрия, теперь заявила, что не знает, жив ли тот или нет!..

Крайне любопытно было тогда поведение другого опального противника царя Бориса, - насильно постриженного тремя годами ранее в монахи Фёдора Никитича Романова. Хотя к октябрю 1604 г. все прочие Романовы, кто не умер в ссылке, были амнистированы царём Борисом и отпущены на свободу, самый главный из них оставался в далёком Антониево-Сийском монастыре под именем инока Филарета.... Надзиравшие за ним царские приставы исправно доносили в Москву о поведении и настроениях ссыльного. Так, одно из подобных донесений от ноября 1602 г. констатировало у этого опального "старца" полный упадок духа и утрату самого желания жить. Тогда очень переживавший своё низвержение Ф. Романов во всеуслышанье желал скорой смерти не только себе, но и своей семье, причитая о них: *"милые мои детки, маленьки бедные остались... лихо на меня жена да дети: как их помянешь, ино что рогатиною в сердце толкнет!"* и т. д. Казалось бы, воля "государева изменника", осуждённого по обвинению в подготовке дворцового переворота, была полностью сломлена, и в будущем он не ждал для себя ровным счётом ничего хорошего... Но вот минула пара лет, режим содержания Филарета-Романова по воле царя смягчился; в открывшийся для посторонних Антониево-Сийский монастырь стали прибывать, *"проходом идучи, помолитися торговые люди тех городов"*, а другие приходили в эту обитель *"из иных городов на житье"*. С этими-то "прихожими людьми" и начали долетать до Ф. Романова вести о последних политических событиях. И вот уже с начала 1605 г. тихого узника Филарета вдруг словно подменили: перед нами уже не кроткий "старец", хнычущий о своих детках и молящий Господа о смерти, а прежний, гордый боярин-царедворец, явно предвкушающий скорую перемену его участи к лучшему! Так, донесение пристава из Антониево-Сийского монастыря Борису Годунову от февраля 1605 г. гласит, что: *"живёт старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил; и к старцам жесток"*. Соответственно изменилось всё поведение Ф. Романова в монастыре: простые монахи начали жаловаться на бесчинства Филарета, что он *"лает их и бить хочет"*, говоря им при этом: *"увидят они, каков он вперед будет!"*... Документы этого времени отмечают и то, что сей инок стал явно пренебрегать монашескими обязанностями: *"а ныне де в Великий пост у отца духовного тот старец Филарет не был, и к церкви... не приходил, и на крылосе не стоит"* (13)...

Тем временем начавшаяся осенью 1604 г. вялотекущая война Москвы с Лжедмитрием в приграничных областях продолжалась. После переброски дополнительных сил на этот театр боевых действий царские воеводы достигли, казалось бы, явного перевеса над отрядами Самозванца и сумели остановить его продвижение вглубь России. В начале января 1605 г. из-за трудностей зимней кампании и отсутствия денег "гетман" Е. Мнишек с большей частью польских солдат покинул Самозванца и вернулся под благовидным предлогом в Польшу, передав командование Дворжецкому. Однако вскоре из польских пределов на помощь Лжедмитрию подошло довольно сильное подкрепление – 12 тысяч украинских казаков... И хотя у Самозванца зимой 1604/1605 гг. было явно недостаточно сил, чтобы противостоять огромной царской армии, двинутой против него Годуновым, на руку Отрепьеву играло само командование правительственных войск. Ибо с конца 1604 г. их возглавляли такие прибывавшие один за другим из Москвы знатные воеводы, как братья Дмитрий и Василий Шуйские, князь Фёдор Мстиславский и т. д. Все они не только

были совершенно бездарными и трусливыми полководцами, но явно зарились на русский трон, сыграв позже важную роль в политических интригах Смуты. Возможно, не решаясь пока открыто изменить царю Борису и перейти к Лжедмитрию, эти командующие втихую саботировали порученную им войну, которая чем дальше, тем больше приобретала весьма странный ход. К примеру, князь Мстиславский умудрился с позором проиграть 21 декабря 1604 г. уступавшему ему по силам в несколько раз войску Отрепьева сражение под Новгород-Северским; а в следующей крупной битве, произошедшей месяц спустя под Добрыничами, этот царский воевода с присланным ему в помощь из столицы князем Василием Шуйским хотя и сумел кое-как разбить противника, не организовал его преследование, что позволило спастись лично Самозванцу и части его сил. В итоге Ф. Мстиславский не воспользовался одержанной под Добрыничами победой, и вместо того, чтобы выбить остатки вражеских войск за пределы страны, сам принялся отступать! – Отойдя после неудачной осады Рыльска с позором и потерями к Севску, князь Мстиславский под предлогом трудностей со снабжением армии в зимних условиях собрался увести её ещё дальше. Совсем распустить свои полки на отдых помешал этому горе-воеводе лишь прямой запрет разгневанного царя Бориса! Позже царские войска необъяснимым образом завязли у маленькой крепости Кромы, которую безуспешно осаждали несколько месяцев, хотя там им от лица Самозванца противостоял лишь маленький отряд донских казаков атамана Корелы. В общем, с февраля 1605 г. действующая против Лжедмитрия царская армия, хотя и не была распущена командующим Мстиславским, явно утратила инициативу, как будто чего-то выжидая...

6. Падение Годуновых: Лжедмитрий I и патриарх Игнатий.

13 апреля 1605 г. уже давно имевший большие проблемы со здоровьем Борис Годунов внезапно умер в Москве: то ли от «удара», вызванного связанным с затянувшейся борьбой против Лжедмитрия стрессом, то ли от яда кого-то из своих приближённых... После смерти Бориса патриарх Иов приложил отчаянные усилия, чтобы спасти власть династии Годуновых. Так, он не только организовал присягу на верность наследнику Бориса, царевичу Фёдору, но также роздал населению громадные казённые суммы, объявил всеобщую амнистию и заботился об укреплении обороны Москвы... Однако принесённая всенародно, от патриарха до простых крестьян, церковная присяга новому царю Фёдору Борисовичу, - в которой подданные давали страшные клятвы не изменять ему, равно как и его сестре Ксении с их матерью Марией, вдовой царя Бориса, не желать на царство "*злодея, именующего себя Димитрием*", и прочее, - не предотвратила скорого переворота... Начался он с бунта стоявших под Кромами правительственных войск, которые в апреле 1605 г. вместе со своим новым воеводой Петром Басмановым присягнули на верность сыну умершего царя Фёдору, а уже 7 мая – взбунтовалась против него! Пётр же Басманов, недавно ставший главнокомандующим, либо сам возглавил этот мятеж, либо нарочно позволил заговорщикам взять верх. Немногие оставшиеся верными Годуновым воины бежали в Москву, остальные же присягнули Лжедмитрию. Бунтовщики соединились с отрядами Самозванца, которому присягнул и П. Басманов. Вслед за тем начался массовый переход русских городов и военных гарнизонов в провинции на сторону Отрепьева, которому присягали как «законному царю Дмитрию Ивановичу».

Вскоре расстрига, заняв Орёл, вместе с тысячей поляков, а также парой тысяч запорожских казаков и русских конников двинулся к Москве, почти везде встречая торжественный приём. Уже 31 мая 1605 г. передовой отряд атамана Корелы разбил лагерь неподалёку от столицы, а на следующий день в Москву проникли эмиссары Лжедмитрия и зачитали народу на Красной площади его воззвание... Вышедший в числе прочих бояр к народу князь Василий Шуйский, ещё считанные месяцы назад клявшийся здесь же на Лобном месте, что младший сын Ивана Грозного давно мёртв, внезапно полностью "изменил свои показания" и во всеуслышанье повторил басни расстриги, будто Дмитрий в

Угличе действительно спасся, а вместо него в 1591 г. был убит его сверстник, некий поповский сын! После этого толпа ворвалась в Кремль; резиденция и имущество Годуновых были разграблены, а царская семья арестована: причём за юного Фёдора Борисовича, не успевшего ещё венчаться на царство, не вступилась даже его личная стража. Этот переворот 1605 года против Годуновых, - первый в череде последующих государственных переворотов Смутного времени, - был произведён агентами Лжедмитрия во многом благодаря пассивности патриарха: ибо старый Иов, столь обязанный Годуновым, лишь горько плакал, но так и не решился выйти на площадь вразумить бунтовщиков!..

Узнав о перевороте в столице, Лжедмитрий 5 июня 1605 г. прибыл в Тулу, где его встречали уже как царя. Там Самозванец издал манифест к народу, где врал, будто его признали истинным сыном Ивана Грозного и патриарх Иов, и весь "освящённый собор", и Боярская дума, и прочие высшие чины! Из Тулы вскоре Лжедмитрий двинулся в Серпухов, откуда навстречу расстриге выехали ещё недавно «сражавшиеся» против него князя Фёдор Мстиславский и Дмитрий Шуйский вместе с изъявлявшей свою покорность большой депутацией москвичей. В Серпухове бояре провели переговоры с Лжедмитрием, вокруг которого уже сложился круг приближённых из князей Голицыных, П. Басманова, а также свойственников Романовых: князя Б. Лыкова, боярина М. Салтыковым и других.

Именно князь В. Голицын с Басмановым возглавили посланную в Москву ещё до приезда туда Лжедмитрия «команду» для расправы над семьёй Бориса Годунова. Сперва они низложили патриарха: хотя тот и готов был, по свидетельству некоторых современников, «бить челом» своему бывшему секретарю Отрепьеву как новому самодержцу, Лжедмитрий не захотел оставить Иова во главе церкви. Вообще говоря, законных причин свергать старика Иова, возведённого на патриаршество ещё при официальном правлении царя Фёдора Ивановича и признанного в этом качестве «восточными» церквями, узурпатор не имел... Однако же абсолютный приоритет царской власти над духовной позволил клеветам Самозванца ещё до его вступления в столицу разделаться с патриархом не только безо всяких религиозных формальностей, но и вызывающе грубо. – Ворвавшись с оружием прямо в Успенский собор Кремля, где "многострадальный" Иов совершал литургию, они схватили патриарха, вытащили его из алтаря, содрали ризы и сперва, как пишут, даже хотели убить. Но заступничество сбежавшихся на шум кремлёвских священников и прихожан спасло Иова от смерти: в итоге его лишь заставили отречься от своего сана. После этого толпа разграбила патриаршьи богатства, а самого бывшего главу церкви мятежники ещё долго бесчестили в Кремле, пока не увезли за город. Потом Иова сослали простым иноком в его исконный Успенский монастырь в Старицком уезде, где держали под строгим надзором... Но если активное вмешательство столичного духовенства помешало сподвижникам Лжедмитрия убить главу русской церкви, то жизнь другой священной для православных особы, - сидевшего под домашним арестом царевича Фёдора, - не пытался спасти уже никто из москвичей, ещё недавно клявшихся на кресте в верности ему и его близким. – В итоге приспешники Лжедмитрия жестоко разделались с низложенным семейством Годуновых: юный Фёдор Борисович был убит вместе со своей матерью, а его сестра Ксения предана поруганию... Причём тела царевича Фёдора и вдовы Бориса Годунова даже запретили хоронить по православному обряду, обосновав это тем, что они якобы совершили самоубийство! Ксению же Годунову сперва взял себе расстригин приспешник князь Мосальский, позже отдавший её в качестве наложницы самому Лжедмитрию. Уцелевших Годуновых, их родственников Сабуровых и Вельяминовых сослали, их имущество конфисковали, а труп собственно царя Бориса выбросили из могилы...

20 июня 1605 года Лжедмитрий в сопровождении как русских стрельцов, так и сражавшихся ранее под его знамёнами поляков триумфально вступил в Москву. При этом Самозванца в числе прочих, с крестами и под колокольный звон всех московских церквей встречало православное духовенство во главе со своими иерархами. – Как писал потом

современник этих событий И. Хворостинин, весь московский *«святительский чин и архиерейский собор с жителями благолепно почтил беззаконного (т.е. Лжедмитрия) со святыми иконами»* (14)... При этом с первого же дня Отрепьев стал шокировать набожных россиян своим пренебрежением к церковным традициям. Так, вступив за приветствовавшими его попами в Успенский собор Кремля, самозванец туда ввёл также служивших ему иноверцев: поляков, венгров и прочих неправославных, - чего ранее в Москве не случалось. Всё же сперва православное духовенство и в России, и за её пределами славил победившего расстригу: так, московский протоиерей Благовещенского собора Терентий сочинил в честь него похвальное слово, а восточный патриарх Иерусалима льстивой грамотой раболепно извещал, будто бы вся Палестина ликует о "чудесном спасении и воцарении" истинного сына Ивана Грозного; в иерусалимском же храме Гроба Господня в честь Лжедмитрия круглосуточно горели аж три лампы!

На что же рассчитывали оппозиционные Борису Годунову знатные роды Шуйских, Романовых, Голицыных и прочих бояр, помогая успеху Лжедмитрия? Вряд ли кто-то из них всерьёз верил, хотя б и в самом начале авантюры Самозванца, что это действительно может быть чудесно спасшийся в 1591 г. от смерти "царевич" Дмитрий. – Как признавался впоследствии князь Василий Шуйский, они поддержали Лжедмитрия только для того, чтобы избавиться от Годунова; но каково было теперь этим князьям и боярам от перспективы до самой смерти прислуживать наглому выскочке из захудалой семьи провинциальных дворян Отрепьевых, славя его как законного царя Дмитрия Ивановича?! Возможно, сперва заговорщики рассчитывали, что молодой, неопытный самозванец на царском троне станет послушной марионеткой в их руках, из-за спины которого они будут творить собственную политику, и думали удерживать его под своим контролем, шантажируя угрозой разоблачения? Если так, то они жестоко просчитались, ибо Гришка быстро показал, что не станет исполнителем боярской воли. – Наглядный урок в этом смысле Отрепьев дал спустя всего лишь 3 дня после своего триумфального въезда в столицу на примере клана Шуйских, приказав арестовать по обвинению в измене его главу князя Василия вместе с братьями Иваном и Дмитрием уже 23 июня 1605 года. Василий Шуйский, мол, распускал слух о том, что новый "царь – не настоящий" и даже планировал якобы убить Самозванца в его дворце! Уже на следующий день Василий Шуйский был приговорён к смерти, а его братья – к заточению. Казнь осуждённого должна была состояться 25 июня, но в последний миг Лжедмитрий помиловал Василия и заменил ему смертный приговор на ссылку вместе с братьями в Галич. Однако спустя всего месяц, по случаю своей коронации Самозванец объявил Шуйским амнистию, вернул их не только в Москву, но и в состав Боярской думы, а также возвратил конфискованное имущество...

Поскольку Самозванец хотел скорее венчаться на царство, для этого ему нужно было определиться с кандидатурой нового патриарха на место свергнутого Иова. Здесь Лжедмитрий ещё раз показал свои иностранные предпочтения, выбрав на эту роль не русского клирика, а православного чужеземца: кипрского архиепископа, грека Игнатия, который был в своё время изгнан с родного острова турками, жил некоторое время в Риме, а в 1598 г. приехал в Россию как посланец Константинопольского патриарха на коронацию Годунова, да так и остался в Москве. Сумев выслужиться перед царём Борисом, в 1603 году Игнатий стал архиепископом Рязанским и Муромским. Позднее русская церковь приписала злополучному Игнатию все возможные пороки: *«муж глупый, и пьяница, и срамословец, и кощунник...»* (15). Главная же причина, по которой Лжедмитрий поставил его во главе церкви, была в том, что Игнатий первым среди епископата переметнулся на сторону Отрепьева и единственный из прочих архиереев встречал его уже в Туле, на пути к Москве... Созванный по указу Лжедмитрия от 21 июня 1605 г. церковный Собор сперва восстановил – ради соблюдения формальностей – низложенного ранее силой патриарха Иова, но тут же «отставил» по причине старости и немощи. Вместо него Собор по воле нового царя единодушно утвердил главой церкви

рязанского архиепископа, и уже 24 июня 1605 года Игнатий был возведён в патриаршество. Хотя в разосланных новым патриархом по стране грамотах пастве предписывалось молиться за нового царя и его мать, инокиню Марфу-Нагую, дабы Господь возвысил *"их царскую десницу над латинством и бусурманством"*, среди церковной верхушки сразу поползли слухи, что Игнатий является сторонником унии православия с католицизмом...

Надо отметить, что перестановки в церковной иерархии при воцарении Лжедмитрия не ограничились лишь заменой патриарха: следующие по рангу, митрополичьи кафедры были летом 1605 г. также заняты людьми Самозванца. – После прихода к власти расстрига не только вернул в Москву сосланного прежде Борисом Годуновым своего бывшего начальника и покровителя, архимандрита Чудова монастыря Пафнутия, но и сделал его вторым лицом в иерархии русской церкви, митрополитом Крутицким. Поставленный же Годуновым вместо Пафнутия новый чудовский архимандрит был просто сослан. – Такая протекция, оказанная Пафнутию в его церковной карьере Лжедмитрием, блестяще подтверждает не только годуновскую версию о том, что Самозванец ранее являлся монахом Чудова монастыря, но и подозрение об активной помощи, оказанной настоятелем этой обители расстриге в начале его авантюры... А третьим по значимости в тогдашней церковной иерархии, Ростовским митрополитом Лжедмитрий сделал... кого бы вы думали? – Главу рода Романовых, Фёдора Никитича, у которого Отрепьев служил ещё раньше, и который доселе отбывал по воле Бориса Годунова ссылку, постриженный в монахи под именем Филарета! Ибо уже в июле 1605 года, почти сразу после воцарения расстриги его посланцы торжественно привезли освобождённого из Антониево-Сийского монастыря старейшину Романовых в столицу. Там новый царь не только по первому разряду обласкал Фёдора-Филарета, но и возвёл его с помощью своего патриарха Игнатия в сан митрополита Ростовского и Ярославского. Причём прежнего ростовского митрополита, Кирилла (Завидова), ради этого опять же согнали с его места без объяснения причин. Богатые пожалования и придворные чины получили от Лжедмитрия также другие Романовы, включая и совсем маленького тогда Михаила, сына Филарета...

Столь неслыханные милости, оказанные воцарившимся Самозванцем как Пафнутию, так и Романовым, красноречиво говорят о закулисной роли всех их в аванюре Лжедмитрия. Ибо вознесение опального инока сразу в сан митрополита – дело в духовной карьере довольно неслыханное; а Ф. Романов заслужил его уж явно не "святостью", проявленной им за несколько лет ссылки в северном монастыре, где он под конец своего заточения даже церковные службы посещать не желал! Да и Пафнутия, бывшего настоятеля монастыря, хоть и привилегированного, делать сразу вторым лицом в церкви было, казалось бы, явной несуразностью. – Если же расценивать вознесение Пафнутия и Филарета к вершине церковной иерархии в 1605 г. как уплату им со стороны победившего узурпатора «по счетам», тогда всё становится на свои места!.. Конечно, отечественные историки-монархисты не заостряют внимания на подобном кульбите в духовной карьере Ф. Романова, либо вообще игнорируя сей факт, либо благочестиво объясняя вознесение Филарета из грязи в церковные князи общей политикой реабилитации Самозванцем пострадавших от Годунова в целях привлечь на свою сторону врагов умершего Бориса и т. д. Но даже будь это так, романовские апологеты, - коль скоро они в своём большинстве согласны, что Лжедмитрий I был именно Отрепьевым, - должны бы счесть крайне бессовестным поведение «старца» Филарета, который за милости расстриги признал этого некогда служившего ему проходимца законным наследником трона Дмитрием и стал тем самым одним из главных пособников самозванческой авантюры!..

Другими же соучастниками этого всероссийского обмана явились ещё одни возвращённые Самозванцем из ссылки жертвы годуновских репрессий: его мнимые «родственнички» Нагие, которые тоже узнали в нём младшего сына Ивана Грозного!.. Прежде всего, это сделала приехавшая в Москву 18 июля 1605 года Мария Нагая, - мнимая мать Лжедмитрия, которая полтора десятилетия назад была пострижена в

инокини, а теперь объявлена "царицей" вопреки православным канонам, запрещавшим совмещать светскую власть с монашеством. То, что в июле 1605 года М. Нагая без особых колебаний согласилась подыграть Лжедмитрию, объявив его во всеуслышание своим сыном, также уличает эту "царицу" в полнейшей безнравственности! Уж кто-кто, а Мария Нагая, ставшая инокиней Марфой, заведомо не могла питать никаких иллюзий по поводу того, что её настоящий сын вот уже 15 лет как похоронен в Угличе, а захвативший в Москве власть Лжедмитрий – наглый самозванец и авантюрист... Теперь же от М. Нагой требовалось при всём честном народе изобразить сцену его "узнавания", имитировать горячую радость от встречи с этим незнакомцем, а затем вплоть до самой смерти жутко лицемерить, изображая на людях родительскую любовь к совершенно чужому ей типу! Не говоря уже о естественных чувствах безутешной матери, которые должно было оскорбить подобное кощунство над памятью её единственного сына, Мария как христианка и тем более как православная монахиня обязана была воспротивиться участию в столь чудовищном обмане! – Тем не менее, инокиня Марфа в июле 1605 г. успешно «опознала» Дмитрия в расстриге и тем самым помогла этому узурпатору легализовать осуществлённый им захват власти. Столь тяжкий грех пред богом и людьми, взятый на себя этой инокиней в 1605 году, не может быть оправдан якобы страхом Марфы (на который она ссылалась потом), что разозлённый Лжедмитрий в случае отказа его "усыновить" жестоко отомстит ей или её родичам. – Ведь для подлинного царевича Дмитрия любые формы расправы над Нагими выглядели бы тогда в высшей степени дико. Отрепьев не посмел бы казнить свою, как он уверял, единственную оставшуюся у него родню, ибо таким шагом он бы себя немедленно выдал, показав всем своё самозванство! – Можно сказать даже, что в этой ситуации Лжедмитрий больше сам зависел от Нагих, чем они от него... В конце концов, Мария даже при очной ставке с Отрепьевым могла бы уклониться от ясного ответа на вопрос, узнаёт ли она в нём своего сына, которого лишилась целых 15 лет назад: ибо внешность мальчика, ставшего взрослым человеком, за столько времени могла разительно измениться! Лжедмитрий скорее всего в таком случае просто бы оставил свою несчастную "родительницу" в покое, объявив в подобной ситуации народу, что его мамаша от долгих преследований злодея Годунова помешалась рассудком, и отослал её обратно в тот дальний монастырь, где Мария ранее пребывала... Так что продолжение ссылки было по сути, самым большим, чем она и прочие Нагие рисковали бы в случае своего отказа подыгрывать Лжедмитрию. Пособниками же его Нагие сделались не столько из боязни, сколько из корыстного желания вернуть себе прежнее богатство и место при царском дворе, утраченное ими ещё 20 с лишним лет назад после смерти Ивана Грозного! Такая скверная история показывает всех членов этого семейства не просто бесчестными и продажными, но также глубоко авантюрными личностями, по духу и впрямь близкими их «родственничку» Гришке Отрепьеву...

Пропагандистский эффект от публичного признания «царицей-инокиней» Марфой своим сыном расстриги был, как он и ожидал, велик. В конце июля 1605 года Лжедмитрий официально венчался на царство, приняв корону от патриарха Игнатия. Затем всё высшее духовенство православной церкви пирилось на торжественном обеде, устроенном по случаю помазания Гришки на царство, не переставая при этом ему льстить и угождать... Однако же скоро иноземные повадки нового самодержца стали всё больше возмущать многих из его православных подданных. Прежде всего их поражало, что Лжедмитрий не желал креститься перед иконами, а также не велел благословлять и окроплять "святой водой" свои царские трапезы, садясь за стол не с молитвой, а с музыкой. На обедах он демонстративно ел подчас телятину, что считалось у православных грехом, а также (о ужас!) использовал по западному обычаю совершенно дьявольский прибор: ВИЛКУ, который тогда на Руси ещё не применяли!.. Так что спустя некоторое время большинство православного духовенства отшатнулось от своего бывшего коллеги, севшего на московский трон. Русских клириков раздражало и то, что Лжедмитрий выгнал часть московских священников из их роскошных домов, которые он отдал своим иностранным

телохранителям; и что разрешил проводить для тех в Кремле проповеди лютеранских пасторов; и что стал подвергать монахов в наказание за их гражданские преступления унижительной «торговой казни»; и что он цинично обирал богатые обитатели, не желая оплачивать взятые у них долги... Под самый же конец его краткого царствования Отрепьев замыслил в России и вовсе кошунственное дело: частичную секуляризацию церковного имущества! – По крайней мере, Самозванец распорядился провести по всей стране опись имений и доходов православных монастырей, озвучив свой план изъять большую часть этих богатств для нужд армии, а монахам оставить для их содержания лишь самое необходимое... Поэтому вскоре многие московские попы, официально продолжая молиться в храмах за Лжедмитрия, втихомолку стали агитировать свою паству против нового царя, нащёптывая прихожанам о его самозванстве и впадении в ересь!

Гришка давал поводы для подобного обвинения так же и его тесными контактами с католическим духовенством. Прибывшим вместе с ним иезуитам он отвёл лучший дом прямо в Кремле, позволив служить латинскую обедню.– Кроме того, после захвата власти в Москве расстрига возобновил свои отношения с Римом, где между тем ещё в мае 1605 г. умершего папу Климента VIII сменил Павел V. Узнав о приходе расстриги к власти в Москве, новый папа затеял оживлённую переписку с ним, а также с польским королём и Е. Мнишком на предмет скорого присоединения России к Брестской унии. Правда, Лжедмитрий предпочитал обсуждать с папой лишь внешнеполитические вопросы, не касаясь дел веры. Папа же убеждал Отрепьева быстрее провозгласить церковную унию, воздействуя через своего нунция Рангони, ревностно прислуживавшего Самозванцу и опекавшего его с самой Польши. Хотя Павел V всячески потакал честолюбию Лжедмитрия, согласившись даже признать за ним императорский титул, сам расстрига в отношении унии с Римом отделялся лишь туманными обещаниями, явно боясь чрезмерной спешностью в этом вопросе настроить против себя православное население.

Некоторые «ультра-западники» в России сейчас с теплотой отзываются о Лжедмитрии I, усматривая в нём не просто захватившего престол авантюриста, а талантливого правителя, либерального реформатора, который, удержись он у власти, смог бы повести Россию по более прогрессивному пути развития и т. п. Сторонники такого мнения горько сетуют, что Гришка Отрепьев погиб, процарствовав всего 11 месяцев, - а то бы он, дескать, уже тогда приблизил нашу страну к европейской цивилизации, предвосхитив дела Петра I и т. д. Они порой также приписывают этому самозванцу мнимую "демократичность", "гуманизм" и прочие фиктивные добродетели, якобы выгодно отличавшие его от других русских монархов... Всё это, однако, совершенно безосновательные иллюзии, ибо за своё пусть и недолгое, но достаточно яркое царствование Лжедмитрий I не проявил никакой особой прогрессивности, просвещённости или гуманности, как и вообще качеств действительно мудрого политика. Вместо демократизма он показал лишь самую пошлую манию величия в смеси с безвкусицей и вульгарностью; почти за год своего пребывания на троне этот мнимый «либерал» не только не попытался как-то изменить самодержавную форму правления в России или пойти на существенные уступки простому народу, но даже не обещал подобных реформ. Своё пресловутое "милосердие" Отрепьев демонстрировал лишь к тем, кто становился его лакеем; в отношении же непокорных он проявлял только подлость и жестокость, свойственные уголовным отморожкам... По большому счёту, дела Лжедмитрия после его воцарения – это типичное поведение сумасбродного выскочки, который сознавал себя «халифом на час», оказавшимся у власти лишь случайно и ненадолго, а потому спешил оторваться, так сказать, по полной! К концу своего короткого царствования Отрепьев уже явно начал скатываться к тому, что в Древнем Риме именовали «кесаревым безумием» и чем прославились в своё время там императоры типа Нерона или Калигулы. Останься Лжедмитрий подольше на троне, скорее всего из него вышел бы не Пётр Великий, а новый юродствующий царь в духе Ивана Грозного, сыном которого он недаром себя объявлял. – Так, за считанные месяцы правления Самозванец

умудрился растратить большую часть царской казны, которую Годуновы оставили в цветущем состоянии. Одной из самых гнусных черт Лжедмитрия I был необузданный разврат, которым он занимался до самой его свадьбы, т. е. фактически всё время правления. – В компании со своими дружками П. Басмановым и М. Молчановым сей бывший монах растлевал, а подчас насиловал множество приглянувшихся ему девиц, чужих жён, и даже молодых инокинь. Об этом пишут не только русские, но и иностранные источники: в частности, голландец И. Масса утверждал, что после гибели Лжедмитрия в 1606 г. у него осталось в Москве несколько десятков внебрачных детей, прижитых в результате устраиваемых им ранее дворцовых оргий. Кроме того, Самозванец принуждал к сожительству и свою постоянную наложницу Ксению Годунову, молодую дочь царя Бориса. О данном скандальном факте, к примеру, ещё в декабре 1605 года Лжедмитрию писал отец его невесты Ежи Мнишек, пытаясь хоть как-то усостыжить расстригу: *"Поелику известная царица, Борисова дочь, близко Вас находится, благоволите, вняв совету благоразумных людей, от себя её отдалить"*. Однако сластолюбивый Гришка упорно не желал расставаться с этой своей добычей и лишь в апреле 1606 года, когда его официальная невеста Марина Мнишек уже подъезжала к Москве, отправил несчастную Ксению Годунову в дальнюю обитель на Белоозеро, где её постригли в монахини под именем Ольги... По мнению историка А. Широкограда, расстрига: *"не имел никаких шансов процарствовать хотя бы несколько лет. Иные любят сравнивать Лжедмитрия I с Петром I... Но это лишь внешнее сходство. Деяния Петра на 80 процентов шли на пользу отечеству, а на 20 процентов были фарсом, у Лжедмитрия же фарсом было всё"* (1).

Новый царь постарался задобрить, помимо Романовых и своих мнимых родичей Нагих, также других наиболее именитых бояр: показав чуть ранее на примере Шуйских "кнут", он затем дал им "пряник", осыпав щедрыми пожалованиями после своей коронации. Напуганная московская знать молчала, но внутри неё уже зрел план избавления от столь ретивого "государя", которого она опрометчиво посадила себе на голову. Для этого ряду бояр пришла в голову экстравагантная идея: Лжедмитрия, пришедшего к власти с помощью поляков, они задумали свергнуть посредством... опять же поляков! А именно, бояре решили просить о помощи в таком деле польского короля Сигизмунда, соблазняя перспективой усадить на московский трон его сына Владислава вместо Гришки. Но сперва они желали убедить короля в том, что Лжедмитрий – действительно самозванец, не имеющий права на власть. В этом им помогла "царица-инокиня" Марфа, которую разозлил план Отрепьева, выдвинутый им вскоре после своей коронации, перезахоронить в Угличе прах её настоящего сына, - объявленного теперь поповичем, опрометчиво убитым в 1591 г. тупоумными слугами Годунова вместо подлинного Дмитрия... Из обиды на расстригу М. Нагая сделала разоблачительное признание о его личности боярам Шуйским и Голицыным, а после по их настоянию повторила свой рассказ находившемуся на русской службе шведскому наёмнику Петру Петрею. В декабре 1605 года Петрей был отправлен из Москвы в Польшу, где заявил тайно принявшему его королю Сигизмунду, что Лжедмитрий *"не тот, за кого себя выдаёт"*, рассказав о признании на сей счёт Марфы. Несколько позже оппозиционные Самозванцу бояре известили короля через русского посла Ивана Безобразова, что Лжедмитрий будет свергнут в самом близком времени...

При всём внешнем безумии план устранить Лжедмитрия с помощью Сигизмунда III был до некоторой степени обоснован тем, что Самозванец довольно быстро успел разочаровать сперва покровительствовавшего ему польского короля. Ибо воцарившийся Гришка отнюдь не спешил выполнять те щедрые обещания, которые он прежде дал Польше за поддержку его авантюры. Более того, Отрепьев после своей коронации стал проявлять к западным соседям надменность, неслыханную доселе и со стороны вполне законных русских правителей. – Так, едва сев на трон, Лжедмитрий без раздумий присвоил себе, кроме прежних наименований московских правителей "царь" и "великий князь всея Руси", ещё такие громкие титулы, как "император" и "великий Цесарь": при

том, что Речь Посполитая до этого не признавала за российскими монархами права именоваться даже царями! Правда, скверно знавший латинский язык Самозванец не умел толком писать свой новый титул, и вместо "Император" подписывался "*Император Димитрий*"... В ответ же на явное неудовольствие польского короля такими претензиями Лжедмитрий вступил в переговоры с оппозиционными шляхтичами, устроившими против Сигизмунда III в 1606 г. очередной мятеж-"рокош"! К тому же у короля Сигизмунда росла ревность к воеводе Ежи Мнишку по мере подготовки свадьбы его дочери с Лжедмитрием. Боявшийся чрезмерного усиления этого польского магната в результате такого семейного союза король даже пытался отговорить Самозванца от женитьбы на Марине Мнишек, предлагая вместо неё свою собственную сестру как более подходящую царю невесту. Но Отрепьев упорно стремился к свадьбе именно с Мариной, которая и состоялась в начале мая 1606 года... Эта свадьба крайне усилила недовольство Лжедмитрием I со стороны русских, ибо католичка Мнишек даже ради восшествия на московский престол не желала принять православие. В ходе переговоров между её семьёй и русским духовенством условились, что Марина помимо своей латинской церкви будет посещать и православные храмы, причащаться у патриарха и поститься не по субботам, а по средам, в остальном же оставаясь верна католическому обряду. С этим компромиссом согласились патриарх Игнатий и все русские иерархи, кроме двоих: казанского митрополита Гермогена и коломенского епископа Иосифа: те настаивали, чтобы Марина была крещена в православие, но были отправлены Лжедмитрием в ссылку. После этого Самозванец вовсе стал готовиться к свадьбе, - по его приказу для размещения родни Марины и других польских гостей, съехавшихся на праздник, из домов в центре столицы выселяли не только купцов и священников, но даже бояр. Пышные свадебные торжества 7-8 мая 1606 года в Москве стали последней каплей в чаше негодования православных ревнителей. – Хотя Марина Мнишек при её венчании в Успенском соборе целовала русские иконы, она отказалась причаститься по православному обряду; да и вообще многих подданных Лжедмитрия возмутил сам факт, что иностранка-католичка была провозглашена "благоверной царицей" России... В итоге совместное правление М. Мнишек с Г. Отрепьевым спустя менее 10 дней было оборвано поднятым боярами в Москве восстанием 17 мая 1606 года, жертвами коего, помимо самого расстриги и его ближайшего советника Петра Басманова, стали многие приехавшие на свадьбу поляки...

7. Начало правления Василия Шуйского и патриарх Гермоген.

Заговор против Лжедмитрия I окончательно созрел после приезда Марины Мнишек в столицу на фоне всеобщего раздражения москвичей, вызванного "латинскими" замашками царя и буйным поведением гостей-поляков. Руководили переворотом те самые князья Шуйские, которых Отрепьев ранее имел глупость сперва озлобить суровым приговором, а затем так же безрассудно вернул ко двору. Во главе заговорщиков стояли также князь Василий Голицын, и как ни странно, тот самый митрополит Пафнутий, который был столь возвышен Лжедмитрием, а теперь почему-то решил предать своего благодетеля... Переворот 17 мая 1606 г. трудно признать, как это делалось в послевоенных советских учебниках, чисто "народным восстанием" москвичей против Самозванца, ибо главную роль в этой акции сыграли всё же бояре и дворяне. Тем не менее, столичное простонародье тоже исполнило важную функцию в заговоре: а именно, устроило по всему городу массовое избиение поляков, гостивших в Москве. Русское духовенство также внесло большую лепту в события: православные клирики были не только вдохновителями, но и активными участниками этой московской бойни. – Сам Карамзин нелицеприятно отмечает факт участия наших "добрых пастырей" в кровавой расправе над иноверцами: **«В числе самых жестоких карателей находились священники и монахи переодетые; они вопили: "Губите ненавистников нашей Веры!"..»** (16). – Прежде всего ревнители православия расправились со своими конкурентами из числа католического

клира, убив личного духовника Марины Мнишек и других иезуитов, чья резиденция в Кремле была разгромлена. При этом не стоит, как вслед за польскими источниками делают многие авторы, преувеличивать число жертв этой межнациональной резни 17 мая 1606 года: реально тогда погибло менее полутысячи "гостей" из Речи Посполитой, а также порядка трёх сотен москвичей. Основная же часть бывших в столице поляков, в т.ч. Марина Мнишек с её отцом и князь Адам Вишневецкий, были захвачены в плен живыми. Вскоре большинство их русские отпустили в Польшу, удержав в качестве заложников лишь самых знатных пленников... Ставленника Лжедмитрия I, патриарха Игнатия свергли так же легко, как годом ранее – его предшественника Иова. Почти сразу после убийства расстриги Игнатий был лишён сана и заточён в Чудов монастырь. Формально Игнатия обвинили в том, что он венчал в православном храме католичку Марину Мнишек, тогда как должен был заставить её вторично креститься!..

В условиях политической неразберихи заговорщики после своей победы не стали созывать Земский собор, который мог бы выбрать нового царя по примеру избрания в 1598 г. на трон Бориса Годунова. Как следствие, между самыми влиятельными боярскими родами тут же возникли распри по поводу того, кто теперь должен править страной. Наиболее знатному руководителю переворота Василию Шуйскому, которого поддерживал митрополит Пафнутий, противостояла мощная оппозиция во главе с князьями Ф. Мстиславским, В. Голицыным и митрополитом Филаретом (Романовым), - которого она прочила в качестве нового главы церкви вместо Игнатия. Затем с помощью своего патриарха эта группировка думала посадить на трон удобного ей царя. Однако Шуйские переиграли своих оппонентов в борьбе как за светскую, так и за духовную власть! – Утром 19 мая 1606 г. на Красной площади Москвы при огромном стечении народа противники Шуйских из числа бояр предложили было определиться с кандидатурой патриарха, но толпа им ответила, что царь важнее и "выкрикнула" имя Василия Ивановича Шуйского. Сторонники князя Василия препроводили его в Кремль, ввели в Успенский собор и там крутицкий митрополит Пафнутий на правах следующего за патриархом по рангу архиерея нарёк Шуйского новым самодержцем, благословив на царство. При этом Василий Шуйский поклялся на кресте, что не будет мстить никому за былые обиды и впредь репрессировать кого-либо из знати без согласия Собора. Так глава рода Шуйских стал царём Василием IV (1606-1610 гг.), оказавшись последним в истории России самодержцем из династии Рюриковичей. По всей стране им вскоре была разослана грамота, извещавшая население о произошедшем в Москве. Там говорилось, что прежний царь, которому все русские люди в прошлом году целовали крест как Дмитрию Ивановичу, и впрямь оказался (не обманул ведь покойный Борис!) беглым расстригой Гришкой Отрепьевым, - да ещё и «чернокнижником», который ранее прельстил всех с бесовской помощью. Теперь же, когда он скончался "*злую смертью*", церковные иерархи вкупе с боярами, дворянами, а также "*всякие люди Московского царства*" решили испросить волю божью, кому на Руси быть новым самодержцем: после чего всеильный Господь "*на вас и на нас милость свою показал, объявив государя на Московское государство великого государя царя и великого князя Василия Ивановича...*" (1). Таким образом, Василий Шуйский, по сути занявший престол явочным порядком, для легитимации своей власти решил сослаться на волю божью, - которой, как известно, можно оправдать всё, что угодно!.. Также для оправдания совершённого переворота Василий Шуйский, кроме обвинения Лжедмитрия в самозванстве и колдовстве, огласил найденные после убийства Отрепьева документы, уличающие того в измене государственным интересам России и православной вере: переписку Гришки с польским королём, римским папой и договорённости с семьёй Мнишек... Новый царь также заставил Марию Нагую объясняться насчёт её прежних лжесвидетельств по поводу личности Самозванца. Мать злосчастливого «царевича» Дмитрия теперь слёзно каялась в том, что отреклась от своего мёртвого сына, - пеняя на то, что прельстивший своим чернокнижием многих людей Отрепьев её и прочих Нагих «*устрашил смертью*», но сама

она, мол, «*боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Димитрий, - вор, богоотступник, еретик*»... Однако сии откровения вконец изолгавшейся «царицы-инокини» убедили далеко не всех.

Не желая раздражать оппозиционную ему знать и выполняя данную при воцарении клятву быть милосердным, Василий Шуйский воздержался от суровых репрессий не только против враждебных ему бояр, но и бывших прислужников Лжедмитрия, ограничив кары им лишь ссылками. Такая мягкость вышла ему боком: ибо эти разосланные или разбежавшиеся из Москвы по дальним провинциям смутьяны отнюдь не собирались, как сказали бы тогда на Руси, "отстать от своего воровства". – Ряд областей в России, где удержались ставленники Самозванца, напрочь отказались присягнуть царю Василию: тогда это не захотели сделать более 20 русских городов. По всей стране враги Шуйского распускали слухи, что "царь Дмитрий Иванович", дескать, опять чудесно спасся из Москвы во время переворота 17 мая и скоро должен объявиться!..

Присвоив царский трон, Василий Шуйский занялся вопросом о новом патриархе. Первоначально выдвигаемого им на эту роль митрополита Пафнутия решительно отвергли большинство бояр и высшее духовенство. В противовес ему оппозиционные Шуйским иерархи прочили на место главы церкви митрополита Филарета-Романова. Сперва царь Василий вынужден был уступить этому давлению: Филарет был объявлен патриархом, и об этом даже успели сообщить польским послам. Однако здесь хитрый царь Василий снова обыграл недовольных, отослав Филарета ещё до его официальной интронизации перезахоронить «мощи» царевича Дмитрия, чьи бранные останки ранее полтора десятилетия покоились в Угличе, и которого решено было теперь официально канонизировать! – Прежде могила этого бастарда не пользовалась там особым почитанием и не являла никаких чудес, могущих обосновать провозглашение его "святым". Однако правительство Шуйского решило пойти на это, дабы пресечь распространяющиеся по России слухи об очередном, уже втором по счёту, "чудесном спасении" пресловутого Дмитрия Ивановича в ходе недавнего майского восстания...– Церковники, как всегда, взяли «под козырёк», угождая прихотям новой власти. Так, в Москву был доставлен бывший патриарх Иов, который не захотел вернуться на своё прежнее место, однако на сей раз заявил, - вопреки своему же и всего церковного Собора постановлению от 1591 года, - что Дмитрий не зарезался тогда сам, а был именно УБИТ. Объявить пресловутого царевича «невинно убиенным» было совершенно необходимо для затеянной канонизации, ибо самоубийца, даже невольный и погибший в детском возрасте, по мудрым законам церкви не может стать святым! Объявляя Дмитрия убитым по приказу Годунова «мучеником», новый царь Василий Шуйский тоже проявил удивительный «склероз» насчёт сделанного им же самим в 1591 г. следственного заключения, что этот сын Грозного случайно напоролся на нож в припадке эпилепсии!..

После того, как митрополит Филарет уехал в Углич вместе с астраханским архиепископом Феодосием и родичами инокини Марфы-Нагой, некоторые московские бояре во главе с Ф. Мстиславским 25 мая 1606 г. попытались сместить Василия Шуйского, но потерпели неудачу. Поэтому Василий поспешил уже 1 июня 1606 года официально венчаться на царство: его короновали всё тот же Пафнутий и новгородский митрополит Исидор. Далее царь быстренько сделал новым главой церкви своего ставленника: взамен и низложенного патриарха Игнатия, и неудобного Филарета находившиеся тогда в Москве архиереи заочно выбрали по воле царя патриархом казанского митрополита Гермогена...

Прибывший вскорости из Казани и занявший патриарший престол Гермоген (ок. 1530-1612 гг.), почитаемый ныне РПЦ в качестве «святого», был личностью довольно тёмного происхождения. В миру он звался Ермолай, и позднее, уже после низвержения его поляками в 1611 году, один московский поп утверждал, что некогда до начала своей церковной карьеры будущий патриарх разбойничал вместе с донскими казаками... Позже Гермоген долгое время служил приходским священником церкви Николы в Казани и лишь в 57 лет стал монахом столичного Чудова монастыря. Спустя уже год он сделался

архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря, а ещё через год, 13 мая 1589 г. был возведён в сан епископа и поставлен первым митрополитом Казанским и Астраханским. На этом посту Гермоген активно занимался крещением в православие татар, мордвы, марийцев, чувашей и других поволжских народностей, не стесняясь ради своей миссии в выборе средств. Так, за свою бытность казанским архиереем он добился царского указа о разрушении исламских мечетей в Поволжье, а также о тюремном заключении для тех крещёных татар, которые нарушали православные обряды. Кроме административных кар, митрополит Гермоген применял у себя в Казани традиционные методы церковной пропаганды: канонизацию "святых", прославление "чудотворных" икон и т. д. Богатый опыт подобных дел имелся у него и ранее: так, ещё будучи священником храма Николы, он участвовал в "обретении" иконы Казанской богородицы в 1579 году. Позже, уже в сане митрополита освящая храм Богородицы нового казанского Девичьего монастыря, Гермоген в 1594 г. создал пространную редакцию «Сказания» о явлении и чудесах этой иконы, а также «открыл» якобы нетленные мощи первых казанских святителей Гурия и Варсонофия. Позднее Гермоген написал жития этих "святых", а также Германа Полева, канонизированного церковью. В 1596-97 гг. Гермоген к этим своим агиографическим сочинениям добавил новую редакцию "Повести о Петре и Февронии, муромских чудотворцах". По его же настоянию в православный Синодик были включены местные казанские мученики, убитые татарами якобы "за веру" – Иван Новый, Стефан и Пётр... В 1605 году Гермоген, наряду с прочими иерархами, не выступил ни против захвата власти Лжедмитрием I, ни против смещения патриарха Иова, ни против кровавой расправы над семьёй покойного царя Бориса Годунова. Однако глава Казанской епархии выказал свой нрав религиозного фанатика по другому поводу: как уже говорилось, Гермоген в конце правления Самозванца потребовал крещения Марины Мнишек в православие. Причём Гермоген даже толком не знал тогда конфессиональной принадлежности будущей царицы, и обличал католичку Мнишек в «*скверной ее люторской вере*», т. е. в протестантизме! (17). – Нетерпимый демарш казанского иерарха имел лишь то следствие, что раздражённый Лжедмитрий отослал митрополита Гермогена с глаз долой. Именно эта опала, наряду с острой неприязнью Гермогена ко всем иноверцам и стала главной причиной того, что он был возведён 6 июля 1606 г. на патриарший престол В. Шуйским. По отзывам современников, новый патриарх, помимо своей религиозной ксенофобии, был груб, любил лезть и охотно принимал доносы... (18).

Между тем митрополит Филарет (Романов) в Угличе обрёл «нетленные мощи» Дмитрия. – Ещё ранее, как по команде, над полузабытой могилой этого мальчонки начался небывалый ажиотаж: она мигом превратилась в объект страстного обожания местных жителей. Самое главное "чудо" случилось при эксгумации захоронения: когда прибывшая в Углич комиссия во главе с Филаретом открыла гроб, там обнаружилось удивительным образом не истлевшее тело "царевича"!.. Поскольку труп Дмитрия Нагого в 1591 г. не бальзамировали и похоронили в сырой земле, нетленным он остаться за 15 лет явно не мог. Кого же умудрился тогда откопать достопочтенный Филарет? – Как гласил весьма правдоподобный слух, митрополит подыскал труп недавно погибшего мальчика, подходящего по возрасту, выкупил его у родителей, нарядил в подобающие одежды и тайно положил в гроб, - который затем уже, при всех торжественно открыли в Преображенском соборе Углича... За этим "чудом" последовали новые: прежде всего волшебные "исцеления" недужных и прочие "знамения", которые продолжались и после перевозки останков Дмитрия в столицу. – 3 июля 1606 года процессию с гробом встретили под Москвой царь Василий с боярами и духовенством. Стоит ли удивляться тому, что уже натренированная в подобных спектаклях инокиня Марфа-Нагая и сейчас натуральным образом опознала в «нетленном» теле своего сына!?. Позже в Архангельском соборе Москвы она публично объявила, что это на самом деле Дмитрий, и снова покаялась в том, что признала год назад им Гришку Отрепьева из боязни, чтобы тот "*не нанёс ссыльного гонения и нестерпимой нужды злыми обидами*" её семейке... Там, в кремлёвском соборе,

гроб с "нетленными мощами" Дмитрия был выставлен для всеобщего обозрения. Благонамеренные русские авторы с восторгом описывали чудеса, творившиеся у этого гроба: в первый же день поклонения исцелились 13 больных, во второй – ещё 12 и прочее. Однако находившиеся тогда в Москве иноземцы (Буссов, Масса, Петрей) утверждали, что якобы исцелённые калеки были обманщики и пришлые бродяги, нанятые людьми Шуйского. Противники царя Василия постарались испортить ему, так сказать, «обедню»: они притащили в собор действительно находившегося при смерти тяжело больного человека, который вместо того, чтоб исцелиться, возмутительнейшим образом испустил дух прямо у гроба Дмитрия к ужасу прочих паломников! (19)...Современники-иностранцы, рассказывая эту скандальную историю, каждый по-своему объясняли причину смерти приведённого для исцеления бедолаги. Русское же духовенство, как всегда, объявило пастве, что умерший не обладал подлинной верой! (20). – Тем не менее, после этого случая многие усомнились в подлинности "чудотворных мощей" нового святого. Стремясь рассеять эти подозрения, патриарх Гермоген написал в своём особом послании, что *«при погребении явные чудеса творились, когда у того тела невинного слепые, хромые и хворые выздоравливали. Затем патриарх отлучил от церкви всех, кто этим чудесам верить не хотел»*. (21). Хотя фарс с чудесными исцелениями у гроба "царевича" окончился конфузом и доступ к мощам был закрыт, царь Василий разослал по России грамоту с описанием перенесения мощей. Там прямо говорилось о вине Бориса Годунова в смерти Дмитрия: *"за грехи всего православного христианства великаго государя царевича Димитрия Ивановича не стало после убийства Годунова..."* (1). А русская церковь постановила отныне и навечно праздновать память "божья угодника Димитрия Углицкого", что она продолжает делать до сих пор. В дальнейшем это решение духовенства ещё три века стояло на пути всех отечественных авторов, сомневавшихся в убийстве Дмитрия по приказу Годунова. Например, когда в 1850 г. академик Устрялов осмелился назвать смерть Дмитрия *"странным событием, ещё не вполне разгаданным"*, цензурный комитет так поправил дерзкого историка: *«Смерть его есть факт не только вполне разгаданный, но неоспоримый и освященный нашею церковью, причислившею царевича к лику святых, следственно, входящий в состав верований православия»* (22).

Таким образом, какой бы из различных версий судьбы «св. Дмитрия» ни придерживаться, надо сказать, что вокруг этой истории в довольно короткий срок было накручено ужасное количество вранья! Особо стоит отметить тот факт, что технической стороной канонизации бастарда Митьки Нагого руководил именно митрополит Филарет: это будет важно для оценки его дальнейшего поведения в ходе Смуты... Непосредственно же летом 1606 г. усердие ростовского митрополита в этом скверно пахнущем деле лишь повредило его церковной карьере, не позволив тогда Филарету стать патриархом. – Ибо пока он отсутствовал в столице, химича с угличскими останками, царь Василий сделал главой церкви Гермогена, который уже как наречённый патриарх встретил привёзшего гроб с «нетленными мощами» Ф. Романова. Так что этому митрополиту осталось лишь уехать из Москвы обратно в свою ростовскую епархию и затаиться там до поры до времени...

Совершённая в авральном режиме канонизация пресловутого царевича Дмитрия, с которой началось патриаршество Гермогена, вопреки его общим с Василием Шуйским расчётам отнюдь не покончила с молвой об очередном "чудесном спасении царя Дмитрия Ивановича", якобы благополучно сбежавшего из Москвы после майского восстания 1606 г. и собирающего силы где-то за границей для новой борьбы за престол. Причём интересно, что активную роль в распространении этих толков играли, как и в случае с Гришкой Отрепьевым, представители русского духовенства. – Так, по рассказу И. Массы, уже после убийства Лжедмитрия I поп одной из московских церквей разбрасывал подмётные письма о том, что *"государь Дмитрий Иванович жив"...*(9). Таким образом, если некоторые православные клирики хотели "продолжения банкета", то есть внутренней смуты в России, то они весьма преуспели в этом! – Ибо на основании слухов про

спасшегося царя Дмитрия жители юго-западных окраин России не замедлили изменить Василию Шуйскому и вскоре там, в Северских землях против нового московского самодержца началось восстание под предводительством Ивана Болотникова. Правительство Шуйского сперва пыталось унять бунтовщиков силой церковного авторитета, послав к ним с увещеваниями крутицкого митрополита Пафнутия, - однако мятежники его даже слушать не захотели. Так же мало воздействия оказало рассылаемое из Москвы по всей стране и зачитываемое в церквях обращение "царицы-инокини" Марфы-Нагой, писавшей, что она сама была свидетельницей как гибели в Угличе подлинного Дмитрия в 1591 году, так и навязанного ей в сыновья Самозванца – во время московского переворота 1606 года. И хотя патриарх Гермоген после своей интронизации разослал в провинции с целью защиты прав Шуйского на власть членов освящённого Собора, кое-где удержавших народ от восстания, антиправительственное движение быстро росло. Мало того: против царя Василия выступили новые самозванцы на престол!..

Дурной пример Лжедмитрия I, как следовало ждать, оказался заразительным, и уже при его недолгом царствовании в России началось дальнейшее размножение самозванных родственников Ивана Грозного. Первым из наиболее известных эпигонов Отрепьева на этом поприще стал объявившийся ещё в начале 1606 г. среди казаков нижней Волги пресловутый "царевич Пётр". – Он выдавал себя за сына царя Фёдора Ивановича и царицы Ирины Годуновой, некогда хитрым образом укрытого от злобы своего дяди Бориса, который иначе бы неизбежно убил, мол, его как законного наследника престола. – По мнению же официальных русских источников, этим Лжепетром являлся бродяга Илья из Муромца, сын местной проститутки Ульянки и её сожителя Ивашки Коровина, получивший в честь своего родного города прозвище Илейка Муромец. Рассказ "царевича Петра" о своей предыдущей жизни, талантливо и детально продуманный, звучал убедительней невнятной легенды Лжедмитрия I о его "чудесном спасении" и т. д. Правда, большой неувязкой в нём было то, что к 1606 году царевичу Петру – будь Илейка Муромец действительно этим мифическим сыном царя Фёдора, - исполнилось бы едва только 14 лет! Но поддержавших его казаков, мало сведущих в арифметике, столь удивительно быстрое взросление своего атамана не смущало. – Во главе с Лжепетром они принялись всю гулять по Волге, грабя встречных и поперечных: кто же рискнёт в чём отказать внуку самого Ивана Грозного!?!.. Проработанная версия Ильи о себе как о царевиче Петре была сильна ещё и тем, что существуй этот мнимый наследник царя Фёдора в реальности, он бы имел куда больше прав на русский престол, нежели его незаконнорожденный дядя, пресловутый Дмитрий Иванович. Поэтому остаётся лишь гадать об истинной цели Лжедмитрия I, когда он, незадолго до своего краха услышав про художества Илейки Муромца, возжелал познакомиться с этим внезапно объявившимся "племянничком" и пригласил его к себе в Москву. Однако ещё на пути туда Лжепетр узнал о случившемся в столице перевороте, воцарении Василия Шуйского и резко повернул обратно в низовья Волги... Позднее Илейка Муромец с отрядами своих сторонников перебрался оттуда в Путивль, где стал союзником Ивана Болотникова, объявившего себя "гетманом" и главным воеводой "царя Дмитрия". Сообща они осенью 1606 г. возглавили борьбу с режимом Шуйского, которую потом советские историки начали именовать 1-й Крестьянской войной... Вопреки этому названию, утвердившемуся в отечественной историографии XX века, восставшие имели разношёрстный социальный состав и представляли собой типичную "фронду" по отношению к боярскому царю Василию Шуйскому. – Кроме бывшего холопа Болотникова и бродяги Илейки Муромца, в числе их предводителей были такие представители знати, как воевода и князь Григорий Шаховской, князь Рубец-Мосальский, воевода Григорий Сунбулов, дворянин Прокофий Ляпунов, боярский сын Истома Пашков и т. д. По этой причине нынешние историки всё более склонны именовать начавшиеся в 1606 г. события первой в истории России полномасштабной Гражданской войной...

Со стороны поддержавших Ивана Болотникова крестьян данное восстание фактически было ответом на недавнюю отмену Юрьева дня, прикреплявшую русских хлебопашцев к земле. Этот же момент обусловил резко негативное отношение к восставшим православного духовенства, бывшего рьяным сторонником установления крепостного права в России; показательно, что опустошая селения на своём пути к Москве, болотниковцы не щадили и православных церквей. Поэтому "духовные пастыри" в данном конфликте решительно встали на сторону правительства Шуйского, и тон в этом задал лично новый патриарх. К примеру, 14 октября 1606 года Гермоген выступил перед народом и разослал по стране грамоты о "прекращении междоусобной брани". Позже в своих посланиях Гермоген нещадно громил *«беглых холопов, сговорившихся с ворами-казаками»*, утверждая, что они: *«отпадишие от христианской веры разбойники»*, *«враги креста Христова»*, *«отступили от Бога и от православной веры и повинуются сатане»* и т. д. (23). Второй по значению церковный иерарх, крутицкий митрополит Пафнутий также активно рассылал свои грамоты, обличавшие повстанцев Болотникова, и лично выезжал в действующую против них царскую армию для укрепления её духа...

Однако, не взирая на эти архиерейские филиппики, Иван Болотников, Илейка Муромец, Истома Пашков, Прокофий Ляпунов и другие мятежные воеводы продолжали вести на Москву пёстрое ополчение из дворян, казаков и простолюдинов. Противодействуя им, нижестоящие архиереи на местах следовали примеру церковного "владыки". Так, в декабре 1606 г. казанский и свияжский митрополит Ефрем сумел удержать паству своей епархии в повиновении Василию Шуйскому, эффектно применив для этого такой коронный приём духовенства, как анафема: он публично отлучил местных бунтовщиков от церкви! За это Ефрем удостоился личной похвалы патриарха, однако сам Гермоген пока ещё не решался прибегнуть к такой мере против всех сторонников Болотникова, - тем более что многие из восставших никогда, собственно, и не присягали на верность царю Василию... Некоторые русские иерархи в борьбе с восстанием не ограничивались лишь духовными средствами. К примеру, Тверской архиепископ Феофил сам возглавил, не упова на слабого воеводу, оборону против восставших: вооружив жителей, включая и духовенство, он сумел разбить напавший на Тверь крупный отряд сторонников Болотникова, после чего отослал несколько сотен пленных в Москву. Другим примером, когда православное духовенство боролось с болотниковцами не только одним словом, может служить случай в Иосифо-Волоцком монастыре. Когда там остановился крупный отряд мятежных казаков, смиренный игумен Дионисий (в миру – князь Андрей Голицын) предложил гостям выпить с дороги: тем более, что православные монастыри на Руси славились обилием спиртных напитков. Казаки поверили мнимому радушию иноков, за что жестоко поплатились: *«Тут их, обманом перепоя, старец Дионисий Голицын велел побити»* (24)... Кроме того, ряд монастырей помогали царю в подавлении восстания как деньгами, так и людьми, пополняя своими слугами правительственную армию. (10)

Последовавший через некоторое время разгром отрядов Болотникова под Москвой царскими войсками патриарх Гермоген восторженно описал в своей грамоте: *«милостью Божиєю и пречистой богородицы и всех святых молитвами и помощью нового страстотерпца царевича князя Дмитрия, идуче тех богоотступников, воров и еретиков и разорителей, где они не были, тех всех побити, а иных поймав живых мучению смертному и казни предали!»* - умилялся он. (25)... В феврале 1607 г. в столице Василий Шуйский и Гермоген организовали действо с участием специально привезённого туда Иова, ставшего теперь простым монахом. В ответ на сочинённую царём и попами грамоту, где народ российский винился во всех постигших страну бедствиях и якобы просил Иова отпустить ему былые грехи, сей бывший патриарх в Успенском соборе Кремля лил слёзы по Ивану Грозному и гибели его сына Дмитрия, но при этом ничего не сказал о причастности к ней своего покровителя Б. Годунова. Также Иов осудил новых самозванцев и всех бунтующих против Василия Шуйского. Затем церковь разослала по стране "разрешительную" грамоту, прощавшую народу все былые клятвопреступления и

призывавшую верно служить Шуйскому. – Спустя 4 месяца после этой духовной акции вернувшийся к себе в монастырь старик Иов умер, по сути забытый и новым патриархом, и паствой. – Так, РПЦ сочла нужным канонизировать Иова только в 1989 году!..

Но предсмертные радения бывшего патриарха во имя укрепления власти Шуйского не сильно подействовали на повстанцев: оправившись от своего поражения под Москвой, войска Болотникова скоро вновь перешли в наступление. Поскольку гражданская война продолжалась, Василий Шуйский весной 1607 г. опять прибег к авторитету церкви. Созвав в Москве духовенство, верных ему бояр и чиновников, он объявил решительную мобилизацию на подвластных себе территориях всех сил, включая и монашество, для борьбы с Болотниковым. Тогда же патриарх наконец решился применить свой последний, доселе "придерживаемый в рукаве" козырь: церковное отлучение. От имени духовенства Гермоген торжественно проклял И. Болотникова вместе с другими вождями повстанцев, предав их анафеме, и громогласно призвал к борьбе с ними как врагами православия!..

Василий Шуйский же вскоре после поражения Болотникова под Москвой не нашёл ничего более уместного, чем официально закрепостить русских крестьян. Причём сделано было это царём с полного одобрения верхушки церкви. *«В марте 1607 года,»* - пишет Карамзин о Василии, - *«имев торжественное рассуждение с патриархом, духовенством и синклитом, он издал соборную грамоту о беглых крестьянах, велел их возвратить тем владельцам, за коими они были записаны в книгах с 1593 года...»* (26). В Соборном уложении от 9 марта 1607 года, принятом В. Шуйским вместе *«с отцом своим Гермогеном патриархом, со всем освященным собором»*, также устанавливались конкретные наказания для землевладельцев, осмелившихся нарушить этот новый закон, причём данные санкции там обосновывались ссылкой на библейские заповеди: *"не принимай чуждого!"* (27). – Сей памятный вклад русского духовенства в порабощение значительной части своей паствы был важной вехой на пути к окончательному утверждению «крещёной собственности» в России спустя 42 года...

Только в октябре 1607 г. главное войско Ивана Болотникова, осаждённое в Туле, сдалось правительственным силам: это случилось после того, как Шуйский лично поклялся на кресте, что сохранит восставшим жизнь. В Москве после этого пышно отпраздновали победу над Болотниковым: три дня в церквях славили "милость божию", а сам царь Василий 5 дней молился в Троице-Сергиевом монастыре... Однако такая набожность вовсе не помешала Шуйскому потом цинично нарушить "священную клятву" сохранить жизнь вождям повстанцев, бывшую условием их капитуляции. – Вскоре после празднования своей победы Василий жестоко расправился с ними, причём в данном деле "боярский царь" проявил типичный для феодального сознания классово-сословный подход: если наименее знатные из пленённых "воевод", включая Илейку Муромца и самого Болотникова, были казнены, то князя Телятевского, скажем, не лишили не только свободы, но даже боярства!.. Хотя церковные авторы сейчас уверяют, что глава церкви был тогда потрясён коварной расправой Шуйского над пленными врагами, сам Гермоген отнёсся к нарушению крестного целования царём довольно спокойно: во всяком случае, проклинать Василия или объявлять его «еретиком», «богоотступником» и «врагом креста Христова» благочестивый патриарх не решился!

8. Православная церковь и Тушинский вор.

Одной из важных причин поражения Ивана Болотникова стало то, что он, выступая всего лишь как гетман "спасшегося Дмитрия", до самого конца не предъявил народу какой-либо фигуры, претендовавшей на роль этого самого царя, пусть сколь угодно липовой. Такого претендента враги В. Шуйского обрели лишь позже: в лице нового Самозванца, провозгласившего себя царём Дмитрием Ивановичем и ставшего известным в истории как Лжедмитрий II. Впервые он появился ещё в конце мая 1607 года в Стародубе, где начал собирать под свои знамёна сторонников. Подлинное имя этого авантюриста

времени Смуты осталось неизвестным, а насчёт его национальности и происхождения бытуют самые различные версии. – Если по словам одних современников он был иудеем, то другие узнавали в очередном Лжедмитрии *«попова сына или церковного дьячка, потому что круг весь церковный знал»* (24). Согласно же «Хронике» Буссова, данное знание объяснялось лишь тем, что прежде сей новоявленный «царь» был домашним учителем в доме одного священника (28)... Осенью 1607 года, собрав достаточно сил, Лжедмитрий II начал поход на Москву. В апреле 1608 г. его войска разбили под Болховом правительственную армию во главе с братом царя Дмитрием Шуйским и воеводой Василием Голицыным, после чего Лжедмитрий II продолжил путь к столице, без боя заняв Козельск, Калугу, Можайск и Звенигород. С начала июля 1608 года, когда новый самозванец подступил к Москве и стал укрепленным лагерем в селе Тушино, между ним и Василием Шуйским началась долгая "позиционная война"... В отличие от покойного расстриги, второму Лжедмитрию уже не достался столь быстрый и ошеломительный триумф, - по крайней мере, завладеть столицей России он так никогда и не сумел! Возможно, главная ошибка Лжедмитрия II состояла в том, что он слишком поздно выступил на авансцену и появился лишь тогда, когда мощное восстание под предводительством И. Болотникова в основном уже было подавлено московским правительством. И если в лозунгах Болотникова можно было найти известную агитацию за права крестьян и других представителей социальных "низов", то авантюра Лжедмитрия II была уже куда более безыдейной. Главным лозунгом, который он мог предложить своим сторонникам, был: "Грабь с нами, грабь как мы, грабь больше нас!". Из-за пассивности отсиживавшегося за стенами столицы царя Василия Шуйского основавший в подмосковном Тушино свою «царскую» резиденцию Лжедмитрий II почти безнаказанно принялся грабить окрестные земли, получив в народе прозвище Тушинский вор.

Если болотниковские рати почти целиком состояли из жителей России, то в войсках Лжедмитрия II кроме русских дворян, крестьян, казаков и т. д. не менее половины составляли примкнувшие к нему отряды из подданных Речи Посполитой во главе с представителями тамошней шляхты. Хотя не все эти заграничные "солдаты удачи" были обязательно поляками или литовцами по национальности и католиками по вероисповеданию, русские источники того времени обобщенно называли сторонников 2-го самозванца "ляхами", "литвой", "литовскими людьми" и др. В данной же статье эти силы Лжедмитрия II вместе с его русскими союзниками по названию их главного центра будут далее именоваться "тушинцами". Однако при этом явное первенство среди них принадлежало именно знатным полякам, воевавшим на российской земле в 1608-09 гг. ещё без официального одобрения своего короля Сигизмунда III, который в дипломатических сношениях с Москвой поначалу отрекся от подобных "искателей приключений" и называл их мятежниками... Появление нового поддерживаемого извне Лжедмитрия вынудило царя Шуйского начать переговоры с Речью Посполитой, завершившиеся 25 мая 1608 г. продлением русско-польского перемирия на срок до 4 лет. По его условиям царь отпускал на родину семейство Марины Мнишек и прочих знатных поляков, пленённых во время свержения расстриги, которых он удерживал в России вот уже два года как заложников. Король же Сигизмунд обещал отозвать всех его подданных, воюющих на стороне Тушинского вора против Василия, не поддерживать более самозванцев на Руси, а Ежи Мнишек не должен был признавать своим зятем нового Лжедмитрия и отпускать к нему дочь Марину. Однако поляки, в отличие от Шуйского, нарушили потом все пункты этого договора...

Два главных военачальника Лжедмитрия II, паны Александр Лисовский и Ян-Пётр Сапега действительно были смутьянами, бежавшими в Россию от гнева короля Сигизмунда после провала их очередного шляхетского мятежа-"рокоша" в Польше. Именно они возглавили в 1608 г. осаду тушинскими отрядами Троице-Сергиевой лавры, оборона которой, безусловно, является одной из выдающихся страниц в истории Смуты. Правда, официально-клерикальная историография, вот уже 4 века всячески раздувая

значение этих событий, традиционно упускает ряд не очень приятных для репутации церкви моментов. Во-первых, собственно монахи Троице-Сергиева монастыря во главе со своим архимандритом Иоасафом, вооружившиеся для отпора агрессорам, были не главными защитниками лавры. Реально эту стратегически важную крепость по пути из Москвы на север защищал прежде всего присланный из столицы Василием Шуйским гарнизон во главе с царскими воеводами. Также в стенах лавры укрывались тысячи монастырских крестьян и прочих окрестных жителей, которые наряду со стрельцами, казаками и "служилыми людьми" играли ключевую роль в обороне Троицы. Во-вторых, хотя осада Троицкого монастыря была впечатляющей по своей длительности, велась она, - в отличие от позднейшей осады Смоленска польским королём Сигизмундом, - не регулярной армией, а разноплеменным сбродом грабителей, из которых по большей части и состояло воинство «гетмана» Я. П. Сапеги. Эти банды сторонников Тушинского вора, в отечественной литературе зачастую собирательно именуемые "поляками", не обладали ни должной дисциплиной, ни особо мощным вооружением для штурма такой крепости, поэтому в основном старались взять Троицкую лавру измором. Хотя между защитниками монастыря и осаждавшими порой вспыхивали ожесточённые перестрелки и схватки, большинство своих потерь за время обороны троицкий гарнизон понёс не от военных действий, а от голода и болезней. Откровенно же героических эпизодов на фоне повседневной жизни осаждённых было не так уж много... В-третьих, среди православных защитников лавры не наблюдалось не только особо крепкого духовного братства, но и простого единомыслия. Согласно документам, всё время осады в Троицком монастыре продолжались внутренние распри и взаимные обвинения в измене (29). Находились в лавре и откровенные предатели: так, монастырский слуга Селевин перебежал на сторону тушинцев... Позже именно через Селевина с врагами связались и два куда более важных изменника: казначей лавры Иосиф Девочкин и сам руководивший обороной монастыря воевода Голохвастов, - хотя тот ранее целовал крест над гробом Сергия Радонежского, чтоб "сидеть в осаде без измены". Голохвастов уже договорился с Сапегой впустить осаждавших в крепость во время одной из вылазок, но старец Гурий Шишкин хитростью выведал эти замыслы и донёс архимандриту. Разоблачённый казначей Иосиф, как уверяют православные источники, после своего покаяния "скоропостижно умер", а вот Голохвастов остался в Троицкой лавре воеводой, хотя и на подозрении!..

Когда зимой 1608/09 гг. осада временно ослабла, защитники лавры устроили на радостях подлинный разгул: предались обжорству, пьянству и разврату с местными женщинами, скопившимися в стенах монастыря, причём, как отмечает Карамзин, *"увещания и пример трезвых иноков не имели действия"* (30). Затем в лавре вспыхнула эпидемия цинги, которая едва не погубила всех осаждённых. По отчаянным просьбам архимандрита Иоасафа, писавшего к находившемуся в Москве келарю лавры Авраамиию Палицыну, царь Василий после долгих колебаний послал в Троицу небольшое подкрепление, включая 60 казаков, а сам Палицын – 20 слуг монастырских. Хотя прибывшая из Москвы подмога пробилась в лавру, при этом из их числа тушинцы пленили 4 казаков, которых по приказу А. Лисовского убили перед крепостью. В ответ осаждённые публично казнили на стене лавры 42 бывших у них вражеских пленника...

Между тем пример Троицкой лавры, стойко сопротивлявшейся новоявленному Лжедмитрию, отнюдь не вдохновлял на подвиги во имя царя Шуйского другие русские монастыри, города и веси! Всё новые и новые крупные центры Российского государства сдавались Тушинскому вору: Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда, Шуя, Кинешма, Белоозёрск, Тверь... Часто при этом страдало и церковное имущество. Так, когда в Пскове местная городская беднота, казаки и стрельцы во главе с дворянином Ф. Плещеевым, подняв мятеж, сдали город тушинцам, там было разграблено всё *"достояние святительское и монастырское"*. После же вступления в этот город присланного Лжедмитрием II отряда в Пскове начались зверские расправы над сторонниками Шуйского: пленённого мятежниками воеводу Петра Шереметева *«удавили в темнице;*

*других узников казнили, мучили, сажали на кол»... (30). Такие кошмары творились и во многих других областях страны: причём осуществляли этот беспредел не столько иноземные захватчики, сколько прежде всего свои, русские же люди, которых до этого православная церковь «окормляла» христианской духовностью! – Вполне благочестивый очевидец тех событий, троицкий келарь Авраамий Палицын писал о нравах Смутного времени: **"Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники, первые и последние в кровавых сечах: ляхи, с оружием в руках, только смотрели и смеялись безумному междоусобию. В лесах, в болотах непроходимых россияне указывали или готовили им путь и числом превосходным берегли их в опасностях, умирая за тех, которые обходились с ними как с рабами..."** (30). Далее Авраамий живописует, как русские изменники, превосходя поляков в зверстве к своим соплеменникам, **"всех твёрдых в добродетели предавали жестокой смерти: метали с крутых берегов в глубину рек, расстреливали из луков и самопалов; в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни!.. Гибли отечество и церковь: храмы истинного Бога разорялись, подобно капищам Владимирова времени; скот и псы жили в алтарях... на иконах играли в кости; хоругви церковные служили вместо знамён; в ризах иерейских плясали блудницы. Иноков, священников палили огнём, допытываясь их сокровищ; отшельников, схимников заставляли петь срамные песни, а безмолвствующих убивали..."** (30). – Такая картина не просто живо напоминает, но во многом даже превосходит ужасы другой, куда более позднейшей Гражданской войны в России, которые нынешняя церковь норовит целиком выдать за трагичное следствие распространившегося у нас в начале XX века «безбожия» и материализма. Но ведь за три века до этого, в Смутное время всё население было верующим, и никакие большевики с атеистами не мешали попам монопольно заниматься «духовно-нравственным воспитанием» русского народа!.. Да и стоит ли удивляться поведению тогдашних мирян, если подчас само духовенство являло им в годы Смуты весьма дурные примеры? – Вот что писал уже по окончании Смутного времени «Хронограф» 1617 года о том периоде: **«Взбесились многие церковники: не только мирские люди, чтецы и певцы, но и священники, и дьяконы, и иные многие – кровь христианскую проливая и чин священства с себя свергнув, радовались всякому злодейству»** (31). – Правда, Карамзин вопреки этим свидетельствам заявляет, будто бы во времена Смуты **"в духовенстве особо сияла доблесть"**. В доказательство он, кроме сомнительного **"мужества Филарета"** (о нём мы ещё поговорим особо), упоминает мученическую гибель взятого в плен тушинцами тверского архиепископа Феоктиста, а также суздальского архиепископа Галактиона, не захотевшего благословить Лжедмитрия II и умершего в изгнании. **"Немногие из священников, как сказано в летописи, уцелели, ибо везде противились бунту"**, - уверяет Карамзин (30)... Тут, конечно, явный перебор: ни среди высших иерархов, ни среди нижестоящего православного клира Смутное время не вызвало такого урона! Да и верно ли, что все церковники "противились бунту"? – Восхваляя архиепископов Твери и Суздаля, якобы пострадавших в Смутное время, Карамзин опирался разве что на позднейшую "летопись" всё того же Авраамия Палицына, который силился представить Феоктиста с Галактионом мучениками за Отчизну и веру, но скорее передавал о них только непроверенные слухи. Ибо другие, вполне достоверные свидетельства уличают этих архиереев в прямой измене царю Василию Шуйскому!*

Скажем, тверской архиепископ Феоктист, который, согласно Карамзину **"крестом и мечом вооружённый, до последнего издыхания боролся с изменою"**, на самом деле верно служил Тушинскому вору. – Как гласит "Новый летописец", архиепископ Феоктист выехал из Тушино в Москву только после побед Скопина-Шуйского над силами Лжедмитрия II и распада Тушинского лагеря в 1610 году. Судя по всему, этот ушлый иерарх, подобно ряду других знатных приспешников второго Самозванца, решил тогда переметнуться на сторону московского правительства, но до столицы не доехал: **"В то же**

время побежал к Москве из Тушина тверской архиепископ Феокист, и его же убили на дороге" (24). Кто был конкретно убийцами, "Новый летописец" не сообщает: убить по дороге богатого и знаменитого архиерея могли как простые разбойники, так и враги Тушинского вора, которым попался в руки сей именитый перебежчик...

Столь же "липовым" мучеником оказывается и суздальский архиепископ Галактион. Вопреки уверению мемуаров Палицына, что этот иерарх был в 1608 г. низложен сторонниками Тушинского вора и скончался в изгнании, синхронные тем событиям источники описывают другое. – Именно Суздаль, традиционно поповский, наполненный церквями и монастырями центр, первым из крупных русских городов северо-восточного региона изменил царю Василию, перейдя на сторону тушинцев. В то время, как Москва и Троицкая лавра стойко держались, прибывшие в Суздаль 14 октября 1608 г. тушинские эмиссары во главе с П. Бекетовым привели к присяге на верность Лжедмитрию II жителей этого города, не встретив никаких препятствий со стороны местного духовенства: *"И Суздальской архиепископ Галактион, и дворяне, и дети боярские, и посацкие люди, и монастырские ко государю и великому князю Дмитрею Ивановичу всеа Руси с повинною послали"*. В ответной грамоте Лжедмитрия II, доставленной в Суздаль 30 октября 1608 г. и адресованной на имя самого Галактиона, тушинский царёк похвалил местное духовенство и всех суздальцев за верность, обещая им свои милости (32). В статье "Нового летописца" под названием "О измене Суздаля", где сообщается о присяге этого города Тушинскому вору, прямо говорится, что *"архиепископ Галактион за то не постоял, и поцеловаше крест всем городом"* (24). – Так что Тушинскому вору не было нужды изгонять суздальского архиепископа: наоборот, до нас сохранилась (в кратком изложении) грамота Лжедмитрия II на имя Галактиона, подтверждавшая пожалования Суздальской епархии!.. Судя по документам, "патриотическая деятельность" епископа Галактиона во время Смуты свелась лишь к тому, что он жаловался в Тушино на бесчинства русско-польских отрядов 2-го Самозванца, которые вплоть до 1611 года разоряли Суздальский уезд, не щадя среди прочего и владений местной церковной кафедры. То, что переход суздальцев на сторону Лжедмитрия не спас их от бандитизма тушинских молодчиков, - ситуация вполне типичная для Смутного времени!.. В связи с этой историей в польских архивах сохранилась грамота Лжедмитрия II от 24 января 1609 года, посланная Я. П. Сапеге с просьбой прекратить опустошение владений Суздальского архиепископа (33). О том же, что сам Ян Сапега, занятый в ту пору как раз осадой Троицкой лавры, поддерживал при этом вполне дружеские отношения с архиепископом Галактионом, убедительно свидетельствует дневник польского гетмана, вёдшийся его секретарём. Так, запись от 14 ноября 1608 г. (дата по григорианскому календарю, тогда уже принятому в Речи Посполитой) гласит, что к Сапеге приехал *"архиепископ Суздальский, которого он по-господски угощал"*. Далее дневник фиксирует визит Галактиона к "Его Милости", т. е. гетману Сапеге, состоявшийся 16 марта 1609 года в связи с тем, что архиепископа Суздальского кто-то из тушинцев обвинил в измене Лжедмитрию II и в сговоре с Василием Шуйским. Из-за подобных подозрений архиепископ Галактион, вызванный Лжедмитрием для разбирательства в Тушино, обратился за ходатайством к Яну Сапеге, который взял этого архиерея под защиту и отправил сопроводительное письмо к Самозванцу: ибо, как говорится в дневнике, *"не было никаких надёжных доказательств, что он мог быть изменником"* (34). Позже, уже в начале лета 1609 г. гетманский дневник упоминает о смерти архиепископа Суздальского, который, как говорится там, внезапно умер по дороге к тушинскому "царю" в трёх милях от Троицы, недалеко от военного лагеря Яна Сапеги. Дата смерти Галактиона (2 июля 1609 г.) указана уже в русском источнике, синодике Рождество-Богородицкого собора, но и там ни о каком изгнании суздальского архиепископа тушинцами не сообщается...

Коль скоро с врагами России в те смутные годы откровенно сотрудничали такие крупные иерархи русской православной церкви, чего уж было спрашивать с нижестоящего духовенства, включая монашество? И если иноки Троицкой лавры стойко

боролись с ордами второго Самозванца, то многие другие монастыри, напротив, запятнали себя в те смутные годы изменой. – Так, в конце октября 1608 г. по своей воле прибыли в Тушинский лагерь настоятели двух крупнейших костромских обителей: игумен Богдаевенского монастыря Арсений и архимандрит Ипатьевского монастыря Феодосий. Присягнув Лжедмитрию II, они затем на протяжении долгого времени служили ему вместе со своей иноческой братией, как говорится, верой и правдой. Так, именно в Ипатьевском монастыре засели выбитые местным ополчением в 1608 г. из Костромы отряды Тушинского вора, - *«и ещё долго костромичи не могли простить монастырскому духовенству предательства во время осады»* (35). Ипатьевские монахи не только укрыли в своих крепостных стенах воинов Лжедмитрия II после их отступления из Костромы, но и доставляли письма тушинцев в лагерь Яна Сапеги (36). А когда в мае 1609 г. прибывшие на выручку костромичам царские войска под командованием Д. Жеребцова подступили к Ипатьевскому монастырю, взять эту перешедшую на сторону Тушинского вора "духовную твердыню" им удалось лишь почти спустя полгода осады!..

Предательство свило себе гнездо и среди православных иноков древнего Ярославля. Так, изменник-монах помог польским войскам овладеть этим крупным торговым центром на Волге (9). Архимандрит же расположенного в данном городе Спасского монастыря Феофил посылал богатые подарки гетману Яну Сапеге (37)... Свои предатели-агенты Лжедмитрия II из числа русского клира имелись тогда и в самой Москве. Согласно польским документам, в наиболее тяжёлый период блокады столицы войсками тушинцев там действовали по крайней мере два шпиона Сапеги из духовной среды: священник Иван Зубов и некий троицкий монах Авраамий. Так как последний агент предлагал тушинцам склонить к сдаче Троице-Сергиев монастырь, дореволюционный исследователь С. Платонов предположил, что это мог быть не кто иной, как сам келарь лавры Авраамий Палицын (38). – Но данная гипотеза сомнительна, при учёте той патриотической позиции А. Палицына, которая отличала его в годы Смуты согласно всем прочим свидетельствам...

9. Филарет-Романов и Лжедмитрий II: "сладкая парочка" времён русской Смуты

Самой же крупной из фигур церковной иерархии того периода, перешедших на сторону Лжедмитрия II, стал Ростовский и Ярославский митрополит Филарет – тот самый глава боярского дома Романовых, который ранее, при воцарении Шуйского был "наречён" патриархом, но затем "скинут" в прежний сан и удалился к себе в Ростов. История того, как Филарет попал в Тушинский лагерь, заслуживает подробного разбирательства...

Итак, осень 1608 года: положение запертого в столице Василия Шуйского с каждым днём ухудшается, всё новые и новые русские города берутся рассыпавшимися по стране бандами тушинцев или добровольно переходят на их сторону. Именно так поступили жители Переяславля-Залесского, которые не только присягнули Тушинскому вору, но и вместе с его отрядами, возглавляемыми Я. П. Сапегой, напали на соседний Ростов. Местные горожане, не имея возможности обороняться (нынешний Ростовский кремль из камня будет построен лишь много лет спустя после этих событий), по большей части эвакуировались в хорошо укреплённый Ярославль, что предлагали сделать и своему митрополиту Филарету. Но тот остался в обречённом Ростове, по словам Карамзина оправдываясь тем, что *"не бегством, а кровью должно спасти отечество; что великодушная смерть лучше жизни срамной"* и т. д. (30). Когда 11 октября 1608 г. переяславские ополченцы и воины Сапеги вошли в Ростов, митрополит Филарет заперся в кафедральном соборе города с теми горожанами, кто не бежал в Ярославль. В итоге, как пишет Карамзин, не поляки, а свои же русские люди из Переяславля осадили сей православный храм, а затем, ворвавшись внутрь, умертвили всех оставшихся там ростовцев, кроме одного Филарета, которого лишь избили, сорвав с него святительские ризы и облачив в лохмотья. Затем переяславцы разграбили собор: сняли всё золото с гробницы св. Леонтия и разделили между собой по жребию; разграблен был и сам город

Ростов. Захваченного же Филарета сторонники 2-го Самозванца отвезли к своему "царю" в Тушинский лагерь как узника, подвергая якобы в пути разным издевательствам... Однако там Лжедмитрий II почему-то встретил этого митрополита с распростёртыми объятиями: он не только не покарал Филарета за проявленное в Ростове упорство, а напротив, сделал у себя в Тушино "наречённым" патриархом, вручив ему золотой пояс и придав соответствующий штат чиновников. В таком качестве Филарет-Романов и управлял православной церковью на подвластных Лжедмитрию II территориях затем целых полтора года. Вообще Карамзин отмечает, что второй Самозванец, наученный примером Отрепьева, подчёркивал своё уважение к православию, *"хотел казаться ревностным чителем церкви и духовенства"* (30). Тому же Лжедмитрий учил Марину Мнишек – отпущенную Шуйским из плена и приехавшую к своему якобы спасшемуся мужу в Тушино, – которая приняла тогда от Сапеги захваченную в Ростове икону св. Леонтия, демонстративно молилась в православных церквях и поклонялась там мошам...

Так рассказывает о появлении Филарета при Лжедмитрии II в своём труде Карамзин, а вслед за ним – большинство лояльных к РПЦ и династии Романовых авторов. Однако здесь сразу возникает ряд вопросов. Скажем, зачем Филарет при подходе войск тушинцев остался в Ростове, где не было возможности обороняться, и тем попусту обрёл на гибель доверившихся ему людей? Ведь Ярославль, куда предлагали уехать этому архиерею, также был одним из центров его епархии, о чём свидетельствовал титул Филарета: митрополит ростовский и ярославский. Да и вообще, церковные традиции на Руси никогда не возбраняли православным пастырям оставлять их кафедру в случае военной угрозы: вон ведь, в 1382 г. московский митрополит Киприан с игуменом Сергием Радонежским трусливо удрали от вторгшегося хана Тохтамыша, бросив свою паству на произвол судьбы, и ничего, - церковь их обоих потом даже святыми объявила!.. А уж силком обращённый в духовное сословие Филарет-Романов и подавно религиозным фанатизмом не отличался! Далее: Карамзин вопреки логике пишет, что тушинский Самозванец, провозгласив пленённого Филарета главой своей церкви, якобы *"держал его в тесном заключении как непреклонного в верности царю Василию"* (30). – Но зачем Лжедмитрию II было делать марионеточным патриархом в Тушине не собственного верного ставленника, а столь "непреклонного" сторонника Шуйского, каким якобы был Филарет? Чтобы противопоставить его другому твёрдому соратнику царя Василия: а именно, сидящему в Москве патриарху Гермогену? Ведь это было бессмыслицей, - тем более, что у Самозванца в распоряжении имелось минимум двое других подходящих кандидата на роль главы церкви: архиепископы Феокист и Галактион, вполне добровольно подчинившиеся Тушинскому вору. Любого из них Лжедмитрий мог поставить у себя патриархом и не держать *«в тесном заключении как непреклонного в верности царю Василию»!* Да и трудно представить, как находящийся в таком заключении Филарет-Романов мог целых полтора года публично осуществлять свою патриаршую миссию в Тушино... И если уж впрямь Филарет сохранил верность Шуйскому, то почему он с ходу не отверг предложения Лжедмитрия II служить ему карманным главой русской церкви, освящая этим претензии Тушинского вора на власть? Что же сей митрополит в данном случае не вспомнил собственный девиз: *"великодушная смерть лучше жизни срамной"!*!?

Главным источником версии о «пленении» Филарета, оправдывающей изменнический переход этого 3-го по значению в ту пору церковного иерарха к Самозванцу, стала написанная уже после воцарения династии Романовых повесть о Смуте всё того же Авраамия Палицына. Хотя последний и не был очевидцем данного события, он живо расписывал, как ростовского митрополита сторонники Лжедмитрия *"исторгше силою"* из храма, потом *«ругающуюся облекоша в ризы язычески»* отвезли насильно в Тушино, где нарекли своим патриархом, хотя сам Филарет-Романов быть им, мол, не желал и в дальнейшем *«пребыть твёрдо в правой вере. Они же блюдуце того крепкими стражми»* и т. д. (39).

Однако на беду романовских апологетов, сохранились и другие, альтернативные источники о событиях тех дней. – Как свидетельствует о пленении Филарета дневник Яна Сапеги, в октябре 1608 г. воевавшие на стороне Тушинского вора казаки разгромили под Ростовом в двух сражениях отряды под командованием князя Третьяка-Сеитова, который тщетно пытался защитить от них этот город. Отступившие в Ростов сторонники московского царя вместе с митрополитом Филаретом *"собравшись в церкви, мужественно оборонялись в течение трёх часов"*, однако в итоге капитулировали перед силами тушинцев: *"Видя уже, что им грозит большая опасность, сам митрополит вышел сдаваться из церкви к ним, с хлебом и солью..."*. – То есть из этого источника следует, что хотя Филарет-Романов сперва действительно был вместе с приверженцами Шуйского, в критический миг он всё же переметнулся в другой лагерь и САМ сдался тушинцам. Этим он спас лично себя, но не помог другим горожанам, осаждённым в главном соборе Ростова воинами Самозванца, ибо *"уже поздно было, так как те сильно ожесточились против них и ни в какую сдерживаться не хотели. Митрополита самого схватив, ворвались в церковь, убивая, изрубая, как монахов, так и простолюдинов и погибло в церкви несколько сот человек"*, - завершает описание данного эпизода секретарь Сапеги... (34). В дальнейшем же этот автор неоднократно упоминает о вполне тёплых отношениях Филарета в роли тушинского патриарха как с гетманом Сапегой, так и с Лжедмитрием II. А согласно запискам другого иностранного свидетеля Смуты, протестантского пастора Мартина Бера, статус Филарета-Романова в ставке Тушинского вора с самого начала был очень почётным: *"Митрополит Ростовский, князь Фёдор Никитич взят был в плен и отправлен в подмосковный лагерь, где Самозванец принял его ласково и возвёл в достоинство патриарха; митрополит вынул из своего жезла восточный яхонт ценою в полбочки золота и подарил его Димитрию"* (40). – Интересно, как это якобы ограбленный при пленении до нитки, облачённый в лохмотья и привезённый в Тушино на простых санях (если верить Палицыну или Карамзину) ростовский митрополит мог подарить Лжедмитрию II баснословно драгоценный камень!? – Один такой дар Филарета полностью разрушает благочестивую легенду о его насильном провозглашении главой церкви в Тушине и содержании там под стражей!..

Итак, объявленный патриархом Ф. Романов стал вершить в резиденции Самозванца богослужения и рассылать по России свои грамоты о признании власти Лжедмитрия II. Под этими грамотами стояла подпись: *"Великий Господин, преосвященный Филарет, митрополит ростовский и ярославский, наречённый патриарх московский и всея Руси!"* Таким образом, благодаря предательству Филарета-Романова политическая борьба между претендентами на высшую светскую власть усугубилась ещё и административным расколом православной церкви, ибо с конца 1608 г. в раздираемой междоусобицей России оказалось сразу два патриарха (если не считать ещё третьим Игнатия, заточённого тогда в Чудовом монастыре Кремля): один в Москве, а другой в Тушине... Сам Филарет, разумеется, не мог искренне считать Тушинского вора дважды "спасшимся" (из Углича в мае 1591 г. и из Москвы в мае 1606 года) царём Дмитрием. Однако на словах Ф. Романов безусловно признавал Лжедмитрия II таковым, - иначе как бы он мог исполнять в Тушине столько времени функции патриарха, главной обязанностью коего было молиться за правящего царя и заставлять это делать нижестоящее духовенство?! А факт признания со стороны Филарета законным царём Тушинского вора для последнего был, в свою очередь, очень важен как раз потому, что в 1606 г. именно этот митрополит устраивал "обретение святых мощей" Дмитрия Угличского и канонизацию его церковью в качестве мученика! Но если в 1608 году Филарет-Романов согласился быть патриархом у Тушинского вора как законного царя Дмитрия Ивановича, это означало только одно: что сей церковный деятель сам же расписался в осуществлённом ранее им подлом обмане русского народа при провозглашения "святым" Митьки Нагого. – Ибо "царствовать" в Тушине и воевать против Василия Шуйского явно не мог тот, чьи бранные останки одновременно покоились в кремлёвском соборе и являлись объектом поклонения верующих прихожан!!!

Разумеется, Филарет в годы своего "тушинского патриаршества" официально должен был признавать, что вся история с канонизацией "царевича Дмитрия" – наглый, циничный подлог со стороны церкви и его лично; однако впоследствии об этом признании наша православно-монархическая историография постаралась напрочь забыть!.. Таким образом, провозглашение своим патриархом именно ростовского митрополита для второго Самозванца имело глубокий идеологический смысл для обоснования его претензий на трон: и это не говоря уже о громадном политическом значении перехода в Тушинский лагерь главы сильнейшего в России (после Шуйских) боярского клана Романовых!..

Переметнуться на сторону 2-го Самозванца имело явный смысл и для Филарета, если вспомнить, как после майского переворота 1606 г. он чуть было не сделался в Москве патриархом, однако в самый последний момент был "обойдён" здесь Гермогеном, ставленником Шуйского. Пока длилось царствование Василия и патриаршество Гермогена, рассчитывать на какое-либо существенное возвышение Романовым было сложно. Другое дело: боровшийся с Шуйским за трон самозванец, который дал Филарету-Романову и новый титул, и новые богатства! – При тушинском дворе Филарет обрёл вождьенное место главы церкви и во второй раз за свою жизнь, после неудачной попытки 1606 года, сделался "наречённым патриархом": правда не "всея Руси", а лишь тех областей, где признавали власть Тушинского вора. Причём любопытно, что после провозглашения Филарета патриархом в Тушино перебежала из столицы часть именитой родни оного, - скажем, князя Сицкие и Черкасские, - в то время как собственно Романовы во главе с его братом Иваном остались в Москве при дворе царя Василия, как будто дистанцируясь от "тушинского патриарха". Таким образом, романовский клан применил тактику большинства знатных русских семейств данного периода Смуты: не зная, кто победит в противостоянии Москвы и Тушина, делиться по взаимной договорённости на две части, одна из которых формально оставалась верна царю Василию Шуйскому, а другая переходила к Лжедмитрию II, получая от него за это новые чины и награды. Этим влиятельные семьи желали обезопасить своё будущее: какой бы царь ни одержал верх, его сторонники постарались бы спасти тех своих родичей, кто оказался в проигравшем лагере, и наоборот. – Однако для Филарета как слишком крупной политической фигуры такой страховки было мало, и он прикрыл свой переход к Самозванцу также ещё легендой о "пленении", которую как раз помогали распускать в Москве его оставшиеся там родственнички... И эта поставленная Романовыми "дымовая завеса" сработала – по крайней мере, если оценить, как отнеслись к возвышению при Тушинском воре Филарета правительство Василия Шуйского и патриарх Гермоген. Последний, казалось бы, должен был сразу же проклясть Филарета как изменника и самозванца: ведь в одной церкви двух патриархов быть не может! Однако сведений о таком осуждении Ф. Романова не сохранилось. – Судя по всему, и светская, и церковная власти в Москве официально поддерживали мнение о том, будто Филарет принудительно служит Тушинскому вору главой церкви. Тот же Гермоген, сурово укорявший в феврале 1609 г. тушинцев как изменивших царю, "всей земле" и богу, поминал Филарета в качестве примера "мучеников Господних", которые де "взяты в плен... не своею волею, но нуждою". Царя Василия Шуйского политический расчёт также заставлял поддерживать среди его подданных версию о Ф. Романове как пленнике Лжедмитрия II. Вот что писал об этой запутанной истории дореволюционный историк Платонов: ***"В среде тушинской знати первое место принадлежало Филарету Романову... Вор признал его патриархом, и с тех пор Филарет пребывал в Тушине, по одним известиям, как пленник, а по другим – как добровольный обыватель Тушина и глава того духовенства, которое признавало "царя Димитрия Ивановича". Официальное жизнеописание Филарета, составленное по поводу его поставления в патриархи в 1619 году, вообще умалчивало о тушинском периоде его жизни. Грамоты же московского патриарха Гермогена, писанные в 1609 году, упоминая о Филарете, называли его не изменником, а "пленником"... для московского правительства было бы совершенно невозможно отозваться о Филарете иначе, как о пленнике Вора.***

Если бы оно объявило его добровольным приверженцем "Царя Димитрия", то этим сильно подняло бы шансы своего Тушинского противника..." (38). – Короче, глава клана Романовых был не каким-то великим патриотом и мучеником за веру, а крупнейшим предателем и двурушником из перебежавших в стан Лжедмитрия II политических проституток времён Смуты: можно сказать, этакой Мариной Мнишек в рясе!..

10. Вмешательство в Гражданскую войну начала XVII века Швеции и Польши.

Между тем в Москве патриарх Гермоген сохранял непоколебимую верность Шуйскому, всячески ободряя его в борьбе против Тушинского вора. Однако Василий не только продолжал трусливо отсиживаться за стенами столицы, но и решил, утратив доверие к своим русским подданным, обратиться за помощью к иноверцам-шведам. Их король Карл IX (1604-11 гг.) был сам весьма обеспокоен успехами поддерживаемого поляками Лжедмитрия II, которому осенью 1608 г. присягнули такие находящиеся вблизи рубежей Швеции русские города, как Псков, Ивангород и Орешек. По настоянию шведов царь Василий заключил с Карлом 23 февраля 1609 года Выборгский договор. – Хотя главный его смысл был в присылке шведами московскому царю для войны с тушинцами своего наёмного корпуса во главе со знаменитым полководцем Делагарди, стороны обязались также воевать до победного конца и против Польши... За помощь солдатами Шуйский согласился уступить Швеции как свои права на всё равно не принадлежавшую ему Ливонию, так и вполне принадлежавший тогда России округ г. Корелы. Это не могло нравиться патриарху Гермогену, однако для него царь Василий по-прежнему оставался самодержцем, *"которого избрал и возлюбил Господь!"* (17). И хотя слабовольного Василия Шуйского, одного из самых презираемых монархов в русской истории, в те годы неоднократно пытались сместить с трона различные заговорщики, эти покушения всякий раз отражались Гермогеном. Однако прочее столичное духовенство в условиях блокады Москвы войсками Самозванца вело себя куда менее лояльно. Так, когда из-за осады тушинцами Коломны прекратился подвоз хлеба в столицу и купцы-спекулянты взвинтили цены на продовольствие, не слушая при этом увещаний царя и патриарха, среди москвичей начался голод, в какой-то мере сравнимый с Великим голодом времён Годунова. Церковники же опять, как и в 1601-1603 годах, не спешили отдавать свои запасы голодающим, и лишь под давлением царя Василия келарь Троицкой лавры Авраамий Палицын открыл страждущим расположенные в Москве житницы своего монастыря: одно это позволило тогда сбить цены на хлеб в 3,5 раза!.. Между тем к Лжедмитрию II из Астрахани пришли новые отряды его сторонников-казаков во главе с очередными самозванцами: царевичем Августом, выдававшим себя за ещё одного сына Ивана Грозного, а также с мнимыми внуками последнего – Осиновиком и Лавром. Что же, разгульный образ жизни первого российского царя, памятный в народе, создавал благодатную почву такому самозванству! Впрочем, эти новоявленные «царевичи» не были признаны Лжедмитрием II своими родственниками и все довольно быстро погибли...

Неуклюжая внешняя политика Василия Шуйского, заключившего в Выборге с протестантской Швецией направленный против Речи Посполитой договор, дала польскому королю формальный повод начать летом 1609 г. открытую интервенцию против России. Главной же причиной вторжения Сигизмунда III в русские земли стало разочарование Польши в шансах доселе негласно поддерживаемого ею Тушинского вора на скорую победу и овладение Москвой. Начиная этот поход, польский король в его грамотах к русским людям писал, что он идёт, мол, восстановить порядок в их разорённой междоусобицей стране по просьбе *"многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства"*, и якобы очень радеет при этом о сохранении *"православной русской веры"*. Но в своей переписке с западными католическими монархами Сигизмунд откровенно признавался, что его подлинная цель: заявить свои права на русский престол, а как минимум – отобрать у России в свою пользу Смоленскую, Черниговскую,

Северскую и иные спорные приграничные области... Перейдя границу, Сигизмунд III в сентябре 1609 г. подступил с многочисленной армией к Смоленску, оборону которого возглавили верные Шуйскому воеводы Михаил Шеин и князь Горчаков, а также местный архиепископ Сергей, поклявшиеся в храме Богоматери не сдаваться врагу...

Вторжение королевской армии на русскую территорию спутало все карты тем полякам, кто ранее воевал под знамёнами Лжедмитрия II, вызвав большой переполох в Тушинском лагере. Туда вскоре король Сигизмунд направил своё посольство, предлагая всем тушинцам присоединиться к нему, дабы низвергнуть в России разом и Шуйского, и 2-го Самозванца. Польских союзников Тушинского вора Сигизмунду долго пришлось уламывать, т. к. большинство их отчаянно противилось желанию своего короля завладеть московским престолом. Зато русские приближённые Лжедмитрия II оказались намного сговорчивей: когда королевские послы встретились в Тушине с наиболее знатными из них, - князем Рубец-Мосальским, боярином Михаилом Салтыковым и другими, - те с восторгом одобрили замысел Сигизмунда сделаться русским царём. Как признаёт Карамзин, *"в сей думе крамольников присутствовал, как пишут, и муж добродетельный, пленник Филарет, её невольный и безгласный участник"*(41).— Перед нами опять смешные увёртки романовской апологетики: будь даже Филарет и впрямь невольником при дворе Тушинского вора, кто же мешал ему как местному патриарху высказать своё мнение?! – Вряд ли бы кто в Тушине осудил выражение им верности поставившему его патриархом Лжедмитрию II, за которого прежде Ф. Романов столь долго молился сам и призывал молиться других. Однако ж сей прохиндей явно решил теперь предать тушинского царька ради короля Сигизмунда, точно так же как ранее предал царя Василия Шуйского!.. Некоторое время спустя под влиянием королевского посольства в Тушино вспыхнул мятеж против давно уже потерявшего былую популярность Лжедмитрия II, что заставило его тайно бежать оттуда в декабре 1609 года. Достигнув Калуги, он расположившись в одном из окрестных монастырей, начав изображать из себя защитника России и православной веры от польской агрессии... А вот оставшийся в его резиденции «тушинский патриарх» Филарет, якобы доселе насильно удерживаемый Самозванцем в Тушино, после бегства Лжедмитрия II вовсе не спешил избавиться ни от своего "плена", ни от якобы навязанного ему патриаршества! Более того: Ф. Романов стал в Тушине едва ли ни главным участником предательских интриг, в качестве местного главы церкви одобряя идею о подчинении России польской власти. – Ибо в ходе созванного после бегства Самозванца совещания Филарет с духовенством, казачьим атаманом Заруцким, боярином Салтыковым и рядом других именитых тушинцев согласился на предложение королевского посла отдаться под покровительство Сигизмунда, направив королю следующую грамоту: *"Мы, Филарет, патриарх московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, Бога молим и челом бьём... и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господарями видеть хотим!"* (1). – Таким образом, если осенью 1608 года Филарет изменил лично царю Василию, примкнув к его конкуренту Лжедмитрию II, то с января 1610 г. старший Романов предал уже само Российское государство, открыто встав на сторону польского короля... Между тем общая военно-политическая ситуация в России ничуть не оправдывала такого капитулянтства. Ибо вся эта изменническая возня шла на фоне успешного наступления правительственных сил под руководством молодого племянника царя М. Скопина-Шуйского, который в январе 1610 г. как раз снял 16-месячную осаду с Троицкой лавры, вынудив Сапегу с его ордой бежать к Дмитрову. После же этого, в начале марта 1610 года Михаил Скопин-Шуйский вместе с его союзником шведским полководцем Делагарди триумфально вступил в освобождённую от блокады Москву...

Современный исследователь Р. Скрынников так пишет о действиях Филарета после бегства Тушинского вора в Калугу: *"Филарет Романов взял на себя функции главы*

*тушинского правительства. С его согласия и благословения под Смоленск выехали полномочные тушинские послы боярин Михаил Салтыков, думные люди Плещеев, Молчанов, Фёдор Андронов и другие. В течение двух недель они вели переговоры с королевскими чиновниками». По словам Скрынникова, именно "Филарет был одним из подлинных вдохновителей соглашения с Сигизмундом III" (42). Но такая идея, означавшая капитуляцию перед внешним врагом и прямую национальную измену, оказалась не по нутру даже большинству тушинцев, оставшихся в их лагере. Потому, когда в январе 1610 года из Тушино в стан польского короля под Смоленском прибыло "посольство 42-х", возглавлявший его родственник Филарета и видный приближённый Тушинского вора Михаил Салтыков выдвинул компромиссное, как ему казалось, предложение: а именно, призвать на московский трон не самого Сигизмунда, а его сына, королевича Владислава... При этом русские послы из Тушино особо настаивали, чтобы Владислав прежде обратился из католичества в православие. Религиозный аспект, выносимый на первый план тушинцами в этих переговорах, немало удивлял поляков. "Сии люди, - говорит польский историк, - мало заботились о правах и вольностях государственных: **твердили единственно о церкви, монастырях, обрядах; только ими дорожили, как главным, существенным предметом, необходимым для их мира душевного и счастья**" (41)... В результате, как отмечает Скрынников: "Итогом переговоров явилось соглашение от 4 февраля 1610 года, определившее порядок передачи царского трона польскому претенденту" (42). Тушинское правительство, в отсутствие Лжедмитрия II возглавляемое Филаретом-Романовым, подписало данное соглашение, на основании которого члены посольства стали призывать обитателей Тушина перейти на сторону Сигизмунда III. – От этого их отговаривал Лжедмитрий II, который стал теперь непримиримым врагом польского короля, лишавшего его надежд заполучить русский престол. Превратившись из Тушинского вора в Калужского, сей авантюрист всячески зазывал былых сподвижников, включая и оставшихся в Тушино поляков, присоединиться к нему, а не к Сигизмунду!.. Вскоре калужский царёк действительно сумел привлечь к себе не одну тысячу старых и новых сторонников. В начале февраля 1610 г. из Тушина сбежала также Марина Мнишек. Сперва она подалась было к Яну Сапеге, но он не пожелал вновь примкнуть к Лжедмитрию II, и поэтому Марине пришлось уехать к тому в Калугу одной...*

После того, как Я. Сапега был разбит у Дмитрова царскими войсками во главе со Скопиным-Шуйским, в Тушино под действием этих событий началась паника. Уже 5 марта 1610 года Тушинский лагерь, более полутора лет державший в постоянном напряжении Москву, перестал существовать, за несколько часов обратясь в пепел: он был сожжён покинувшими его собственными обитателями. – Поляки вместе с частью русских изменников подались на запад к Сигизмунду, другие же тушинцы бежали в Калугу к Лжедмитрию II или рассеялись по разным городам... А куда делся при этом "тушинский патриарх" Филарет-Романов? Может, он хотя бы после исчезновения его подмосковной резиденции вернулся в столицу к Василию Шуйскому, или же в Ростов: к своей епархии, которую некогда так не желал покидать? Отнюдь, - благочестивейший Филарет вместо всего этого двинулся вместе с поляками к Сигизмунду! Причём Ф. Романов сидел в Тушине буквально до конца и уехал оттуда лишь с обозом последнего польского отряда под командованием гетмана Рожинского, который и поджёг оставляемый лагерь... В данных условиях полякам, уносившим ноги от наступающих войск царя Василия, было уж точно не до того, чтобы насильно удерживать при себе Филарета: ясно, что тот уехал с ними по своей воле, а не как пленник. Одно уже это прозрачней некуда разоблачает истинную политическую позицию главы Романовых!..

Итак, вместе с отрядом Рожинского бывший «тушинский патриарх» направился в королевский стан у осаждённого Смоленска. Но из-за весенней распутицы поляки сильно задержались в пути под Волоколамском. После смерти Рожинского в апреле 1610 г. большая часть его воинов ушла к Смоленску, а меньшинство, примерно 1,5 тысячи поляков и казаков вместе с Филаретом остались в местном Иосифо-Волоцком монастыре.

Оттуда их 21 мая 1610 г. выбил царский воевода Валуев и шведский командир Горн. Среди взятых в том бою пленных в руки царским полководцам попал также и Ф. Романов...

Дореволюционный историк Платонов описывал поведение Филарета в первые месяцы 1610 года так: **"Он не последовал за Ворм, когда тот из Тушина убежал в Калугу; но он не поехал и в Москву, когда мог бы это сделать при распадении Тушина. Как сам Филарет, так и та тушинская знать, которая вокруг него группировалась, предпочли вступить в сношения с королём Сигизмундом... Когда соглашение с Сигизмундом было достигнуто и русские тушинцы признали своим государем Владислава, они потянулись из Тушина в королевский лагерь, чтобы там составить правительственный штат при короле по делам московским. Туда же за прочими направился было и Филарет, но на дороге к Смоленску, в мае 1610 года, он был перехвачен войсками Шуйского и привезен в Москву (с радостью, что удалось этого "пленника" освободить от вражеских рук)..."** (38). – Таким образом, пущенная ранее байка о «пленении» тушинцами Филарета очень кстати пригодилась ему весной 1610 года! Валуев торжественно привёз "освобождённого" из вражеской неволи самозванного патриарха уже в начале лета 1610 г. в Москву. – А там этого главного прислужника Лжедмитрия II, вопреки опасениям, ждала не кара, а полная амнистия: правительство В. Шуйского предпочло поверить легенде о вынужденном пребывании Филарета в Тушинском лагере. Как отмечает по этому поводу Скрынников: **"царь Василий не осмелился судить "воровского" патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. Патриарх Гермоген поспешил объявить Романова жертвой Лжедмитрия и признал его право на прежний сан ростовского митрополита. Филарет, не чаявший такого приёма, вскоре обрел прежнюю самоуверенность и стал не покладая рук трудиться над возрождением влияния романовского круга... При поддержке больших бояр – братьев и племянников – Филарет вскоре стал, по словам очевидца, «большой властью под патриархом». В его лице Шуйские приобрели самого опасного врага..."**(42).

Меж тем одержанные ранее успехи правительственных войск в борьбе с Лжедмитрием II, казалось бы, призванные восстановить власть царя Василия над страной, стали "лебединой песней" режима Шуйских. Ибо обусловлены они были в основном лишь энергией самого талантливого представителя этого боярского рода – юного полководца Михаила Скопина-Шуйского, набиравшего всё большую популярность. Как раз в ту пору, вероятно, стараниями его почитателей по стране был пущен слух, будто какие-то гадатели предсказали, что Россию умиротворит новый царь по имени МИХАИЛ. Позже, в 1613 г. это поверье сыграет на руку избранию Михаила Романова, однако Скопина-Шуйского подобные толки лишь сгубили, ибо разожгли зависть к нему со стороны царя Василия и его ближайших родственников. – Устранение М. Скопина-Шуйского весной 1610 года произошло в лучших "византийских традициях", так прославляемых Н. Нарочницкой и другими православными идеологами нынешней России: молодой военачальник был отравлен на кремлёвском обеде 23 апреля 1610 года, после пира разболелся и в начале мая умер. Однако смерть Михаила не упрочила власть В. Шуйского, а только приблизила его падение, окончательно дискредитировав царя в общественном мнении. Кроме того, царское правительство совершило тогда другие опрометчивые, хотя и вынужденные шаги, подточившие его опору. – Так в 1610 году, собирая войска для борьбы с поляками, царь Василий Шуйский потребовал денег (прежде всего для уплаты жалования шведским наёмникам) от Троице-Сергиевой лавры, **"но иноки говорили, что они, дав Борису 15 000 рублей, расстриге 30 000, самому Василию 20 000 рублей, остальную казною едва могут исправить стены и башни свои... Царь силой взял у них и деньги, и множество церковных сосудов, золотых и серебряных для сплавки. Иноки роптали: народ изъявлял негодование, уподобляя такое дело святотатству..."**(43). Таким образом, "грабежом церкви" занималась в нашей истории не только советская, но и царская власть ещё за три века до большевиков!.. Возможно, именно этот вызвавший "ропот иноков" акт

частичной секуляризации лишил царя Василия поддержки духовенства и ускорил его свержение.

11. Падение Шуйского: церковь и Семибоярщина.

Судьба вконец отвернулась от Василия после того, как посланная им навстречу полякам к Смоленску 40-тысячная русско-шведская армия под командованием царского брата Дмитрия Шуйского 23 июня 1610 г. была наголову разбита у села Клушино выдвинутым Сигизмундом против неё в качестве заслона войском гетмана Станислава Жолкевского, у которого не было и 7 тысяч человек. Тогда на сторону поляков перешли все служившие Шуйскому иностранные наёмники, за исключением шведов, которые во главе с Делагарди отступили на север России. После поражения в Клушинской битве позиции царя Василия Шуйского стали быстро слабеть: окрестные города отказали Москве в помощи. С запада к столице подступили поляки во главе с гетманом Жолкевским, занявшие гг. Царёво-Займище, Можайск, Боровск, Ржев, а также Иосифов монастырь... Со стороны же Калуги снова активизировался Лжедмитрий II вместе с вернувшимся к нему на службу Я. П. Сапегой и его поляками. Те же в Боровском уезде тогда осадили и взяли с помощью измены знаменитый Пафнутьев монастырь, где погиб воевода Михаил Волконский. Тогда же В. Шуйскому изменили жители гг. Коломны и Каширы, перейдя вместе со своими воеводами на сторону Лжедмитрия II. Вскоре после этого Самозванец подступил с юга к столице и разбил свой лагерь у подмосковного села Коломенского... При таких обстоятельствах власть царя Шуйского повисла на волоске, и как раз кстати очутившийся в столице Ф. Романов постарался этот волосок оборвать. Как отмечал ещё дореволюционный историк Платонов, *«появление в Москве Филарета много способствовало свержению Шуйского...»* (38). – Вскоре против царя созрел заговор, возглавленный князьями Фёдором Мстиславским, Василием Голицыным и боярами Романовыми; активную роль в нём сыграли и рязанские дворяне Ляпуновы. Последние договорились с приближёнными Лжедмитрия II одновременно сместить как Шуйского, так и Самозванца, после чего думали совместно изгнать поляков из России и избрать нового царя... Когда мятежники вошли в Кремль и потребовали от бояр свергнуть Василия, только патриарх Гермоген активно выступил против этого плана, но не получил поддержки и *"в горести удалился"*. Как отмечает Р. Скрынников, при этом *"за низложение Василия Шуйского высказались Голицыны, Мстиславский, Филарет Романов..."* (42)

Итак, 17 июля 1610 г. заговорщики низложили и арестовали Василия Шуйского с его братьями, однако при этом сторонники Лжедмитрия II отказались выполнять свою часть договора, желая всё же сделать царём Самозванца. Данной сумятицей попытался было воспользоваться Гермоген, который умолял москвичей вернуть Шуйского на царство, но его снова никто не послушал... – Ничего не изменили протесты Гермогена, и когда спустя пару дней заговорщики постригли свергнутого В. Шуйского вместе с его молодой женой Марией в монашество, вопреки всякому их желанию. Такая процедура была на православной Руси отработана до мелочей: в присутствии насильно постригаемого другой человек произносил за него клятвы отречения от «мира»... После этого В. Шуйского с его женой заточили в различные монастыри. – Хотя Гермоген не желал признавать такого акта и демонстративно продолжал молиться за Василия в храмах как за царя, а вместо него считал монахом давшего обеты при насильственном пострижении боярина, - всё это упорство патриарха, опять же, было тщетно и Шуйскому никак не помогло!.. В качестве замены царю боярская Дума учредила в Москве временное правительство из 7 представителей высшей знати. Так возникла пресловутая Семибоярщина во главе с князем Фёдором Мстиславским, куда патриарха Гермогена, опять же, не включили. Зато в состав Семибоярщины вошёл Иван Романов – младший брат "тушинского патриарха" Филарета, - а также женатый на их сестре Анастасии князь Б. М. Лыков! От населения страны новое правительство потребовало присяги себе на верность, но крест Семибоярщине целовали в

основном лишь города, ранее признававшие власть Василия. Патриарх Гермоген, как ни горевал о падении Шуйского, в итоге признал власть Семибоярщины при условии, что нового царя изберут "всею землёю". На первых порах такие вожди победившего заговора, как братья Ляпуновы, князь Василий Голицын и другие впрямь думали избрать собственного царя, отвергая претензии Самозванца и поляков. Но вскоре в Москве восторжествовала другая, пропольски настроенная клика знатных бояр во главе с Фёдором Мстиславским. – Именно этот руководитель Семибоярщины, как пишет Карамзин, объявил жителям столицы, что для спасения отечества надо призвать на трон польского королевича Владислава. Однако некоторые исследователи считают, что изначально авторство этого капитулянтского плана принадлежало не князю Ф. Мстиславскому, а как раз Романовым и близким к ним боярам Салтыковым! Вот что сказано на сей счёт в книге Платонова: **"С Филаретом в Москву внедрилась и самая идея унии с Речью Посполитой. Высказанная впервые ещё при первом самозванце, когда Шуйские и Голицыны тайно просили Владислава у Сигизмунда, эта мысль теперь была облечена в практически ясную форму... Во главе другого круга врагов Шуйского стоял Филарет Романов, а главными деятелями были те люди, которые, живя в Москве, сносились с тушинцами, призвавшими Владислава, и получали от них письма и королевские "листы" в пользу королевича. Виднейшими из них были Салтыковы, свойственники Романовых. Они определенно были за Владислава"** (38). Поскольку чернь в Москве была недовольна установлением боярской власти и грозила перекинуться на сторону Лжедмитрия II, глава Семибоярщины решил опереться на польские войска гетмана Жолкевского. Тот уже 24 июля 1610 г. по призыву князя Мстиславского подошёл со своими полками к Москве и вскоре совместно с её гарнизоном отогнал от столицы отряды Лжедмитрия с поддерживавшим его Сапегой...

Русская церковь очень тревожилась за свои позиции в случае воцарения поляка-католика, и потому её глава Гермоген сперва выступил против такого плана, предложив избрать царём кого-то из русской знати: либо князя Василия Голицына, либо совсем юного тогда сына Филарета-Романова, 14-летнего Михаила. Получив от патриарха неожиданную поддержку своих честолюбивых замыслов, митрополит Филарет стал было агитировать москвичей против линии Семибоярщины, где заседал его собственный брат! Однако этот политический тандем двух патриархов (московского и тушинского) проиграл: мнение Гермогена с Филаретом было отвергнуто, а большинство в боярской Думе одобрило предложение Мстиславского призвать на трон принца Владислава... Впрочем, оба «столпа русской церкви», Филарет и Гермоген быстро согласились на такую капитуляцию. – Патриарх, по сути, не возражал против воцарения польского королевича, сказав: *"Если крестится и будет в православной христианской вере, я благословляю!"* (44).

Заручившись согласием патриарха, Семибоярщина начала переговоры с польским гетманом Жолкевским, чей авангард стоял под стенами Москвы. Причём гетман в отсутствии своего застрявшего у осаждённого Смоленска короля вёл эти переговоры с боярами отчасти на свой страх и риск, не желая преждевременно отпугнуть русских слишком жёсткими условиями Сигизмунда. И здесь Филарет-Романов, потерпевший неудачу в его первой попытке возвести на трон собственного сыночка, мог насладиться торжеством другого своего «детича»: а именно, того предательского договора с польским королём, который он успел заключить под Смоленском минувшей зимой. Ибо Семибоярщина, прельстившись кандидатурой принца Владислава, получила теперь от поляков в качестве проекта соглашения тот самый текст, что готовил Филарет ещё в Тушинском лагере!.. Патриарх Гермоген тоже посильным образом участвовал в выработке условий договора с Польшей, но его внимание сосредоточено было почти исключительно на том, чтоб после воцарения королевича Владислава не пострадали интересы православной церкви... Самозванно действуя от имени короля, гетман С. Жолкевский вскоре заключил с Думой предварительное соглашение, отложив до будущих времён требование о переходе королевича в православие, вместе с рядом прочих условий русских

бояр и церкви: чтобы воцарившийся Владислав не сносился с Римом по религиозным вопросам, чтоб в России была утверждена смертная казнь для всякого перешедшего из православия в католицизм, о женитьбе королевича на россиянке и т. д. Остальные же пункты соглашения Жолкевский, так и не дождавшись ответа Сигизмунда, принял и подписал с боярами договор от 17 августа 1610 года, согласно которому надлежало «*святейшему патриарху, всему духовенству*» и т. д. «*бить челом великому государю Сигизмунду*», дабы пожаловал он на московский престол своего сына Владислава, с тем чтоб последнему «*венчаться царским венцом и диадемою от святейшего патриарха и духовенства греческой церкви*», а также чтоб «*Владиславу-царю блюсти и чтить святые храмы, иконы и мощи целебные, патриарха и всё духовенство*», не отнимать у них имений и доходов, не встревать в духовные и святительские дела, не урезать прежнее жалование из казны церковным чинам, а также «*милости ради великого Бога к церквам и к монастырям всякого даяния прибавляти*». Особо выделен был вопрос борьбы с иноверными конкурентами: «*и римской веры и иных разных вер костёлов и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городам и по селам нигде не ставить!*» (17). – Последний пункт был явным шагом назад в сравнении с более терпимой религиозной политикой времён Бориса Годунова... Далее от Владислава после его воцарения требовалось: «*не склонять никого в римскую, ни в другие веры,*» - а также оговаривался традиционный для православной Московии антисемитизм: «*жидам в Российское во всё государство с торгом и никакими иными делами не въезжать!*» (17). Эти условия в договоре шли первыми: иными словами, православное духовенство прежде всех государственных, народных и прочих светских интересов позаботилось о сохранении своего былого положения... Также сей документ закреплял установление на Руси крепостничества, глася: «*земледельцам не переходить ни в Литву, ни в России от господина к господину, и всем крепостным людям быть навсегда такими*» (17).

После утверждения Жолкевским и боярами этой грамоты 27 августа 1610 г. москвичи принесли присягу на верность королевичу Владиславу. Тогда на Девичьем поле под Москвой было устроено массовое крестное целование, которое происходило у двух алтарей, вокруг которых стояли, как пишет Карамзин, «*духовенство, патриарх, святители, с иконами и крестами*» (43). По призыву двух архиереев десятки тысяч московских бояр, дворян, чиновников, купцов, воинов и просто горожан присягнули на кресте в верности польскому принцу как «*царю и великому князю Владиславу Сигизмундовичу... с видом усердия и благоговения*»(43). На следующий день москвичи продолжили присягать королевичу уже в Успенском соборе московского Кремля под руководством лично патриарха Гермогена. Русские люди заочно присягали Владиславу, вовсе не спешившему ехать из Польши в Москву, безо всякой оговорки о принятии им православия, лишь надеясь, что он переменит веру уже ПОСЛЕ своего вступления на престол!.. В числе целовавших крест принцу Владиславу был и митрополит Филарет. Историки-монархисты утверждают, что при этом он прозорливо удержал от такой присяги его несовершеннолетнего сына Михаила, однако по сведениям польской стороны, тот наряду с прочими московскими боярами также целовал крест своему ровеснику Владиславу. По крайней мере, последний, став потом королём Речи Посполитой, считал давно тогда уже правившего в России царя Михаила Романова своим формальным подданным, и не раз издевался над ним по этому поводу в дипломатической переписке...

Меж тем Семибоярщина разослала по всей России грамоты с извещением о присяге столицы. Большинство провинциальных городов повиновалось Семибоярщине и присягнули вслед за москвичами сыну Сигизмунда III. Так началось формальное царствование Владислава в Москве, Коломне, Туле, Рязани, Твери, Владимире, Ярославле и т. д. В честь него были выбиты монеты и медали, в православных храмах молились за нового царя. Однако Суздаль, Юрьев-Польский, Галич, Ростов и некоторые другие города стали клониться на сторону Лжедмитрия II, власти которого они раньше противились. – Формальное воцарение Владислава окончательно сделало метившего на русский трон

Лжедмитрия врагом Польши и побудило его усилить свой натиск на Москву. Но одолеть силы действовавших против него сообща поляков и воинов столичного гарнизона у Калужского вора не было шансов. Они ещё более уменьшились после того, как объединённые войска Семибоярщины и гетмана Жолкевского, окружив стан Яна-Петра Сапеги, вынудили его отступить от Самозванца. Правда, уговорить самого Лжедмитрия II и Марину Мнишек оставить претензии на русский трон полякам не удалось, хотя вскоре отряды 2-го Самозванца были полностью отброшены от Москвы. Впрочем, недовольство большей части россиян призыванием заграничного принца продолжало играть на руку Лжедмитрию: даже после того, как он с женой и атаманом Заруцким позорно бежал от столицы обратно в Калугу, под его власть перешло ещё несколько русских городов! Помимо этого, по всей стране тем временем гуляли остатки рассеявшейся тушинской армии; самыми крупными из этих польско-казацких отрядов командовали пан Александр Лисовский и атаман Андрей Просовецкий, которые не подчинялись никакому правительству вообще!

Тем временем 11 сентября 1610 г. из столицы в королевский лагерь под Смоленск отправилось большое посольство, возглавленное князем Василием Голицыным и митрополитом Филаретом-Романовым, с грамотой об избрании в цари Владислава. Кроме них, в состав этого посольства вошли в числе прочих такие представители духовенства, как новоспасский архимандрит Евфимий, келарь Троицкой лавры Авраамий Палицын, угрешский игумен Иона и воскресенский протоиерей Кирилл. Отправку посольства благословил патриарх Гермоген, который отслужил по такому случаю молебен в Успенском соборе и дал послам свою грамоту к Владиславу... Вскоре после этого опасавшиеся бунта московского простонародья в пользу Лжедмитрия II члены Семибоярщины во главе с Ф. Мстиславским, не ограничившись призыванием на русский трон сына польского короля, предложили войскам Жолкевского оккупировать столицу России! Активным сторонником ввода польского гарнизона в Москву был боярин Иван Романов, брат уехавшего под Смоленск митрополита Филарета. Как писал Р. Скрынников, *"инициативу приглашения наёмных сил в Кремль взяли на себя Мстиславский и Иван Никитич Романов"* (42). – Узнав о намереньях Семибоярщины, патриарх Гермоген резко выступил против ввода в Москву солдат Жолкевского, как явного нарушения условий ранее заключённого с Польшей договора. Лишь после трёх призывов патриарха бояре соизволили явиться к главе церкви и затем долго убеждали его в необходимости занятия Москвы поляками. Так, Иван Романов сказал патриарху, что если гетман Жолкевский отойдёт от столицы, она сразу достанется Лжедмитрию, а Гермоген будет за это в ответе. Но упрямый патриарх продолжал спорить до тех пор, пока князь Ф. Мстиславский не крикнул на него безо всякого почтения: *"Нечего понам мешаться в государственные дела!.."*

Польский корпус Жолкевского оккупировал Москву в ночь с 20 на 21 сентября 1610 года, заняв не только укрепления в центре самой столицы, но и стратегически важный Новодевичий женский монастырь за пределами её стен, а также овладев городской артиллерией и военными арсеналами. Для охраны своих западных коммуникаций поляки заняли также гг. Можайск, Борисов и Верею. Вскоре пан Александр Гонсевский сделался командиром московских стрельцов, любовь которых он старался снискать богатыми дарами и угощениями... Как писали поляки, *"упорствовал в зложелательстве"* к ним только 80-летний патриарх, боясь царя иноверного, хотя гетман Жолкевский стремился смягчить Гермогена любезным обхождением, в своих речах и частых беседах хваля *"греческую веру, так что и патриарх казался наконец искренним ему другом!"* (43). – Таким образом, Гермоген при всём его расхваливаемом ныне церковью патриотизме на первых порах не перечил оккупантам, и отчасти даже с ними сотрудничал. К примеру, патриарх не только общался с гетманом Жолкевским, но и написал польскому королю письмо с просьбой быстрее прислать своего сына в Москву, ибо русские без него, *«как*

овцы без пастыря». Сохранилась также грамота Гермогена зимы 1610/11 годов, где он требовал от казачьего атамана Андрея Просовецкого присягнуть Владиславу и т. д. (45).

Между тем посольство Филарета и Голицына, прибыв в королевский лагерь под Смоленском 7 октября 1610 года, без успеха вело там переговоры с Сигизмундом III, который желал царствовать в Москве сам. Наиболее агрессивно настроенная часть польской шляхты во главе с королём считала Россию уже поверженной и потому вовсе не собиралась уступать русским на переговорах, отпускать из Польши к ним на царство принца Владислава и проч. С другой стороны, московские послы тоже упирались до последнего, настаивая на выполнении их условий призвания королевича. Дело тут было, скорее всего, отнюдь не в большом патриотизме Филарета-Романова, которого так превозносят наши монархические историки. – Просто честолюбивый митрополит, как и его коллега по руководству посольством князь В. Голицын, всерьёз думал о своей будущей политической карьере в России, не желая вконец дискредитировать себя явной капитуляцией перед поляками. Так что переговоры с королём под Смоленском быстро стали заходить в тупик. Когда 23 октября 1610 г. представители польской стороны ответили наконец русским послам, что король "жалует" своего сына на трон московский, Филарет и Голицын сперва, по словам Карамзина, *"поклонились до земли, изъявляя радость, славя мудрость Сигизмундову и счастливое царствование Владислава"* (43)... Однако радость послов испортил польский канцлер Лев Сапега, когда добавил, что король даст своего сына русским в цари только после взятия Смоленска, ликвидации Лжедмитрия II и умиротворения России! – Это было со стороны короля явным издевательством, и потому переговоры были сорваны. Узнав об этих событиях, гетман Жолкевский уехал из Москвы в Смоленский лагерь, обещав русским лично повлиять на позицию Сигизмунда. Вместо себя гетман оставил комендантом столицы польского военачальника А. Гонсевского. Уезжая, Жолкевский захватил с собой по королевскому приказу также бывшего царя Василия Шуйского с его братьями Дмитрием да Иваном, которых доставил как пленников в стан к Сигизмунду. Боярская дума согласилась на эту позорную для России выдачу, а протест патриарха Гермогена был снова проигнорирован... Однако прибытие 30 октября 1610 года Жолкевского в королевский лагерь под Смоленском не изменило там общего хода переговоров Сигизмунда с русским посольством.

Между тем в Москве после отъезда гетмана Жолкевского польский гарнизон сперва вёл себя относительно пристойно: к примеру, когда пьяный поляк Блинский выстрелил в православную икону, то русские власти пожаловались его начальникам, а те присудили виновного к отсечению рук и сожжению заживо (46)... Однако в Кремле поляки устроили себе католическую божницу и вели там латинские службы, возмущавшие патриарха Гермогена. Бояре же в Думе во всём повиновались коменданту поляков Гонсевскому, уже знавшему решение короля отвергнуть заключённый гетманом Жолкевским договор с русскими. А король Сигизмунд уже от своего, даже не Владислава, имени, указывал боярской Думе и вёл себя, как властелин России, хотя пока не взял ещё даже Смоленск...

Перспектива воцарения ляхов встречала всё большее неприятие в российской провинции. На востоке страны польскому принцу отказывалось присягать всё больше городов, а Казань, Вятка и Пермь открыто склонялись на сторону Лжедмитрия II. Последний тем временем, как пишут, отчаялся завладеть Москвой и планировал уйти в Астрахань, чтоб основать там собственное царство и заключить союз с Турцией. Впрочем, Астрахань, ставшая во время Смуты гнездом различных мелких самозванцев, скоро вообще обособилась фактически на несколько лет от остальной России... Однако же новым авантюрам этого Самозванца не суждено было сбыться. – Ибо 11 декабря 1610 года Лжедмитрия II был убит на охоте под Калугой собственными приближёнными из числа союзных ему ногаев... Несколько дней спустя его жена Марина Мнишек разродилась сыном, которого называли Ваней, а поддерживавшие ранее Лжедмитрия казаки немедленно провозгласили этого младенца царём Иваном Дмитричем. Труп же его папаши-самозванца вместе с отрубленной головой полтора месяца лежал в холодной церкви для всеобщего

обозрения, прежде чем его похоронили. В вещах Лжедмитрия II нашли Талмуд и написанные по-еврейски документы, что подтвердило давние слухи насчёт его национальности. А уже во второй раз овдовевшая "царица" Марина сошлась с казацким атаманом Иваном Заруцким, который позднее так же стал претендовать на царский трон...

12. Гермоген и первое ополчение: миф о патриарших грамотах.

Узнав про убийство Лжедмитрия II, ранее использовавший этого Самозванца как предлог "защищать" от него русских король Сигизмунд отписал боярской Думе, что скоро прийдёт в Москву сына Владислава, но реально тот оставался в Польше. Между тем в самом начале 1611 г. знамя борьбы за независимость России вдруг поднял ещё один активный деятель Смутного времени: бывший воевода 2-го Самозванца, видный рязанский дворянин Прокофий Ляпунов. Сразу же после гибели Лжедмитрия II, в январе 1611 года Ляпунов стал рассылать грамоты по русским городам, призывая сформировать воинское ополчение для борьбы с поляками и похода на Москву. Возглавленное П. Ляпуновым ополчение рязанских дворян объединилось в феврале 1611 г. с оставшимися без своего «царя» отрядами Лжедмитрия II под командованием его бывших приближённых: князя Д. Трубецкого, атамана И. Заруцкого и др. Встал на сторону Ляпунова и воевода подмосковного Зарайска, князь Дмитрий Пожарский. Позже к нему примкнули отряды из Муром, Суздаля, Вологды, Галича, Ярославля, Костромы, из Поморья и ряда других земель во главе с местными воеводами. Так была образована земская рать, названная в позднейшей историографии 1-м ополчением периода Смуты. Интересно, что Ляпунов позвал за собой на Москву не только казаков, но и крепостных крестьян, холопов и прочих зависимых людей, обещая им за это волю и жалованье. Таким образом, по социальному составу 1-е ополчение можно было назвать действительно народным, хотя данное обстоятельство негативно сказалось потом на его боеспособности и дисциплине...

А как же знаменитые грамоты патриарха Гермогена, где он якобы призывал русских к восстанию против завоевателей? Ведь сегодняшние православные историки уверяют, будто именно Гермоген вдохновил созыв 1-го ополчения, изложив в своих посланиях суть программы действий патриотов: идти всем миром на Москву, освободить её от поляков и созвать Земский собор для выборов царя. – Увы, воззвания патриарха Гермогена на проверку оказываются ещё одним мифом православного официоза!.. Желаящие узнать подробнее историю этих пресловутых грамот, которых ни один исследователь никогда в глаза не видел, могут обратиться к работам д. и. н. Руслана Скрынникова (45). Также эта тема обстоятельно разобрана у другого доктора исторических наук, специалиста по церковной истории А. П. Богданова (17). Здесь же критика популярной сказки про великую роль воззваний Гермогена в спасении России будет изложена более сжато...

Начнём с того, что церковные апологеты вообще крайне преувеличивают авторитет патриарха на Руси и его возможность существенно влиять на политическую ситуацию во времена Смуты. Уже изложенные выше подробности событий 1610 года красноречиво показывают обратное: позиции Гермогена в государственных делах не придавали большого значения ни среди боярской знати, ни среди простого народа! – В итоге Гермоген, устав от роли «вопиющего в пустыне», смирился с тем, что в политике его не слушают, и занялся отстаиванием сугубо церковных интересов на переговорах с поляками о призвании Владислава. И лишь когда для большинства русских патриотов стало очевидным вероломство Польши, они вдруг вспомнили, что в отсутствие царя патриарх на Руси есть "человек начальный", после чего многие противники власти королевича Владислава для оправдания своей позиции начали ссылаться на Гермогена. Вот только беда, что реального взаимодействия между ними на самом деле не было!.. – Так, ещё в самом начале 1611 г. инициаторы 1-го ополчения пытались связаться с патриархом, дабы получить его благословение на сбор своих ратей. В январе 1611 г. из контролируемой

поляками Москвы в Нижний Новгород вернулись гонцы, ездившие для этой цели к патриарху. Они объявили, что Гермоген разговаривал с ними о войне с интервентами, но никакого письма не дал, сославшись на смехотворную причину: дескать, "у него писать некому"! Однако главного организатора антипольского ополчения П. Ляпунова такой лукавый ответ не смутил: этот воевода объявил во всеуслышание, что идёт на Москву "по благословению святейшего Ермогена". И, вот, с лёгкой руки нижегородских посланцев по Руси начала гулять молва о "благословении" Гермогеном созываемого народного ополчения. Хотя реально патриарх никаких грамот не посылал, борцы с интервентами стали распространять фальшивые "призывы Гермогена" постоять за православную веру и т. д. – Поляков в Москве эти слухи весьма заинтересовали. Напрасно Гермоген оправдывался, говоря, что "я-де к ним не писывал": ляхи ему не верили. Обвинителей не смущало то, что сам Ляпунов, обращаясь с антипольскими воззваниями к народу, не показывал никаких якобы полученных от Гермогена грамот. Ибо полякам было тоже выгодно уличить Гермогена в подстрекательстве населения к мятежу, чтоб на основании этого избавиться от строптивного патриарха, заменив его куда более удобным кандидатом: заточённым ранее в Чудовом монастыре Игнатием, ставленником Гришки Отрепьева (47).

При этом вождям 1-го ополчения надо было как-то объяснить патриотам непонятное молчание Гермогена. Так, в распространяемом по Москве антипольском воззвании говорилось о позиции главы церкви: "**Его ли это дело – повелевать кровь проливать? Ей-ей, никогда от него, государя, такого наставления не будет**"(48). – Но оправдывать пассивно-двусмысленное поведение Гермогена тем, что для такого "духовного столпа" православия, мол, недопустимо призвать свою паству "кровь проливать", было лицемерием. Если раньше, во время борьбы Шуйского с восстанием Болотникова, патриарх не погнушался благословить россиян на гражданскую по сути войну со своими же единоверцами, отчего в 1611 году Гермоген не мог призвать русских людей ополчиться против иноземных захватчиков?! – Вероятнее всего, находившийся теперь в руках врагов патриарх просто боялся так сделать, ещё надеясь договориться с поляками и Семибоярщиной...

Когда в начале 1611 года в Москву дошли вести о созыве 1-го ополчения для похода на занятую поляками столицу, изменники-бояре во главе с Михаилом Салтыковым потребовали от Гермогена, чтобы он велел Ляпунову и прочим воеводам отказаться от их намерений. Однако патриарх выдвинул в ответ им свои условия: обращение в православие Владислава и возвращение польских войск на их родину, в противном же случае грозил "разрешить" россиян от данной ранее королевичу присяги на кресте. Русские же бояре, включая Ф. Мстиславского, обращались с Гермогеном при этом безо всякого почтения, ни во что его "святейшество" не ставя, а Михаил Салтыков вообще угрожал главе церкви ножом! Ничего не добившись от упрямого патриарха, глава Семибоярщины князь Мстиславский от имени Думы начал слать к Сигизмунду грамоты с просьбой быстрее отправить в Москву королевича, в то время как другие изменники во главе с Ф. Андроновым и М. Салтыковым звали уже не принца, а самого короля с его войском, умоляя спасти их от земской рати... Между тем с начала 1611 г. поляки, ожидая прихода ополченцев Ляпунова и опасаясь восстания москвичей, всеми силами «закручивали гайки» в русской столице. – Польский комендант Гонсевский установил в Москве настоящий оккупационный режим: высылал из города стрельцов, ввёл для местного населения комендантский час, усилил патрулирование улиц, запретил горожанам собираться на площадях и носить оружие, отобрав у них даже топоры с ножами. Сами же оккупанты в столице при Гонсевском всё более распоясывались, творя над москвичами произвол: грабили прохожих, насиловали женщин, притесняли священников. «Вольности» королевского режима ощущала на себе в ту пору не только столица России. – Так, хотя после гибели Лжедмитрия II ранее стоявшие за него города Орёл, Белев, Алексин и другие присягнули Владиславу, польские отряды во главе с паном Замойским сожгли эти крепости, убив и пленив немало местных жителей!..

После нового отказа патриарха написать Ляпунову отступить, когда Гермоген ответил боярину Салтыкову: "*...вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть*", - главу церкви взяли под стражу и освободили потом лишь на Вербное воскресенье 17 марта 1611 года, чтобы он мог совершить обычную религиозную процессию. Но московский люд в тот день прятался по домам, ибо боялся, что поляки в такой нервной обстановке могут устроить безоружным горожанам массовую резню... Эти опасения сбылись буквально через пару дней, когда 19 марта 1611 г. случайный инцидент – ссора между польскими солдатами и московскими извозчиками – спровоцировал бойню внутри Китай-города, в ходе которой поляки и служившие им после Клушина немецкие наёмники перебили несколько тысяч москвичей, вызвав так давно зревшее в столице восстание. Причём ни о какой "вдохновляющей и направляющей" роли церкви в этом героическом эпизоде Смутного времени источники не говорят. Напротив, по словам православного епископа Арсения, восставшие "*ударили в набат без воли бояр и священнослужителей*" (49)... Некоторые сумевшие заранее проникнуть в Москву участники 1-го ополчения во главе с воеводами Дмитрием Пожарским, Иваном Бутурлиным и Иваном Колтовским пришли на помощь горожанам. Тогда загнанные москвичами в Кремль и Китай-город поляки стали поджигать окружающие деревянные кварталы столицы. Как признавал в своих воспоминаниях участник событий, польский поручик Маскевич, пожар устроили во многих местах именно поляки, а в последующие два дня они продолжили методично выжигать городские кварталы за пределами центра: "*Мы действовали в сём случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля все средства укрепиться,*" – писал Маскевич. Достоверно известно, что боярин Михаил Салтыков, свойственник Романовых, лично зажгёт тогда свой дом в центре столицы...

Бушующее пламя заставило восставших москвичей отхлынуть от удерживаемых поляками Кремля и Китай-города. После же того, как вечером 20 марта на Сретенке был тяжело ранен князь Дмитрий Пожарский, бои с интервентами прекратились. Большинство москвичей бежало из столицы навстречу спешащим к ней основным силам 1-го ополчения, и лишь немногие горожане пришли сдаваться к полякам... Вместо фактически низложенного ещё до московского восстания Гермогена выслуживавшаяся перед интервентами Семибоярщина сделала патриархом выпущенного из заточения грека Игнатия. – 24 марта 1611 года, когда Москва догорала, разграбляемая поляками, этот повторно объявленный главой православной церкви выдвигенец Гришки Отрепьева отпраздновал Пасху, провёл крестный ход и отслужил службы в Успенском соборе Кремля, вознося молитвы «за царя Владислава». Другой грек, Арсений Элассонский по указанию Семибоярщины вёл службы в Архангельском соборе, будучи специально возведён в сан «архиепископа архангельского». – Позднее, уже в декабре 1611 года Игнатий поспешил убраться из Москвы в Литву, а затем поселился в униатском Троицком монастыре Вильнюса. Там он принял унию и в 1615 г. получил от Сигизмунда III богатое имение, продолжая числиться поляками как русский патриарх в изгнании. Однако РПЦ до сих пор не включает «лжепастыря» Игнатия в официальный перечень своих патриархов...

22 марта 1611 г. к стенам опустевшей и большей частью выгоревшей русской столицы подошёл авангард 1-го ополчения во главе с Андреем Просовецким, а 24 марта – главные рати ополчения под командованием Ляпунова, которые сразу же завязали в пригородах бои с польским гарнизоном. Вскоре ополченцы загнали интервентов в Москву, а в начале апреля 1611 г. заняли большую часть её территории... Однако правильной осады создать ополченцам не удалось, поэтому в дальнейшем на помощь к осаждённым в Кремле и Китай-городе полякам не раз прорывались и уходили обратно из Москвы отряды их соплеменников, в том числе и старого "гушинца" Яна-Петра Сапеги...

Вскоре под Смоленском осаждавшие этот непокорный город поляки грубо оборвали переговоры с посольством Филарета, окончательно утратившие смысл в новой политической ситуации. Примечательно, что к тому времени большая часть послов,

включая келаря Троицкой лавры Авраамия Палицына, покинула королевский лагерь и разъехалась кто куда. В начале апреля 1611 г. польские паны в лагере Сигизмунда опять совещались с Филаретом и Голицыным о способах "изгладить зло", требуя написать к участникам 1-го ополчения, чтобы те отступили от Москвы. Интересно, что Ф. Романов, князь Василий Голицын и прочие горе-послы, даже узнав о чудовищных бедствиях в русской столице, согласны были писать к Гермогену, боярам и ополченцам об унятии кровопролития, но только если поляки как можно быстрее утвердят договор и обещают уйти к себе на родину (50). Однако разгневанный король Сигизмунд не хотел больше слышать ни о каких условиях и вместо того, чтобы самому вернуться в пределы Речи Посполитой, решил отправить туда русских переговорщиков!... Кончилось дело тем, что 13 апреля 1611 г. поляки перебили слуг послов, разграбили имущество, а самих их вместе с Филаретом-Романовым "сплавили" по Днепру в польские пределы. Впрочем, лично для Филарета поначалу этот плен был скорее почётным: первое время его содержали отнюдь не в тюрьме, а во дворце польского канцлера Льва Сапегы, и лишь потом, в 1613 г. отправили в замок Мальборг. – Польский плен митрополита Филарета длился затем до 1619 года, и кульминационные события времён Смуты проходили в России уже без него...

Между тем в осаждённой ополченцами Москве поляки и их русские пособники типа Фёдора Андропова всюду грабили царские сокровища. У воинов Ляпунова же не было достаточно мощной артиллерии для штурма стен Китай-города и Кремля. К тому же успеху осады мешала слабая дисциплина среди той разношёрстной вольницы, что привёл к столице Ляпунов, и его распри с другими воеводами ополчения: князем Дмитрием Трубецким, казачьим атаманом Иваном Заруцким и др. В апреле 1611 г. их ратники под стенами столицы приняли присягу, где говорилось: **"Стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними стакнулся; очистить Московское государство от польских и литовских людей; не подчиняться указам бояр с Москвы, а служить государю, который будет избран землёю"** (1). При ополчении было образовано временное правительство во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким, которое имело свои собственные Приказы. Власть его признали 25 русских городов, включая Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Переяславль-Залесский, Ростов, Кострому, Вологду, Калугу и Муром... Однако декларируемая осадившими столицу патриотами верность православию не помогала унять ни взаимные распри их воевод, ни острую социальную вражду между ополченцами различных сословий. Не могли их вожди также придти к единому мнению насчёт того, кто должен стать новым царём. Так, казачий атаман Заруцкий стоял за кандидатуру Ивана Ворёнка, сына его любовницы Марины Мнишек. Патриотизм же Прокофия Ляпунова свёлся к тому, что он взамен польского королевича прочил в цари шведского принца, - приходившегося, кстати, родственником Владиславу!... Однако в конце июня 1611 г. П. Ляпунов был зверски убит буйными казаками из состава 1-го ополчения; когда же несколько дней спустя к стенам Москвы привезли список иконы Казанской богородицы, православные вояки Ивана Заруцкого во время торжественного шествия навстречу этому "чудотворному образу" устроили кровавую разборку с другими ратниками, изрубив несколько десятков дворян и стрельцов! После гибели Ляпунова, наиболее способного воеводы, и прежде слабая дисциплина в 1-м ополчении сошла на нет, так что оно начало потихоньку распадаться...

А что же делал в это время Гермоген, смещённый и удерживаемый поляками внутри Кремля? – Он тогда был озабочен совсем другими проблемами! Ибо вскоре после начала осады земской ратью Москвы сидевшие там ляхи получили донос от одного православного священника, который обвинил Гермогена в том, что именно он **"учал смуту и кровь заводить"**. Поп-доносчик также ссылаясь на безнравственную жизнь Гермогена в молодости и в бытность его казанским архиепископом. Зависимой от поляков Семибоярщине только этого и надо было, чтобы начать "шить дело" против экпатриарха. Как водится, из государственных архивов достали надлежащий "компромат": а именно, жалобы, некогда поступавшие из Казани на Гермогена, когда он был там ещё

митрополитом. – Что типично для российских реалий (и не только далёкого прошлого!) прежде эти жалобы в Москве никого не интересовали!.. Гермоген отрицал все обвинения, включая и организацию восстания, но это не избавило его от повторения судьбы двух предыдущих московских патриархов: с него содрали святительские одежды и заточили на Кирилловском подворье... И только лишь там, уже в августе 1611 года, Гермоген сумел переслать на волю своё единственное письмо к стоявшим под Москвой ополченцам. Но даже в этой последней грамоте "святого патриарха", почитаемого нынешней церковью в качестве мученика, не было явных призывов к войне за Отечество, благословения на брань с захватчиками или иных патриотических идей (51). – Оттуда лишь явствует, что до Гермогена из лагеря осаждающих дошли тогда слухи о планах Заруцкого сделать будущим царём сына Марины Мнишек, прозванного Ворёнком. Хотя последнему к тому времени не исполнилось ещё и года, однако сей карапуз сумел изрядно напугать престарелого патриарха: ибо основная мысль переданного Гермогеном на волю послания сводилась к тому, что ни в коем случае нельзя допускать на трон Ивана Ворёнка, этого *«Маринкина паньина сына, проклятого от святого собору и от нас!»* Данную грамоту из осаждённой Москвы опальный патриарх ухитрился переслать тогда не только к воеводам стоящего под её стенами ополчения, но также в Нижний Новгород, Казань и другие русские города. Кроме прочего, глава русской церкви обвинял там участников 1-го ополчения (надо сказать, обоснованно) в пьянстве и грабежах. Больше же никаких "патриотических" призывов от Гермогена не исходило. – В общем, как отмечал по этому поводу исследователь Скрынников, данная грамота Гермогена *"свидетельствует, что глава церкви был трезвым политиком, не стремившимся стать великомучеником..."* (45) Спустя несколько месяцев этот низложенный патриарх умер в заключении, внутри по-прежнему заблокированного Кремля. Русская летопись, составленная позднее при патриаршем дворе, сообщает, что Гермоген скончался 17 февраля 1612 г. от голода, который свирепствовал тогда в осаждённой крепости, хотя по другим слухам, его то ли удавили, то ли удушили "зноём"... При этом до самой своей смерти патриарх упорно не признавал, что именно он возмущал народ против интервентов и бояр-изменников! Таким образом, при объективном исследовании "великий подвиг" Гермогена, столь восхваляемый православной пропагандой, заключался не в том, что он инициировал созыв народного ополчения или благословил свою паству на борьбу за веру, а всего лишь в том, что патриарх НЕ СДЕЛАЛ обратного: не осудил начавшееся патриотическое движение в России, не стал откровенной марионеткой в руках поляков, не примкнул к предателям из числа Семибоярщины и т. д. В любом случае, вопреки распространённой легенде: *"умер Гермоген, так и не обратившись к россиянам с публичным благословением вооруженного ополчения"*! (17). Однако же иллюзия, что это именно Гермоген, - позже канонизированный православной церковью уже лишь при Николае II, - вдохновил в Смутное время русский народ на борьбу с оккупантами, прочно укоренилось не только в нашей, но даже в польской историографии. Так, уже два столетия спустя, когда в 1812 году Москву заняла армия Наполеона, пришедшие вместе с ним поляки изрубили хранимые в Кремле останки Гермогена, мстя за приписываемую ему роль в событиях давнишней Смуты...

Пока 1-е ополчение безуспешно осаждало польский гарнизон Кремля, король Сигизмунд в начале лета 1611 года наконец сумел взять непокорный Смоленск. Это случилось, как ни грустно сознавать, опять же в результате измены: а именно после того, как русский перебежчик Андрей Дедишин указал полякам слабые места в обороне города. Воспользовавшись этими сведениями, королевские войска в ночь на 3 июня 1611 г. предприняли удачный штурм и ворвались в Смоленск. На стенах и улицах города долго, под звон колоколов, шли бои с поляками. Наконец, остатки защитников отступили в кафедральный собор, где заперлись многие горожане с их семьями, богатством и пороховыми запасами. Смоленский архиепископ Сергей вышел оттуда в полном облачении, с крестом в руках навстречу штурмующим, получил от них саблей по голове,

но остался жив и попал в плен... Укрывшиеся же внутри древнего собора Богоматери смоляне в итоге подорвали этот храм вместе с собой; и таким изумившим поляков актом закончилась героическая оборона Смоленска. – Воевода М. Шеин, до конца отбивавшийся от врагов, сдался в итоге вместе с семьёй, выдержал в польском лагере пытки и был отправлен в Речь Посполитую. Также поляками при взятии Смоленска были пленены воевода Горчаков и несколько сот "детей боярских"; в то время как простых смолян погибло в ходе осады, как пишут, до 70 тысяч. Король же Сигизмунд, хотя и не получил в сгоревшем городе добычи, был крайне горд своим успехом, выбил по поводу взятия Смоленска медаль и сообщил об этом сидящему в Москве правительству Семибоярщины. Её члены ответили королю, что радуются вместе с ним победе над "мятежниками"!!!

Возможно, именно Смоленск его героической обороной тогда спас остальную Россию, ибо он более полутора лет удерживал под своими стенами короля Сигизмунда III, не позволяя ему продвинуться вглубь русских земель. Если бы не это, главные силы королевской армии обрушились на центральные районы России, прочно заняли бы Москву, и задача освобождения нашей столицы чрезвычайно усложнилась бы! Однако за долгие месяцы этой осады король Сигизмунд так истощил свои военные и финансовые ресурсы, что вскоре после взятия Смоленска вынужден был распустить армию и вернуться в Варшаву. Там он 29 октября 1611 г. справил пышный триумф по случаю данной победы. Участвовавшего в процессии Василия Шуйского с братьями заставили склониться перед Сигизмундом, а после заточили в Гостынский замок около Варшавы. В сентябре 1612 года Василий Шуйский и его брат Дмитрий умерли там, - по русской версии, не своей смертью. Младший же из братьев, Иван Шуйский остался по милости короля жив и в 1619 г. вместе с Ф. Романовым при обмене пленными вернулся в Россию...

Хотя собственно королевское войско Сигизмунда и отступило восвояси, засевший в российской столице гарнизон поляков продолжал упорно обороняться. На севере же России тем временем разворачивалась другая чужеземная интервенция – уже со стороны враждебных Польше шведов. Ибо отступившие ещё после Клушинской битвы на северо-запад Руси шведские наёмники во главе с Делагарди всюду грабили этот регион, жаждая возместить себе плату за участие в русских междоусобицах, не полученную от Москвы в результате падения Шуйского. И здесь, на северо-западе, также процветали жестокость, коварство и предательство, что особо ярко проявилось в судьбе Великого Новгорода. – Присланный туда по воле Семибоярщины воеводой Иван Салтыков, сын московского изменника Михаила Салтыкова, был заподозрен горожанами в пособничестве Сигизмунду. Новгородцы выманили его из воинского лагеря в город, поклявшись на кресте, что он может быть уверен в своей безопасности, но потом зверски казнили, посадив на кол, хотя Салтыков-младший до конца клялся, что невиновен!.. На его место вожди 1-го ополчения в 1611 г. послали воеводой Бутурлина, чтобы тот заключил в Новгороде соглашение с командующим шведским корпусом Делагарди, - ибо Ляпунов, как уже говорилось, прочил в цари одного из принцев Швеции. Эти переговоры затянулись и кончились тем, что шведы захватили Великий Новгород, по их сведениям, - не только с ведома, но и по прямой инициативе Бутурлина... После первой, неудачной попытки шведов 8 июля 1611 г. овладеть Новгородом к ним в плен попал холоп Иван Шваль – ещё один знаменитый в истории Смуты предатель, - который и помог неприятелям в ночь с 15 на 16 июля ворваться в город. Казаки же и стрельцы из воинства Бутурлина мало того, что бежали тогда из Новгорода, но ещё ограбили встречные лавки и дворы богатых местных купцов!.. Шведские наёмники быстро уничтожили пару очагов сопротивления в Новгороде, одним из которых был дом протопопа Софийского собора Аммоса, - в итоге это жилище было сожжено вместе с хозяином и немногими его товарищами. Новгородский же митрополит Исидор, наблюдая с городской стены за погибающим Аммосом, послал оттуда ему своё благословение, - после чего вместе с князем И. Одоевским преспокойно сдал Новгород шведам на условиях присяги жителей шведскому королевичу! По утверждённому митрополитом Исидором договору о союзе со

Швецией, новгородцы призывали на русский престол одного из сыновей шведского короля Карла IX, даже не оговаривая обязательного крещения этого принца в православие, а до его приезда обещали повиноваться военачальнику Делагарди...

Кстати, некоторое время спустя тот же самый новгородский митрополит-капитулянт Исидор поспособствовал тому, что святцы Русской православной церкви, кроме "царевича Дмитрия Угличского", пополнились в период Смуты именем ещё одного "святого отрока": а именно, князя Фёдора Ярославича. Этот брат Александра Невского умер ещё в 1235 г. в подростковом возрасте и был похоронен тогда в Юрьевском монастыре под Новгородом. За свою короткую жизнь Фёдор не успел совершить ничего важного, а канонизирован был по явному недоразумению. – Когда во время Смуты начала XVII века шведы грабили новгородские монастыри, они не пощадили и старинные захоронения Юрьевской обители. В одном из гробов изумлённые захватчики-протестанты обнаружили мумифицированное естественным образом тело. Православное духовенство не замедлило отреагировать, приписав найденные "нетленные мощи" Фёдору Ярославичу, а новгородский митрополит Исидор объявил этого средневекового князя-отрока "святым"... Однако предпринятое уже в XX столетии научное исследование сих "чудотворных мощей" показало, что митрополит Исидор жестоко ошибся: почитаемая не один век церковью мумия оказалась трупом взрослого мужчины и никак не могла принадлежать умершему малолетним брату Александра Невского. Судя по всему, это были останки знаменитого князя XV века Дмитрия Шемяки, который, потерпев поражение в долгой борьбе за московский престол, бежал некогда в Новгород и был похоронен в этом монастыре. Главный же позор для РПЦ состоит в том, что ещё при жизни Д. Шемяка был отлучён от церкви и предан анафеме русским митрополитом Ионой, тоже потом канонизированным!..

В ряде соседних городов, включая Псков, некоторое время царило безвластие. Но уже 23 марта 1611 г. в Ивангороде объявился и был принят с восторгом некий «вор Сидорка», выдавший себя... опять же за царя Дмитрия Ивановича, т. е. чудесно спасшегося под Калугой от убийц Лжедмитрия II, - хотя труп последнего больше месяца лежал там у всех на виду! Так на северо-западе России активизировался ещё один самозванный сын Ивана Грозного, названный в отечественной историографии Лжедмитрием III. По наиболее убедительной версии, это был опять же представитель духовенства: беглый дьякон Исидор (Сидорка) из одной московской церкви за Яузой, он же – поповский сын Матвей Верёвкин. (52) – Следовательно, православная церковь в период 1611-12 годов, как в начале Смуты, продолжала служить «фабрикой», поставляющей всё новых самозванцев для многострадальной России!.. Лжедмитрий III начал было переговоры со шведскими властями, но те быстро его раскусили и прекратили всякие контакты с этим авантюристом. 8 июля 1611 года Лжедмитрий III со своими отрядами подошёл к Пскову, откуда его тогда, в первый раз, прогнали вовремя подоспевшие шведы. Однако самозванец не унялся и смог затем прорваться к Ивангороду. Несколькими месяцами позже, 4 декабря 1611 года Лжедмитрий III всё же торжественно вступил во Псков, где был провозглашён царём, получив в официальных русских документах по аналогии со своим предтечей из Тушина прозвище "Псковский вор". На юге же России, в Астрахани той порой у него появился конкурент: ещё один самозванец, выдававший себя за «выжившего царя Дмитрия Ивановича» и названный позже историками Лжедмитрием IV. Впрочем, этот проходимец, чья личность так и осталась неведомой, продержался недолго и куда-то сгинул уже в начале 1612 года...

Между тем под Москвой у дезорганизованного после гибели П. Ляпунова земского ополчения, возглавляемого теперь атаманом Заруцким и князем Трубецким, дела шли всё хуже. В августе 1611 г. в Кремль опять прорвался со своим отрядом Ян Сапега, доставивший осаждённому обоз с провизией, однако уже в следующем месяце этот знаменитый участник Смуты умер в осаждённой русской столице. Также ещё в марте 1611 г. из польской части Прибалтики в поход на Москву выступил литовский гетман Карл Ходкевич. По дороге он безуспешно пытался взять Печерский монастырь, но спустя

полтора месяца осады был вынужден оставить его в покое и продолжил путь вглубь России: то был 1-й поход Ходкевича на Москву. Гетман двигался медленно и подошёл к столице только в октябре 1611 года. Ходкевичу удалось прорваться к осаждённым в Кремле полякам и доставить им новые запасы, после чего сам гетман ушёл из разорённой Москвы на зимовку в район Ржева. Сидевшие же в Кремле бояре отправили в Польшу новое посольство во главе с Михаилом Салтыковым звать скорей на помощь Сигизмунда, с грамотой на имя короля за подписью: *"Арсений архиепископ архангельский и весь освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольные"* и т. д. В числе подписавших грамоту были также Романовы: боярин Иван Никитич и его малолетний племянник Михаил. Но Сигизмунд, крайне истощив свою казну предыдущей осадой Смоленска, не мог со своей армией быстро оказать помощь полякам в Москве...

13. Второе ополчение и освобождение Москвы.

Итак, первое ополчение 1611 г. из-за его слабой организации, нехватки денег, продовольствия и т. д. не сумело взять Москву с "наскока", увязнув в долгой и мучительной для него же самой осаде. – Поэтому летом 1611 года, ещё при жизни Ляпунова, архимандрит Троицкой лавры Дионисий начал рассылать по стране свои воззвания. Однако эти письма из Троицы являлись в основном чисто информационно-пропагандистскими бюллетенями, не предлагавшими конкретного и ясного плана действий в создавшихся условиях... Одна из таких грамот, разосланных осенью 1611 г. из лавры по дальним русским городам, была зачитана в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода местным протопопом Саввой. Выход же из бедственной ситуации предложил тогда не поп и не монах, а простой мирянин, земский староста Кузьма Минин-Сухорук, который в ответ на тревожные вести из-под Москвы и горькие сетования нижегородцев о том, что же делать, сказал: "Ополчаться!" Так было положено начало второму ополчению периода Смуты, которое в отличие от первого инициировали не дворяне, а посадские люди Нижнего Новгорода. Военное же руководство 2-м ополчением богатые горожане разумно доверили проверенным воеводам: прежде всего находившемуся тогда неподалёку князю Д. Пожарскому, которого Минин предложил избрать главой новой рати.

Дмитрий Михайлович Пожарский-Стародубский происходил из захудавшей ветви русских удельных князей Рюриковичей. В царствование Василия князь Д. Пожарский проявил себя умелым военачальником, неоднократно одерживая победы над отрядами Тушинского вора, а с 1609 г. был назначен воеводой подмосковного Зарайска. Там Пожарский сохранял до конца верность царю Шуйскому, удержав летом 1610 г. жителей Зарайска от мятежа в пользу Лжедмитрия II и выбив отряд тушинцев из соседней Коломны. Позднее, когда Прокофий Ляпунов начал собирать земскую рать для освобождения столицы, воевода Пожарский не только примкнул к нему, но и прогнал с Рязанщины вторгшиеся туда польско-казацкие отряды... Тяжело раненного в боях с интервентами во время московского восстания Дмитрия Пожарского в марте 1611 г. вывезли из столицы сперва в Троице-Сергиев монастырь, а после – на его вотчину в Мугреево под Нижним Новгородом. Там осенью 1611 г. князя Дмитрия, залечивавшего свои раны, и нашла депутация нижегородских купцов, предложивших Пожарскому быть главнокомандующим 2-го земского ополчения, - на что он, хотя и не сразу, согласился.

Руководителем же ополчения в финансовых и прочих невоенных делах нижегородцы избрали Кузьму Минина, который проявил себя на этом поприще воистину «эффективным менеджером». За короткий срок, действуя где убеждением, а где силой, Минин собрал огромные средства для нужд ратных людей. Печальный опыт 1-го ополчения, уже какой месяц бедствовавшего под Москвой без денег и твёрдой дисциплины, он повторять не хотел. Поэтому 2-е ополчение формировалось с учётом прежних ошибок, крайне добросовестно, и по своему личному составу было намного боеспособней прежней

ляпуновской рати. Воины Пожарского не знали нехватки в деньгах, продовольствии, оружии и снаряжении. Минин и Пожарский чётко разделили между собой властные функции: первый взял на себя экономические и административные дела, а другой военно-политическое управление, так что истории не известно ни одного конфликта между ними.

Первоначальное ядро 2-го ополчения составили служилые дворяне из Смоленской земли, полки которых ещё до вторжения туда польского короля были вызваны царём В. Шуйским для защиты Москвы, а позже отосланы Семибоярщиной в Поволжье. Таким образом, смолянам во 2-й раз за время Смуты выпало сыграть ключевую роль в спасении России... Так как иностранные наёмники в предыдущие годы показали свою ненадёжность, от их услуг решили отказаться и формировать войско исключительно из жителей Московского царства. После вступления первоначальной рати Пожарского в Нижний Новгород оттуда по всей стране было разослано воззвание, где говорилось: *"...Междоусобная брань в Российском государстве длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить..."* – Далее кратко рассказывалось о созыве 1-го ополчения, которое осадило поляков в Москве, *"но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищенья... Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми... идём все головами своими на помощь Московскому государству... Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердившись на том и в Москву к боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына её, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля!"*

(1) – Эта грамота была по сути манифестом 2-го ополчения и нашла большую поддержку среди россиян. В Нижний Новгород стекались отряды из Коломны, Рязани, с юго-западных и восточных окраин России, вплоть до Западной Сибири, а также часть московских стрельцов, прежде разосланных Семибоярщиной по дальним провинциям.

Однако руководители 1-го ополчения, осаждавшего столицу, усмотрели в Минине и Пожарском не столько своих новых союзников, сколько конкурентов! Напомним, что под Москвой в лагере ополченцев давно уже было сформировано временное правительство России, власть над которым после убийства П. Ляпунова делили между собой князь Трубецкой и атаман Заруцкий, который особо негативно отнёсся к лидерам 2-й земской рати. Потому командование 1-го ополчения не только не спешило взаимодействовать с формируемым в Поволжье новым войском, но и принялось чинить ему разные препятствия. Ещё больше углубились противоречия между двумя ратями, когда 1-е ополчение под нажимом казаков присягнуло 2 марта 1612 г. заведомо неприемлемому для Минина с Пожарским кандидату на престол: Псковскому вору Сидорке, как законному "царю Дмитрию Ивановичу". Однако Калуга, Серпухов, Тула, Рязань, Тверь, Старица, Ржев, Торжок и другие русские города присягать этому Лжедмитрию III не стали, ожидая совета от вождей 2-го ополчения. Меж тем Минин с Пожарским во главе своих ратей двинулись в феврале 1612 года из Нижнего Новгорода по верхней Волге и в начале апреля заняли Ярославль, сделав его своей временной столицей. Оттуда предводители 2-го ополчения, на чью сторону переходило всё больше русских городов, стали рассылать по стране новые грамоты. Там сперва уже традиционно излагалась краткая история всех бедствий Смутного времени от пресечения "царского корня" вплоть до последних событий – убийства Ляпунова и присяги участников 1-го ополчения вору Сидорке, признанному ими Лжедмитрием II, чудесно спасшимся из Калуги: хотя прежде *"при них калужский их царь убит и безглавен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали!..."* Русским городам предлагалось отвергнуть кандидатуры Сидорки и сына Марины Мнишек на царский престол, после чего *"выбрать бы нам общим советом государя, чтобы от таких находящих бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь"*

без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять?" (1). Далее шёл призыв слать в Ярославль депутатов от каждого города для решения государственных дел, а также убеждать 1-е ополчение отстать от Лжедмитрия III... Поскольку же быстро созвать Земский собор в Ярославле на фоне всеобщего хаоса было нереально, руководители 2-го ополчения создали там пока временное земское правительство. Оно имело свои ведомства-Приказы, которые вскоре стали реальными органами управления, - в отличие от формально существовавших, но бездействовавших Приказов в лагере 1-го ополчения и в Кремле. Ярославское правительство, власть которого уже признали на большей части России, в 1612 г. даже начало чеканить собственную монету и вступило в дипломатические сношения с зарубежными странами. Поскольку в тогдашних грамотах данное правительство именовалось не Дума или Собор, а СОВЕТ всея земли, можно сказать, что вопреки бытовавшему в СССР расхожему штампу, "советская власть" впервые у нас возникла отнюдь не в Шухе во время 1-й русской революции начала XX века, а ещё в далёком 1612 году!.. Фактически это земское правительство возглавлял Кузьма Минин, причём официально звался он там совершенно по-особому: "**Выборный всею землёй человек**". Иными словами, титул Минина был аналогичен современному президенту или премьер-министру: и это в средневековой, архаической России начала XVII века! Совершенно особый статус Кузьмы Минина подтверждала и его столь же необычная для тогдашней русской традиции государственная печать с образом сидящего на кресле античного героя. – Такие факты не только показывают нам К. Минина весьма "продвинутым" для своего времени и социального круга деятелем, но также говорят о его возможных политических планах. Судя по всему, глубочайший кризис прежнего, традиционного для России патриархально-монархического строя пробудил у русского народа способность к самоорганизации и вызвал к жизни качественно новые, республиканские по сути формы власти... Интересно и то, что Ярославское правительство в 1612 г. избрало для себя не прежний государственный герб – двуглавого орла, которым пользовались по традиции все самозванцы времён Смуты, - а изображение двух львов, сильно напоминавшее родовой герб князя Дмитрия Пожарского!.. После кончины патриарха Гермогена остро встал вопрос также о высшей духовной власти в стране. Ибо 2-е ополчение не могло признать патриархом коллаборанта Игнатия; следующий за ним церковный архиерей, крутицкий митрополит Пафнутий сидел вместе с поляками в Кремле; бывший 3-м лицом православной иерархии Филарет-Романов находился в Польше, а следующий по рангу, митрополит новгородский Исидор был тогда в руках шведов. Поэтому для управления русской церковью в Ярославле был создан особый Духовный совет. Его возглавил бывший ростовский митрополит Кирилл (Завидов), который в 1606 г. был смещён Лжедмитрием I ради передачи его кафедры Филарету, жил с тех пор в Троице-Сергиевой лавре и, естественно, был настроен против Романовых...

Наряду с грамотами, критиковавшими политику 1-го ополчения, Минин и Пожарский также рассылали по России свои военные отряды, которые методично выдавливали казаков Заруцкого и Трубецкого из занятых ими ранее мест. Таким образом в апреле 1612 г. был очищен Суздаль, а позднее гг. Переяславль-Залесский, Углич, Кашин и др. Также признали весной 1612 г. власть ярославского Совета всей земли Торжок и Владимир... В мае 1612 года князь Пожарский направил для переговоров со Швецией своё посольство в Великий Новгород, чьи жители вместе с тамошним митрополитом Исидором и воеводой Иваном Одоевским с прошлого лета находились под властью шведского полководца Делагарди. В грамоте к Делагарди князь Пожарский и Кузьма Минин обещали поддержать в качестве кандидата на русский престол (при условии перехода в православие) шведского принца Карла-Филиппа, младшего брата как раз принявшего власть над Швецией после смерти своего отца Карла IX короля Густава II Адольфа (1611-32 гг.). Вслед за тем Минин и Пожарский разослали по тем юго-западным русским городам, что прочили ранее в цари Псковского вора либо Ивана Ворёнка, грамоту с

призывом отступить от этих претендентов в пользу шведского королевича. Также лидеры Ярославского правительства написали, что 6 июня 1612 года Заруцкий с Трубецким прислали из-под Москвы грамоту с раскаянием, что ранее присягнули Лжедмитрию III, **"а теперь они сыскали, что это прямой вор, и отстали от него и целовали крест вперёд другого вора не затевать и быть с нами во всемирном совете..."** Князь Пожарский призывал юго-западные города направлять в Ярославль по два-три делегата, чтоб **"выбрать бы нам государя всей землёю"** (1). Аналогичные грамоты посылались тогда из Ярославля и в западную Сибирь... - Казалось бы, Ярославское правительство воскрешало идею покойного П. Ляпунова о призвании на русский трон "варягов" из Швеции. Но скорее всего, переговоры со шведами диктовались лишь стремлением Пожарского и Минина временно обезопасить свой тыл в предстоящем походе на Москву. Ибо в надежде заручиться поддержкой иностранных государств против поляков вожди 2-го ополчения той порой предлагали занять российский престол не только одним шведам! – Скажем, когда в июне 1612 г. в Ярославль из далёкой Вены добралось посольство императора Рудольфа II, то князь Пожарский и этому австрийскому монарху обещал **"с великой радостью"** сделать его брата Максимилиана царём на Руси! Взамен же Пожарский просил Рудольфа повлиять на его соседа короля Сигизмунда III, чтобы тот вывел польские войска из пределов России.

Что планы призвать на царство в Россию шведского принца были лишь дипломатическими манёврами со стороны Д. Пожарского, доказало его поведение в июне 1612 года, когда в Ярославль прибыло новгородское посольство во главе с князем Фёдором Одоевским и игуменом Геннадием, сообщившее, что брат шведского короля Карл-Филипп уже якобы едет в Новгород. Однако Пожарский на переговорах с новгородцами занял уже совсем иную позицию, начав им доказывать опасность приглашения на русский трон иностранцев: **"Уже мы в этом искусились, чтоб и шведский король не сделал с нами так же, как польский,"** – говорил Пожарский. На оправдания новгородских послов в задержке с прибытием Карла-Филиппа князь Пожарский ответил, что сможет признать этого шведского принца только после его приезда в Новгород и принятия православия. А собственных послов в Швецию он посылать не хочет из опасения, как бы они не повторили судьбу посольства Голицына и Филарета к полякам: **"И видя то, что сделалось с литовской стороны, в Швецию нам послов не посылывать и государя не нашей православной веры греческого закона не хотеть!"** – закончил свою речь Пожарский. В итоге он не обещал шведам ничего конкретного, а в Новгород для продолжения переговоров решил отправить П. Секерина, которого по словам русского летописца, Ярославское временное правительство послало лишь затем, чтоб шведы не помешали **"идти на очищение Московского государства, а того у них и в думе не было, чтобы взять на Московское государство иноземца!"** (1)

Однако планы Минина и Пожарского созвать в Ярославле новый Земский собор для выборов царя сорвались из-за активизации боевых действий со стороны поляков: ибо в июле 1612 г. гетман Ходкевич с войском выступил во 2-й свой поход на Москву. Узнав об этом, воеводы первого ополчения, по-прежнему без успеха осаждавшие в центре столицы польский гарнизон, стали умолять Пожарского придти к ним на помощь. Прибывший в Ярославль из Троицкой лавры в качестве посредника Авраамий Палицын с немалым трудом уговорил на это лидеров 2-го ополчения, совсем не питавших тёплых чувств к подмосковной вольнице... Из её ж воевод против подобного плана был лишь авантюрист Иван Заруцкий, который даже подослал в Ярославль своих агентов, чтобы убить Дмитрия Пожарского. К счастью, это покушение сорвалось: исполнители заговора, признавшиеся во всём, были заключены в тюрьму, но позднее князь Пожарский их помиловал... Атаман же Заруцкий не успокоился и продолжил ставить палки в колёса 2-го ополчения, намеревавшегося идти к столице. Так, сперва он со своими казаками разогнал под Москвой лагерь поддержавших Минина и Пожарского воинов из числа первого ополчения, а позже напал на авангард шедших из Ярославля ратей, однако потерпел

поражение. Тогда Заруцкий вступил в сговор с гетманом Ходкевичем, который расположился лагерем у села Рогачёва. Когда о подобной измене атамана узнали в рядах 1-го ополчения, это вызвало гнев большинства воинов, после чего в ночь на 28 июля 1612 года Заруцкий вместе с 2,5 тысячами верных ему казаков бежал от столицы в Коломну. Забрав жившую там Марину Мнишек с её сыном, предатель-атаман разграбил этот город и ушёл оттуда на Рязанщину. – Таким образом, из крупных фигур во главе 1-го ополчения под Москвой остался лишь один князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой: честолюбивый боярин, но слабый полководец. Некогда, в 1608 г. он перебежал от Шуйского в Тушинский лагерь, где вошёл в состав правительства Лжедмитрия II и возглавлял при нём один из альтернативных московским, Стрелецкий приказ. После гибели Самозванца под Калугой князь Трубецкой вместе с Прокофием Ляпуновым стал одним из вождей первого ополчения. Ныне же Дмитрий Трубецкой с остатками его воинов не смог помешать, как и прошлой осенью, корпусу Ходкевича пробиться к сидевшим в Кремле и Китай-городе польским частям Александра Гонсевского. Последний вскоре по ходу осуществлённой интервентами ротации их гарнизона беспрепятственно покинул столицу, а вместо него комендантом поляков в Москве стал полковник Н. Струсь. Вместе с собой польские солдаты Гонсевского увезли множество сокровищ, награбленных ими в кремлёвской казне и храмах Москвы, включая царские регалии баснословной ценности!

Между тем в конце июля 1612 г. из Ярославля наконец двинулись к Москве главные силы 2-го ополчения, получив благословение митрополита Кирилла и неся перед собой икону Казанской богородицы... После того, как 18 августа 1612 г. второе ополчение подошло к столице, князь Пожарский отверг предложения Трубецкого приехать на переговоры или же соединить оба войска в одном лагере. Из-за недоверия вождей 1-го и 2-го ополчений друг к другу их силы расположились внутри столичного Белого города порознь, что оказалось на руку врагу. В результате такой «православной солидарности» воинам 2-го ополчения пришлось в одиночку биться против интервентов, когда на рассвете 22 августа 1612 г. гетман Ходкевич атаковал позиции Пожарского, а в тыл ему устроили вылазку поляки из Кремля. Войско же Трубецкого стояло на другом берегу Москвы-реки и не вмешивалось, многие часы безучастно наблюдая за этим отчаянным сражением. Казаки издевательски кричали: *"Богаты дворяне пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана!"* – На помощь Дмитрию Пожарскому в итоге ринулись лишь несколько казачьих атаманов из лагеря Трубецкого, которые вопреки его воле переправились через реку, крича своему воеводе: *"От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!.."* В результате долгое сражение 22 августа завершилось ничем: Ходкевич отошёл к Поклонной горе, а русские – в свой лагерь. На следующий день существенных боёв не было, а 24 августа 1612 г. состоялось генеральное сражение, решившее судьбу Москвы. – В этот раз Ходкевич двинул свои войска на Трубецкого, а не на Пожарского, который, впрочем, послал часть своих сил на помощь 1-му ополчению. Но войско Трубецкого всё равно не устояло, причём часть казаков вообще отказалась биться. После упорного боя поляки в Замоскворечье смогли опрокинуть русских и прорваться к берегу Москвы-реки напротив Васильевского спуска. Гетман Ходкевич прервал бой и стал проводить к переправе свои обозы, чтобы ввезти их в Кремль. Тогда по просьбе Минина келарь Троицкой лавры Авраамий Палицын, имевший большой авторитет среди казаков, переправился через Москву-реку в их табор, где те спокойно пьянствовали. С большим трудом Палицын уговорил этих казаков помочь в битве, после чего они переплыли на конях Москву-реку и успешно атаковали правый фланг Ходкевича. В сражении за столицу 24 августа 1612 г. отличился и Кузьма Минин, который с небольшим конным отрядом обратил в бегство поляков у Красных ворот. Когда же в Замоскворечье предприняли контратаку главные силы Пожарского вместе с казаками, гетман Ходкевич начал отступать за пределы Москвы... Понеся большие потери, его части ушли к Донскому монастырю, а после – на Воробьёвы горы. Там гетман стоял ещё пару дней, после чего послал оставшимся в Кремле полякам грамоту с просьбой

держаться, пока он не приведёт к ним на помощь новое королевское войско. Затем остатки корпуса Ходкевича ушли на запад по Смоленской дороге, а русские их не преследовали...

Но даже после этой добытой столь дорогой ценой победы в сражении 22-24 августа 1612 г. на территории Москвы руководители 1-го и 2-го ополчений ещё долго не могли договориться между собой. Кое-как отогнав корпус гетмана Ходкевича, обе православные рати по-прежнему врозь осаждали засевших в Кремле и Китай-городе поляков. Буйные казаки продолжали негодовать на *"сытых и богатых дворян, пришедших из Ярославля"*. Только убеждения архимандрита Троицкой лавры Дионисия, предложившего казакам в залог монастырские сокровища, помешали остаткам 1-го ополчения совсем уйти из-под Москвы. О несогласии в рядах осаждающих знал и польский гарнизон Кремля во главе с полковником Струсем, Осипом Будилой и Эразмом Стравинским, что вдохновляло его обороняться в ожидании подмоги из Польши, обещанной Ходкевичем. Надежда, что лагерь русских скоро развалится, долго питала упорство оборонявшихся в Москве поляков, хотя их терзал чудовищный голод. То, что осенью 1612 года осаждённые в центре нашей столицы интервенты дошли до массового людоедства и под кремлёвскими сводами стояли чаны с засоленным человеческим мясом – отнюдь не страшные сказки позднейшей русской пропаганды! В этом признавались сами же поляки, ветераны этой исторической осады, в том числе их полковник О. Будила, который впоследствии писал: *"когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осаждённые съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли... Пехотный поручик Трусовский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать; один товарищ съел своего слугу; словом... кто кого мог, кто был здоровее другого, тот того и ел! Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве, и доказывали, что его съест следовало ближайшему родственнику, а не кому другому..."* (1). – Эти в прямом смысле людоедские записки командира сидевших в Кремле поляков Осипа Будилы, которому не было смысла клеветать на своих соотечественников, стоит перечитать тем нашим "западникам", кто сегодня оправдывает польскую интервенцию начала XVII века, якобы нёсшую в отсталую Россию более высокую, прогрессивную и т. п. цивилизацию! Свидетельства полковника Будилы ярко показывают нравы пришедших к нам тогда с запада "цивилизаторов"; причём так поступали именно регулярные части польской армии под командованием гордых панов-офицеров, считавших жителей Руси лишь дикими туземцами!.. Чему же прогрессивному смогли бы научить русских такие вот "культуртрегеры", одержи они в 1612 году верх? Новым способам засолки человечины или навыкам «просвещённого людоедства», по которым жрать трупы ближайших родственников надо не как в голову взбрёт, а по СУДУ, пример которого описан Будилой, - т. е. в согласии с "римским правом", охраняющим частную собственность!?

Пожирание осаждёнными в Кремле поляками своих детей и родителей также поучительно для тех, кто до сих пор восхваляет превосходство традиционной христианской морали над современными "безбожными нравами". Ведь людоедством в 1612 г. занимались добропорядочные католики, воспитанные с младенчества на возвышенных принципах церкви, напутствуемые в походе своими ксендзами-капелланами и т. д. Что, однако, ничуть не помешало им уподобиться хищным зверям, как только закончилась провизия! – Между тем, к настоящему дню история знает множество аналогичных случаев, в которых даже откровенные атеисты вели себя куда достойней и отнюдь не теряли человеческий облик. Один из таких ярких примеров: эпопея нескольких советских военнослужащих во главе с сержантом А. Зиганшиным, унесённых в январе 1960 г. штормом на старой неуправляемой барже в Тихий океан, где они дрейфовали более полутора месяцев без продуктов и связи, пока не были случайно найдены американским авианосцем. И хотя их терзал голод ничуть не меньший, чем в 1612 году поляков из гарнизона Кремля, эти выросшие в СССР при Хрущёве на фоне вопиющего «безбожия» комсомольцы не стали убивать и жрать друг друга по закону джунглей!..

Поедали ли в 1612 г. человечину в осаждённой Москве сидевшие там вместе с поляками русские бояре, включая будущего царя Михаила Романова? В принципе, это вполне реально, ибо трудно поверить, что в обложенном со всех сторон Кремле юный Михаил с его родичами, по несказанной милости Господа, мог питаться манной небесной или же святым Духом!.. Но разумеется, после своего прихода к власти Романовы сделали всё, чтобы предать забвению такие эпизоды из биографии своего первого царя: никаких сведений о том, что именно делал Михаил Романов за время этой осады, до нас вообще не дошло!

Тем временем руководители 1-го и 2-го ополчений, стоявших под Москвой, к концу сентября 1612 г. всё же сумели договориться между собой о координации действий. По заключённому тогда соглашению, верховную власть в стране до выборов нового царя осуществляло единое Земское правительство, во главе которого встал триумвират, состоявший из князя Трубецкого, Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Эта договорённость позволила не только создать временное правительство, существовавшее затем в России почти полгода, но и ускорить освобождение центра столицы ополченцами: уже 24 сентября 1612 г. осадная артиллерия Пожарского начала интенсивный обстрел Кремля. Спустя менее чем через месяц, 21 октября 1612 года Семибоярщина и поляки не выдержали, начав переговоры об условиях сдачи. Ободрённые таким фактом казаки из 1-го ополчения уже на следующий день штурмом взяли Китай-города и выбили оттуда интервентов, у которых остался теперь в руках только Кремль... Вскоре осаждённые там оккупанты согласились сдать. — На переговорах было заключено соглашение, по которому сидящие в Кремле бояре-изменники после капитуляции получали амнистию, сохраняя не только жизнь и свободу, но также свои звания и вотчины. Их Боярская дума взамен официально аннулировала присягу Владиславу от 1610 г. и обязалась порвать все отношения с королём Сигизмундом. Воеводы же ополченцев согласились формально считать, что предатели-бояре ранее находились в Кремле насильно, как «заложники» поляков!

Столь необычайно мягкие условия капитуляции, вызванные стремлением Пожарского с Трубецким поскорей закончить изнурительную осаду, были с их стороны, конечно, ошибочной уступкой Семибоярщине... То, что все эти Романовы, Мстиславские и прочие кремлёвские "сидельцы" удерживались якобы поляками насильно, - безусловная сказка: их никто не держал в подвалах и цепях, так что они за целых полтора года осады имели возможность покинуть крепость. Ведь центр Москвы вплоть до сентября 1612 г. не был прочно блокирован, благодаря чему полякам неоднократно удавалось проводить туда и обратно целые обозы, с которыми мог уехать любой желающий, - как это благоразумно сделал ещё в конце 1611 года, скажем, «лжепатриарх» Игнатий. Однако находившиеся в осаде бояре-предатели резонно боялись, что за стенами Кремля их не ждёт ничего хорошего, и потому до последнего ждали прихода с запада армии короля Сигизмунда!..

Так или иначе, но 26 октября 1612 года произошло долгожданное событие: ворота Кремля распахнулись и оттуда вышли сдавшиеся члены Семибоярщины вместе с прочими русскими коллаборантами. В их числе были князь Фёдор Иванович Мстиславский, а также боярин Иван Никитич Романов со своим 16-летним племянником Михаилом, - самым младшим из мужчин, находившихся в Кремле, - и его мать, инокиней Марфой. Честно выполняя условия договора, Дмитрий Пожарский не позволил казакам из 1-го ополчения расправиться с этими боярами и их семьями. Позже из Кремля вышло и православное духовенство, поддерживавшее поляков всё время осады: митрополит Пафнутий, «архангельский» епископ Арсений и др. Никого из них Пожарский также не позволил казакам тронуть. В итоге все самые главные интриганы и предатели из числа русской знати отделались лишь испугом, избежав заслуженной ими кары. Только наименее знатные пособники интервентов, - типа пресловутого Фёдки Андропова, которого проклинал в своих грамотах ещё патриарх Гермоген, - нашли свой конец на виселице... По справедливости же такие заводилы Смуты, как Фёдор Мстиславский, Иван

Романов, Борис Лыков и прочие сидевшие в Кремле до упора члены Семибоярщины ничуть не заслуживали прощения. Ведь только начиная с 1610 г. они совершили множество преступлений: пригласили иноземца Владислава на российский трон, впустили поляков в Москву, а затем помогли им сжечь большую часть русской столицы; после чего целых полтора года вместе с интервентами воевали против собственного народа, всю грабили кремлёвскую казну, издевались над умирающим патриархом Гермогеном, питались человеческим мясом и т. д. – За подобные гнусности этих изменников надлежало если не казнить, то хотя бы предать публичному суду и суровой опале, конфисковав всё их имущество. Поступи так Минин, Пожарский и Трубецкой, они бы разом уничтожили змеиное гнездо в центре России, история которой могла бы затем пойти совсем другим путём, но... победителей тогда подвело излишнее снисхождение к поверженным врагам!..

На следующий день, 27 октября 1612 г. прошла капитуляция польского гарнизона Кремля, которую принимал уже Кузьма Минин. – Лишь часть сдавшихся поляков во главе с О. Будилой досталась благородному князю Пожарскому; другие же пленные вместе с полковником Н. Струсем попали в лагерь Трубецкого, где многих из них перебили казаки. Затем рядовые польские солдаты были разосланы по дальним русским городам, где они зачастую (скажем, в Галиче или Унже) тоже пали жертвой народного самосуда. Польских же офицеров вместе с О. Будилой с декабря 1612 г. заточили в Нижнем Новгороде...

С историей освобождения Москвы от поляков осенью 1612 г. ныне связан один исторический курьёз, отражённый в современном календаре России: новый государственный праздник 4 ноября. Этой датой мы обязаны, с одной стороны, конфессиональным интересам РПЦ, а с другой – элементарному невежеству нынешних властителей. Последние решили отмечать с 2004 г. завершение Смуты именно 4 ноября (под действительно смутным названием "День народного единства") с явным намерением вытеснить этим из обихода россиян праздник 7 ноября. Однако при переводе исторических дат со старого на новый стиль наши законодотворцы обсчитались, ибо по юлианскому календарю, принятому в России в XVII веке, освобождение Кремля произошло 26-27 октября 1612 года, что в григорианском календаре для того столетия соответствует 5 и 6 ноября. По справедливости, один из этих дней тогда и должен праздноваться как годовщина победы над Смутой! Но то ли потому, что такая дата слишком близка к 7 ноября, то ли потому, что подсуенилось клерикальное лобби, утвердили день 4 ноября: совпадающий с церковным праздником иконы Казанской богородицы, но по хронологии Смутного времени являющийся «пустым». Для большей убедительности сошлёмся в этом вопросе на такого авторитетного историка, как член-корреспондент РАН Андрей Николаевич Сахаров, который в своём интервью газете "Известия" сказал: *"4 ноября не произошло ничего... Если мы обращаемся к старому стилю, то 22 октября поляки в Кремле капитулировали. Выпустили из Кремля сидельцев, заложников. Среди них был Михаил Романов, будущий царь. Если вы к этой дате прибавляете, как это положено для 17 века, десять дней, в силу расхождения между юлианским и григорианским календарем, то у вас получается дата 1 ноября. Если вы прибавляете к дате 26 октября, когда поляки капитулировали и открыли Кремль, десять дней, у вас получается день 5 ноября... А в 20 веке прибавляли, как положено датам 20 века, 13 дней. Так вот, произошла ошибка и вместо десяти дней к дню 22 октября прибавили 13 дней. И получилось 4 ноября... И вот с тех пор и пошло 22 октября или почему-то 4 ноября по стилю уже для 20 века"* (53)...

Войдя в Кремль, воины 1-го и 2-го ополчений были шокированы открывшейся им картиной: все храмы были осквернены и разграблены, в больших чанах лежала засоленная про запас человечина. – Сразу начались работы по очистке Кремля. Князя Пожарский и Трубецкой поселились в Москве, а выпущенные бояре-изменники разъехались подальше с глаз по своим вотчинам и затаились там до поры. Уехал в свою вотчину, село Домнино под Костромой и Мишка Романов с его мамашей... Тем временем после неудачи Ходкевича под Москвой король Сигизмунд лично собрался идти на выручку полякам в

Кремле, но только в самом конце октября 1612 г. его коронная армия дошла до Вязьмы, где узнала о капитуляции московского гарнизона поляков перед Мининым, Пожарским и Трубецким. Тем не менее, король соединился с войском гетмана Ходкевича и двинулся дальше. Главные силы поляков по дороге осадили Волоколамск, выдвинув к Москве свой авангард. Однако, подойдя к столице, этот отряд у села Ваганькова был разбит русскими. Когда же поляки потерпели неудачу при осаде Волоколамска, король Сигизмунд III решил, что в преддверии зимы взять Москву не удастся, и увёл своё воинство обратно в пределы Речи Посполитой, потеряв в пути ещё часть солдат от холода и голода...

14. Как Романовы захватили в 1613 году русский престол.

Настала пора развенчать один из главных исторических мифов, вот уже 400 лет служащий краеугольным камнем православно-монархической идеологии в России: а именно, о якобы законном приходе к власти в конце Смутного времени династии Романовых путём добровольного избрания 21 февраля 1613 г. на царский престол Михаила (сына ростовского митрополита Филарета) участниками Земского собора, будто бы представлявшими большинство русского народа и т. д. – Созыв этого Земского собора для избрания нового царя временное правительство стало готовить сразу после отступления Сигизмунда III из России, разослав в ноябре 1612 г. грамоты по всем русским городам с призывом отправить в Москву своих делегатов. Заседания Собора начались 6 декабря 1612 году, хотя к тому времени в столицу прибыли лишь немногие выборные... Вообще надо учесть, что Земские соборы в тогдашней России не являлись каким-то демократическим парламентом, созданным путём свободных выборов и отражающим волю большинства населения. Вот скажем, каков был социальный состав участников Собора 1598 года: одного из самых массовых в нашей истории, созванного для избрания царём Бориса Годунова не в экстренной или военной, а во вполне стабильной обстановке. – Согласно подсчётам С. М. Соловьёва, из примерно полутысячи участников того Земского собора более 50% составляли бояре и дворяне, свыше 20% - представители духовенства, чуть больше 1/10 были выбраны от горожан и купечества, лишь полтора десятка человек – от "черносошных" (государственных) деревень, а от зависимых, принадлежавших частным владельцам, крестьян не было ни единого человека. – То есть самую значительную прослойку населения Руси на Земских соборах вообще никто не представлял: в основном там заседали делегаты привилегированных сословий, светских и церковных феодалов!

Земский же собор, избравший в итоге царём Михаила Романова, и подавно не мог выражать мнение большинства россиян. Ибо он открылся в Москве уже в начале декабря 1612 года, какой-то месяц спустя после освобождения Кремля от поляков: за такой срок при тогдашнем состоянии транспорта и почты провести мало-мальски нормальные выборы в масштабе всей страны было просто немыслимо! Тем более, что тогда столичное правительство вообще не контролировало значительную часть России, - прежде всего её южные, юго-западные, западные и северо-западные регионы с такими важными центрами, как Смоленск, Великий Новгород, Чернигов, Новгород-Северский, Астрахань и другие, которые были под властью либо интервентов, либо местных самозванцев, казачьих атаманов и прочих мятежников. И даже в большинстве тех областей, которые подчинялись Земскому правительству Минина, Пожарского и Трубецкого, царила удручающая разруха, - до каких же там могло быть "честных всеобщих выборов"!?..

Ход заседаний Земского собора 1613 г. документировался уже задним числом и потому плохо ясен сегодня. Даже по официальной версии, итоговый протокол Собора, подписанный формально представителями 50 городов и уездов России, был утверждён лишь 14 апреля 1613 года, т. е. спустя почти 2 месяца после «избрания» царём Михаила! Однако подписи именитых бояр на сей грамоте, фиксирующей их чины, позволяют судить, что на самом деле утверждалась она ими ещё позднее, - не ранее зимы 1613/14 гг.

По мнению Р. Г. Скрынникова, этот документ представлял наскоро переделанный текст прежней грамоты о воцарении Бориса Годунова в 1598 году, куда для подкрепления отсутствовавших у Романовых династических прав на престол была вставлена ложь, "будто царь Фёдор перед кончиной завещал корону братаничу Фёдору Романову" – т. е. отцу Михаила. (54).

Официальная романовская легенда об избрании Михаила, в изложении С. М. Соловьёва, гласит, что сперва Земский собор отверг кандидатуры польского и шведского королей со всеми их родственниками, и вообще – любых претендентов неправославной веры, а также Ивана Ворёнка. Когда же стали выбирать из русских кандидатов, сразу начались козни, образовались разные партии, но ни одна не могла взять верх. И вот однажды, как гласит летописец, "какой-то дворянин из Галича принёс на Собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Фёдорович Романов, его и надобно избрать в цари... В то время выходит донской атаман и также подаёт письменное мнение: **"Что это ты подал, атаман?" – спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. "О природном царе Михаиле Фёдоровиче", - отвечал атаман. Одинаковое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решили дело: Михаил Фёдорович был провозглашён царём**" (6).

Так неужели судьбу России в 1613 г. и впрямь решили два никому не известных персонажа: донской казак и какой-то галичский дворянин, которые независимо друг от друга углубившись в генеалогию, открыли Земскому собору до того якобы неведомую заседавшим там истину, что 16-летний Миша, сын митрополита Филарета, - наиболее достойный кандидат в цари?! А все участники Собора единодушно согласились посадить на трон самого ничтожного претендента из всех возможных? – Что за абсурдная сказка!!!

В последнее время всё больше не только зарубежных, но и отечественных историков пишут о том, что Михаил в феврале 1613 г. сделался русским царём если не в результате банального переворота, то по крайней мере благодаря силовому давлению на Земский собор подкупленных Романовыми казаков. И хотя в самой России за три века своего правления романовская династия постаралась уничтожить все упоминания на сей счёт, об этом вполне однозначно говорят иностранные документы. Так, уже в апреле 1613 г. писавший по горячим следам о последних событиях шведский агент доносил из Москвы своему королю, что Михаил Романов был навязан Собору против воли бояр взбунтовавшимися казаками, которые вынудили Пожарского и Трубецкого согласиться с таким решением лишь после осады дворов этих князей. Схоже описывал «выборы» 1613 года в своём письме английскому королю иностранный наёмник капитан Маржерет, давно служивший в России. Попавшие в плен к шведам в 1614 г. московские дворяне И. Чепчугов, Н. Пушкин и Ф. Дуров в своих показаниях также единодушно утверждали, что "казаки и чернь не отходили от Кремля, пока Дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову". То же самое говорили тогда на допросах и русские дворяне, попавшие в плен полякам, из-за чего канцлер Лев Сапега откровенно заявил находящемуся в его замке митрополиту Филарету: **"Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки!.."** (1).

Сегодня даже не все официозные авторы в России решаются так бесстыдно лакировать историческую действительность в угоду династии Романовых, как это было до революции. В своих описаниях событий 1613 года многие из них всё же признают, что странный, мягко говоря, выбор Земского собора обусловлен был внешним давлением на его делегатов. – Мол, простые жители столицы и оставшиеся в Москве казаки из состава 1-го ополчения, устав от всю зиму безрезультатно длившихся заседаний Земского собора, вломились тогда в Кремль и потребовали от его участников определиться в выборе нового царя. Тут и была, дескать, предложена кандидатура Миши Романова, которую и народ, и члены Земского собора с большим воодушевлением поддержали!.. Конечно, можно допустить, что нетерпеливая казацкая вольница, а также пострадавшие за годы Смуты простые москвичи к февралю 1613 г. были раздражены затянувшейся работой Земского

собора. Но почему вдруг народу, а тем более опытным участникам Собора приглянулся в качестве царя абсолютно ничтожный юнец, не отличившийся ранее ничем, если не считать его многомесячного пребывания в осаждённом Кремле вместе с польскими интервентами-людоедами? Ведь 16-летний Мишка Романов на тот момент вряд ли был толком известен даже большинству заседавших на Земском соборе, не говоря уже о широких массах жителей Москвы или пришлых казаков, да и сам находился в феврале 1613 г. не в столице, а чёрт знает где! Как же могло получиться, что вломившаяся в Кремль толпа захотела в цари натурального «кота в мешке», которого ей даже не могли лицом показать?

Даже простейшая логика говорит нам, что избрание в начале 1613 г. царём Михаила не давало в России выгод никому, кроме собственно боярского клана Романовых!.. В тех условиях, когда продолжался военный конфликт с Польшей, ещё не было покончено с разными самозванцами на престол типа Ивана Заруцкого, когда едва ли ни половина страны была либо оккупирована иностранными войсками, либо охвачена мятежом, да и на контролируемых Москвой территориях порой безнаказанно разбойничали банды казаков, польских панов и прочих грабителей, когда экономика была разорена, а государственная казна пуста, - кому же в столь тяжёлых условиях надлежало доверить верховную власть?! – По здравому размышлению, Русское государство должен был возглавить мудрый и зрелый политический деятель, умелый военачальник, талантливый организатор, популярный в народе вождь и т. д. По тогдашним аристократическим меркам, новым царём на Руси после пресечения династии Ивана Грозного и пленения поляками семьи Шуйских надлежало стать кому-либо из многочисленных потомков удельных князей рода Рюриковичей. Наконец, элементарная справедливость требовала по достоинству наградить царским титулом того, кто внёс больший вклад в освобождение страны от иноземных захватчиков. – Всем этим критериям отвечал в 1613 году только один кандидат: князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который прославился к тому времени как стойкий патриот и герой, не раз проливавший кровь за Отечество, победоносный воевода, трезвый политик и дипломат. Пожарскому, являвшемуся Рюриковичем, потомком удельных князей Стародубских, было к тому времени около 35 лет: то есть он был в цветущем для политика возрасте, имел семью и троих сыновей... Да и по личным качествам Д. Пожарский выгодно отличался от большинства современных ему русских князей и бояр: был скромн, благороден, верен своему слову, чужд мстительности и жестокости... Почему же Земский собор мог предпочесть такому воистину идеальному кандидату на престол никчёмного Мишку Романова – почти никому ещё не известного подростка из "низкопородной" семьи интриганов и предателей, который к тому времени даже ещё толком из-под мамкиной юбки вылезти не успел!? Как пишет об этих событиях историк Широкоград: *«В России был славный воевода – прямой потомок Рюрика, а вместо него выбрали в цари безродного юнца, который ни до этого, ни потом ничем не проявил себя в ратных делах. В конце концов, можно было найти любого двадцатилетнего княжича Рюриковича, который не удосужился целовать крест Владиславу и не имел отца в польском плену!»* (1)...

Вопреки сохранившимся упоминаниям о том, что Дмитрий Пожарский действительно претендовал в 1613 г. на трон, наши историки-монархисты всегда были склонны отрицать это. – По их мнению, князь Дмитрий либо отстаивал на Земском соборе 1613 г. кандидатуру шведского принца, либо вообще устранился от борьбы за власть, а после чистосердечно одобрил выдвижение М. Романова. Однако, судя по всему, Пожарский ещё летом 1612 г. отказался от идеи звать на московский трон шведа; а уж после принятого в начале работы Земского собора решения выбирать царя лишь из русских кандидатов план насчёт шведского королевича и подавно утратил смысл. Но в любом случае, - желал Пожарский занять престол сам или же отстаивал "шведский вариант", - трудно поверить, что он при своём государственном уме захотел бы сделать царём жалкого отпрыска куда

менее знатных Романовых, с чьими родственниками сей князь к тому же имел давние счёты!

Если б Земский собор проходил в Нижнем Новгороде или в Ярославле, то там Дмитрий Пожарский наверняка смог бы обойти других конкурентов на царский престол. Однако в Москве к февралю 1613 года Пожарский имел мало сторонников, ибо после капитуляции Кремля распустил большую часть 2-го ополчения по домам. Аристократическо-церковный же по преимуществу состав Земского собора не мог особо симпатизировать Пожарскому. Ведь тон на этом Соборе задавали наиболее знатные московские бояре: те самые, что ещё недавно сидели вместе с поляками в осаждённом Кремле. Понятно, что они не собирались теперь поддерживать на выборах царя ни Пожарского, ни его соправителя Дмитрия Трубецкого. Боярам-предателям куда милее был кандидат своего круга, из участвовавшей во всех интригах Смутного времени семейки: пусть ничтожный, зато разделявший с ними тяготы осады 1611-12 гг. Мишка Романов! Другой важной причиной, которая могла настроить заправлявшую на Соборе знать против кандидатуры Пожарского, была его тесная связь с Кузьмой Мининым, который в случае воцарения своего коллеги по временному "триумvirату" имел шанс сохранить ведущую роль в новом правительстве. Перспектива же правления на Руси мужика-простолюдина должна была казаться спесивому боярству воистину ужасающей!.. Наконец, православному духовенству, игравшему важную роль на заседаниях Земского собора, также был куда угодней М. Романов как сын митрополита Филарета, т. е. представителя высшей церковной иерархии. – Уж такой монарх после вступления на престол точно не должен был забыть интересы православного клира!.. Поэтому не удивительно, что при избрании нового царя в 1613 г. на Земском соборе крутицкий митрополит, замещавший находящегося в польском плену Филарета, заявил, будто ему было откровение свыше насчёт избрания Михаила Романова: таким образом, царём стал кандидат, наиболее угодный церкви...

Конечно, выбор членов Земского собора в пользу Филаретова сына был продиктован не сошедшим на них свыше наитием или же «гласом народа», а закулисной интригой Романовых, для которой тогда сложились условия. – В Москве зимой 1612-13 гг. царили разруха, нищета и голод. Прежнее население столицы, возвращаясь на пепелище, только начинало заново обустраивать разрушенные посады города. Также в Москве оставались тысячи казаков из состава 1-го ополчения, которые даже образовали там свой собственный городок – Казачью слободу. Эти казаки из бывшего лагеря Трубецкого и обнищавшие москвичи являли благодатную почву для подкупа со стороны Романовых. Впрочем, тем ради успеха задуманного переворота не требовалось поднимать в Москве всенародный мятеж: для этого вполне достаточно было нескольких сотен казаков. – Сперва они вломились к крутицкому митрополиту Ионе, который вёл заседания Земского собора на правах местоблюстителя патриарха, и потребовали «дать им царя». Потом эти казаки, с оружием в руках осадив резиденции князей Трубецкого и Пожарского, заставили их согласиться с кандидатурой Михаила Романова...

Уже 25 февраля 1613 г. по русским городам была разслана грамота, извещавшая о воцарении 16-летнего Михаила. В этом документе для солидности «выпрямили» степень родства нового самодержца, объявив его племянником последнего законного царя Фёдора Ивановича, - хотя на самом деле тот приходился Михаилу лишь двоюродным дядей, да и то по своей матери, что не давало тогда на Руси никаких прав наследовать трон. На случай, если эта ложь мало кого убедит, столь нелепое решение Земского собора обосновывалось в грамоте, как водится, ссылкой на волю Всевышнего, якобы вложившего в сердца всех выборщиков единодушную мысль о сыне митрополита Филарета: **"Бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-то заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизречённой милости..."** (1). Лишь 2 марта 1613 года для поисков сего «божьего избранника» из Москвы отправилась большая депутация, и хотя Земский собор ещё даже не получил личного согласия Михаила занять трон, в провинции

уже начинали приводить русских людей к присяге ему на верность! Впрочем, измученное долгими годами Смуты население присягало в большинстве мест без особых вопросов...

Итак, первым царём российской династии Романовых абсурднейшим образом стал малолетний оболтус, который не только не имел за собой каких-либо заслуг и не прилагал собственных усилий для завоевания власти, но даже не выражал к этому желаний! Более того: когда лоббисты романовского клана "продавливали" его кандидатуру на Земском соборе, Михаил даже не знал о происходящем, ибо слишком далеко убежал осенью 1612 г. из Москвы на север после своего "чудесного спасения" от сабель разгневанных казаков Трубецкого! С немалым трудом отправленная из столицы делегация обнаружила сего венценосца в Ипатьевском монастыре Костромы 13 марта 1613 года, официально известив, что отныне он уже не просто жалкий обормот Мишка Романов, каким был прежде, а новый царь всея Руси и великий князь Московский, государь Михаил Фёдорович!.. Чем именно до этого дня занимался под Костромой будущий самодержец с его матерью и тётками, истории осталось неизвестно. Но в XIX столетии, когда напуганная декабристским восстанием династия Романовых озаботилась созданием вокруг себя ореола пресловутой "народности", в России была широко растиражирована легенда об Иване Сусанине. По официальной версии в изложении С. М. Соловьёва, это был крестьянин из принадлежавшего Романовым села Костромского уезда, которого до смерти замучили в начале 1613 г. некие поляки, дабы узнать от него, где избранный в цари Михаил. – Однако здесь сразу всплывает ряд неувязок. С одной стороны, нет никаких сведений о действиях польских войск в окрестностях Костромы за этот период. С другой: если даже оставшиеся в столице родственники Михаила на февраль 1613 г. не знали его точного местонахождения, откуда это могли узнать поляки, чтобы за столь короткий срок начать облаву на него в далёких северных краях прежде, чем 13 марта туда добралась столичная экспедиция? И неужто о дислокации Михаила из всех крестьян романовских вотчин знал тогда лишь один Иван Сусанин, якобы своим геройским молчанием спасший для России её нового царя!? – Короче, как писал ещё в середине XIX века критиковавший данную легенду профессор Н. И. Костомаров, *"здесь какая-то несообразность, что-то неясное, что-то неправдоподобное"* (55). Тот же Костомаров предположил, что на самом деле Иван Сусанин мог стать жертвой не поляков, а просто одной из банд русских же "воров", рыскавших в ту пору по всей стране и напавших на его деревню безо всякой связи с поисками Михаила Романова. По гипотезе историка А. Л. Станиславского, то был большой отряд запорожских казаков, который грабил русский Север осенью-зимой 1612 года, а теперь возвращался на юг из своего похода через окрестности Костромы (56).- Точно восстановить обстоятельства этого дела сейчас уже вряд ли возможно. Достоверно известно лишь, что зять погибшего Сусанина крестьянин Богдан Собинин несколько лет спустя после воцарения Михаила Романова, в 1619 г. подал челобитную, где утверждал, что его тестя Ивана Сусанина-Богдашкова в своё время замучили до смерти некие "литовские люди" дабы узнать, где находится государь, но тот умер под пытками и ничего им не сказал. За такую восхитительную преданность своего покойного тестя Богдан Собинин получил от царя Михаила награду, а также "обельную грамоту", давшую этому крестьянину, его родичам и всему их потомству небывалые льготы... В XIX веке М. Глинка создал на эту тему верноподданническую оперу "Жизнь за царя", сюжет которой окончательно вышел за рамки исторического правдоподобия: по нему Сусанин вызвался провести якобы одному ему известной тропой польский отряд к резиденции Михаила Романова под Костромой, а на самом деле обманул ляхов, заведя их в глухие леса и болота. Взбешённые поляки, слишком поздно раскусив этот обман, изрубили Сусанина на куски, но затем сами все погибли в зимнем лесу от голода и холода. – Интересно, что в СССР, по крайней мере со времён Сталина, опера Глинки снова пришлась ко двору. Из неё выбросили откровенно монархические элементы, вместо "Жизнь за царя" назвав просто "Иван Сусанин", и снова начали не только ставить в театрах, но даже изучать в школе... – Столь долгой жизнью оное произведение обязано было тому, что в нём

обильно присутствовал не только монархический, но и общепатриотический пафос. Скажем, Иван Сусанин там на пороге своей гибели толкает перед врагами напыщенный, но исторически мало оправданный монолог: *"Предателя, мнили, во мне вы нашли? – // Их нет и не будет на Русской земле! – // Здесь каждый Отчизну с младенчества любит // и душу изменой свою не погубит!.."* Надо думать, если бы в 1613 году Сусанин и вправду, заведя агрессоров в лес, выдал им такой возвышенный спич, то обеспечил бы этим себе хорошую возможность спастись: а именно, он мог благополучно удрать за то время, пока бы поляки катались по земле, до изнеможения хохоча над столь наивным бредом русского Ванюшки-патриота! – Ибо в отличие от этой деревенской простоты, интервенты за предыдущие годы Смутного времени достаточно повидали на "Русской земле" целые орды предателей, сделавших измену Отчизне своей настоящей профессией!.. Интересно также, что хотя критика сего ивашкина-богдашкина подвига никогда в нашей стране не приветствовалась, простой народ всё же чувствовал некую фальшь этой истории. Как следствие, в массовом восприятии имя Ивана Сусанина к концу XX века вместо олицетворения народного героя превратилось в синоним незадачливого проводника, по глупости заведшего в тупик доверившихся ему спутников!..

Но вернёмся к нежданно для себя обрётшему в марте 1613 г. царский венец отроку Михаилу Романову: как же он воспринял весть о своём избрании на российский престол!? – Сперва Михаил не на шутку струхнул и вообще стал отбрыкиваться от зовущих его царствовать бояр. В этом его всецело поддерживала и мамаша Ксения, ставшая в былые годы не по своей воле инокиней Марфой. Доводы же, которые они приводили московским посланцам, были сугубо мещанскими и эгоистическими по сути. – Во-первых, Михаилу с его маменькой было страшно, но только не за Русское государство, а за себя: ведь тогда ещё никто не знал, чем кончатся Смута, шедшая война с поляками и шведами, а судьба всех московских царей предыдущих лет, начиная с Фёдора Годунова, была весьма печальной... С другой стороны, - говорили столичным послам Романовы в Ипатьевском монастыре, - не так уж завидно принимать державу, когда вся страна опустошена, царская казна разграблена, кремлёвские дворцы разорены и т. д. К тому же глава их семейства, митрополит Филарет, был тогда в руках поляков: ну как те, узнав про воцарение в России его сына, выместят гнев на пленнике? Да и можно ли малолетнему, слабенькому умом Мише пойти на такой шаг без благословения своего папеньки?.. И лишь после долгих уговоров столичная делегация убедила в Ипатьевском монастыре этого маменькина сынка принять на себя бремя царской власти. Но даже формально согласившись занять трон, сын Филарета не спешил делать это физически. – Михаил выехал из Костромы 19 марта, а в столицу он добрался лишь 2 мая 1613 года. До этого же он и его мамаша вели с московскими боярами интенсивную переписку всё на ту же тему: выясняли, мягко ли в Кремле им будет спать, да как сладко их будут кормить? – Вот насколько Михаил Романов не соответствовал той роли, которую он был призван сыграть в государстве!..

Когда в 1613 г. официальное уведомление об избрании Михаила пришло в Польшу, оно изрядно напугало его отца Филарета, находившегося там в плену. Как повествует историк Костомаров, глава романовского клана, боясь мести поляков, всячески подчёркивал свою непричастность к событиям в Москве: *"Вот, говорят, сын мой очутился государем не по моему хотению,"* – обращался митрополит Филарет к Льву Сапеге, в резиденции которого он тогда жил. Частично эти страхи Филарета оправдались, ибо вскоре поляки перевели его из дворца Сапеге в крепость Мальборга. Но по большому счёту король Сигизмунд ещё несколько лет не предпринимал ничего серьёзного: ограничиваясь лишь дипломатическими выпадами, он дал династии Романовых время утвердиться в России.

15. Первые Романовы во главе государства и церкви.

Итак, если уподобить перипетии Смутного времени с 1600 по 1613 гг. шахматной партии, можно прокомментировать эту историю так: "Романовы начинают и

выигрывают". Только вот России выигрыш семейки придворных интриганов большой пользы явно не принёс... Официальная коронация Михаила на царство состоялась в Москве 11 июня 1613 года. Последующее 32-летнее правление этого первого царя из династии Романовых было абсолютно бесцветным! Оно могло бы принести пользу государству, если бы рядом с ничтожным Михаилом встали мудрые политики, но увы... их не оказалось: вернее, их оттёрла от власти победившая клика Романовых! – Сперва, до возвращения из плена в 1619 г. царского папаша Филарета, главную роль в управлении страной при безвольном Михаиле играли его дядя Иван Никитич Романов и объявленная царицей мать-инокиня Марфа, а также её родственники бояре Салтыковы, запятнавшие себя изменой и сотрудничеством с поляками в годы Смуты: уже в конце 1613 г. царь Михаил возвысил при своём дворе Бориса Михайловича Салтыкова из этого семейства предателей. Родственник Романовых и активный член Семибоярщины князь Борис Лыков также был обласкан в правление Михаила: долгое время возглавлял при нём ряд важнейших Приказов, был воеводой в Казани и т. д. Главой же Боярской думы при Михаиле Романове сделался... кто бы вы думали? Да тот же самый князь Фёдор Иванович Мстиславский, который прежде возглавлял пустившую в Кремль поляков Семибоярщину! Этот старый предатель руководил Боярской думой на Руси вплоть до своей смерти в 1622 году. Иными словами, в результате февральского переворота 1613 года к власти пришла опять всё та же боярская клика, которая ранее принесла своими интригами и предательством столько зла нашему Отечеству, – с той лишь разницей, что теперь она смогла утвердиться в Кремле без помощи иностранных войск!..

Романовы не посмели открыто расправиться с подлинными героями борьбы России за независимость, вождями 1-го и 2-го ополчений, однако сделали всё, чтобы задвинуть их «в тень», наделив лишь незначительными должностями. Так, народный вождь Кузьма Минин, бывший ранее в 1612 году фактически главой временного правительства России, хоть и поселился теперь в кремлёвском дворце, получил от нового царя лишь скромное место думного дворянина. Впрочем, Минин после воцарения М. Романова прожил лишь пару лет и умер в начале 1616 г. ещё отнюдь не старым... Дмитрию Трубецкому, ранее получившему от Земского собора за свою деятельность титул "Спаситель Отечества", царь Михаил после 1619 г. пожаловал несколько подмосковных сёл, а позднее назначил этого князя наместником Сибири, где тот и скончался в Тобольске 24 июня 1625 года. Что же до князя Пожарского, то он после Смуты жил ещё долго. За свои заслуги Дмитрий Пожарский в 1618-19 гг. получил от нового царя несколько сёл и деревень, серебряный кубок, полтора кило золота и дорогую шубу. Хотя затем в правление Михаила Фёдоровича сей князь последовательно управлял несколькими Приказами, а в 1620-24 и 1628-31 гг. был воеводой Новгорода Великого, он не пользовался особым влиянием при дворе. Романовы настолько постарались предать забвению память о главном герое Смутного времени, что даже точная дата его смерти осталась неизвестна. – Судя по всему, Д. Пожарский умер в 40-х гг. XVII века на седьмом десятке лет, дожив по тогдашним меркам до почтенной старости.

А что касается самого царя Михаила (1613-45 гг.), то он после своего восшествия на престол упражнялся лишь в обжорстве, пьянстве да охоте... От таких "державных забот" этот государь уже к 30-летнему возрасту изнашивался настолько, что фактически перестал самостоятельно двигаться и умер впоследствии, не дожив и до 50-ти... Вот каким самодержцем "осчастливили" наше государство Романовы! Пожалуй, Михаил оказался самой безликой и неинтересной фигурой из всех российских монархов, а в истории его правления трудно найти хоть одно по-настоящему достойное, успешное деяние... Зато позорных дел у этого царя было хоть отбавляй! Прежде всего, Михаил «отличился» жестокостью при расправе над своими неудачливыми конкурентами. Одним из них стал злосчастный Лжедмитрий III («вор Сидорка»), которого свергли и пленили в 1612 году сами псковичи, отправив позднее на казнь в Москву. А на юге России спустя некоторое время царские воеводы изловили целую семью «воров»: Ивана Заруцкого, Марину

Мнишек и её сына Ивана-Ворёнка!.. Судя по всему, атаман Заруцкий, уйдя в Астрахань после 1612 года, объявил там себя новым царём Дмитрием Ивановичем. С подачи окружавших Марину Мнишек католиков-иезуитов эта семейка пыталась заручиться союзом персидского шаха в дальнейшей борьбе за Москву, однако в мае 1614 г. была изгнана из Астрахани войсками Михаила Романова. Летом 1614 года яицкие казаки выдали царскими воеводам Заруцкого с Мариной и Ворёнком, которых под надёжным конвоем этапировали в Москву. Там это знаменитое в истории Смуты семейство ждал не столько царский суд, сколько жестокая месть при отсутствии оногo. Хотя, как отмечает историк А. Широкоград, ничего не мешало юному самодержцу Михаилу Романову осудить своих врагов на широком процессе: *"В конце 1614 г. положение царя Михаила было относительно стабильно. Казалось бы, самое время учинить публичный процесс над зачинщиками Смуты в России... Но как раз розыск заводчиков и мог погубить новую династию. Ведь именно Романовы стояли у истоков Смуты!"*(1). Поэтому новый режим поспешил зимой 1614 г. спрятать концы в воду посредством зверских казней. – Самозванный казачий «царь» Заруцкий был посажен на кол, а 4-летнего Ивана Ворёнка публично повесили в Москве: однако умер он лишь спустя несколько часов, околевав в итоге от мороза. Совершённая царским повелением казнь такого мальчика бесчеловечна даже для той эпохи, - ибо и в средневековье не было принято казнить несмышлёных детей лишь за вину их родителей!.. Что до Марины Мнишек, то её, если верить польским источникам, утопили. По более же гуманной, русской версии эта знаменитая авантюристка была отправлена в заточение и там зачахла сама от горя, безутешно оплакивая мёртвого сына и своих многочисленных мужей-"царей" (Лжедмитрия I, Лжедмитрия II и Ивана Заруцкого), к тому времени столь же мёртвых...

Между тем и после 1613 года враждебные новому правительству казачьи отряды по-прежнему грабили русские земли, неоднократно подходя к самой столице, откуда их с трудом отгоняли царские воеводы. Также продолжали свои бандитские рейды отдельные отряды поляков, самый опасный из которых возглавлял Александр Лисовский. За ним долго в 1615 г. гонялся князь Дмитрий Пожарский, в конечном счёте вынудив Лисовского вернуться в Литву, где тот внезапно умер на следующий год... Не прекращались с ноября 1613 г. и вялотекущие боевые действия против регулярных польских войск короля Сигизмунда, числившего законным русским царём не М. Романова, а своего сына.

Летом 1616 года в Варшаве решили наконец отправить с войском в Россию самого возмужавшего Владислава, чтоб он добыл себе мечом трон. Но из-за отсутствия у Польши денег к весне 1617 г. удалось собрать для королевича лишь 11-тысячную армию, к которой присоединились также отдельные казачьи отряды из России, враждебные царской власти. В апреле принц Владислав начал из Варшавы свой поход на Русь. Однако в том году из-за разных задержек успехи поляков оказались скромными: они смогли захватить у русских лишь гг. Дорогобуж и Вязьму. Не сумев взять осенью 1617 года Можайск и Волоколамск, принц отошёл на зиму к Вязьме... Оттуда в июне 1618 г. польское войско во главе с гетманом Ходкевичем и королевичем Владиславом снова двинулось к Москве. Опять на их пути встал русский город Можайск, а также малая крепость Борисово-Городище, после долгой обороны покинутая и сожжённая своим же гарнизоном. Тем временем с юга на помощь Владиславу направилось войско из православных подданных Речи Посполитой: а именно 20 тысяч украинских казаков во главе с Пётром Сагайдачным. Но ещё до их подхода королевич возобновил наступление на Москву: в сентябре 1618 г. поляки захватили Звенигород, а 20 сентября подступили к стенам русской столицы, разбив лагерь в Тушино. Спустя пару дней к Москве подошёл и соединился с поляками Сагайдачный. Но попытки взять столицу в октябре 1618 г. закончились для поляков неудачей. С наступлением холодов Владислав отступил от Москвы к Троицкой лавре, а Сагайдачный ушёл из России на юг и позже в Киеве объявил себя запорожским гетманом... После неудачного штурма Троицы поляки отошли от её стен и встали лагерем у села Рогачёва, в то время как их мелкие отряды направились грабить районы Галича,

Костромы, Ярославля, Пошехонья и Белозерска... Близившаяся зима вынудила молодого королевича согласиться в ноябре на переговоры с русскими о прекращении войны. Проходившие в селе Деулине, вблизи Троицкого монастыря, эти переговоры закончились подписанием 1 декабря 1618 г. временного мира между Россией и Польшей на 14 с половиной лет. Как и следовало ожидать, наличие в плену у поляков Филарета-Романова давало им возможность шантажировать царя Михаила судьбой его папаша и весьма способствовало уступчивости русских! В итоге по этому договору Россия кроме уже занятых польскими войсками Смоленска, Рославля, Дорогобужа, Трубчевска, Новгород-Северского, Чернигова с их округами уступила Речи Посполитой также оставшиеся на то время под контролем московского правительства земли, включая гг. Стародуб, Невель, Себеж, Торопец, Велиж с их уездами. Русский царь отказался от своих претензий на Ливонию в пользу Речи Посполитой. Польский же король в обмен на всё это отказывался от притязаний на московский трон и возвращал русским... икону св. Николая Можайского, захваченную поляками в 1611 году, а также главную "ценность" – митрополита Филарета, подлежавшего размену в числе других плененных! "*Заклучить такой позорный мир в то время, когда у поляков не было ни одного шанса взять Москву и были все шансы потерять армию от голода и холода!*" - восклицает военный историк Широкопад. – "*Но Мишенька Романов так давно не видел папочку!*" (1)... Чтобы скорей освободить царского родителя, Москва согласилась на условия поляков и при обмене пленными, который состоялся лишь после долгих проволочек. Так произошло «возвращение блудного отца Филарета» на Русь: 14 июня 1619 г. царь, двор и духовенство радостно встретили его под Москвой...

Хотя после воцарения в 1613 году Михаила Романова имя Филарета как "*митрополита Московского и всея России*", а также "*великого государя*" поминалось в храмах наряду с именем царя и его матери, "*великой княгини инокини Марфы Ивановны*", патриархом в своё отсутствие отец царя не считался, а местоблюстителем патриаршего престола до его возвращения из плена был крутицкий митрополит Иона. По просьбе царя 24 июня 1619 г. иерусалимский патриарх Феофан, удачно оказавшийся в русской столице, - куда, как водится, приехал за "милостыней", - посвятил Филарета в сан Московского патриарха. Но поскольку церковный Собор после возвращения Филарета из плена его на патриаршество не избирал, то выходит, что этим статусом он обладал лишь по благословению Феофана – чужеземного главы Иерусалимской церкви. Примечательно, что когда в 1626 г. грамота об этом благословении сгорела, Филарет слёзно, за соответствующие "подарки", упрасивал иерусалимского патриарха её возобновить... Поэтому можно сказать, что семейка Романовых завладела не только светской, так и церковной властью в России самозванно, а Филарет установил своеобразный рекорд в истории русской церкви: он умудрился за свою жизнь ТРИЖДЫ стать патриархом, но ни разу – до конца законным путём!..

Однако являться только главой русской церкви и отцом царя Филарету показалось мало: он пожелал сделаться ещё и официальным соправителем сына, хотя тот был уже давно совершеннолетним. В итоге после своего возвращения из плена в 1619 году Филарет стал править вместе с Михаилом на правах отца-опекуна: оба они именовались "великими государями". Царские указы теперь начинались со слов: "*Указал государь царь и великий князь Михайло Федорович Всеа Руси и отец его великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Руси*" и т. д. В санкционированном Филаретом "Сказании" о появлении патриаршества на Руси патриарх объявлялся представителем бога на земле, коего царь должен был почитать "*по превосходящему святительству*". Таким образом, Филарет до самой смерти осуществлял западную доктрину "цезарепапизма" или "папоцезаризма", (т. е. совмещения в одних руках церковной и светской власти), к чему так стремились главы католической церкви типа Александра Борджиа: с той, однако, разницей, что у нас правящий государством православный "папа" был одновременно ещё и родным, натуральным папой его соправителя – сидящего на троне царя Михаила!..

Таким образом, с 1619 г. и до своей смерти, т. е. полтора десятилетия, Филарет-Романов совмещал сан патриарха с ролью главы московского правительства. Именно этот старый интриган определял внешнюю и внутреннюю политику России, только начавшей оправляться от последствий Смуты. Свою политическую деятельность по "устроению земли" в этом качестве Филарет начал с созыва Земского собора 1619 года о нуждах сословий. Однако затем Земские соборы при нём перестали созываться на десятилетие и только после смерти этого "государя"-патриарха, явно тяготевшего к абсолютизму, они стали вновь часто устраиваться в России. Так, Собор 1632 года созвать Филарета вынудила острая нужда в деньгах на войну с поляками за возвращение Смоленска. Тогда, в 1632 г. именно по настоянию патриарха русские войска начали внезапное наступление на Польшу, вероломно нарушив ранее заключённое перемирие и священную клятву царя Михаила. Однако несмотря на иллюзию народного волеизъявления Земским собором, русские люди дали тогда денег меньше, чем собирали по решениям Соборов в самые тяжёлые годы после Смуты. – Многие воины бежали из полков, воеводы не шли на помощь главной армии, а царский двор не доверял командующему. Филарет умер в 1633 г. во время этой войны, не дожив до позорной капитуляции русской армии под Смоленском в феврале 1634 года... Согласно летописи: *"Дошёл жалостный об этом слух до царя и патриарха. И патриарх впал вдруг в великую скорбь, затем и почил с миром"* (57). – Короче, деятельность Филарета в области светской политики как фактического главы правительства закончилась провалом и лично для него, и для всего Русского государства! Виновным же, как всегда, был выбран «стрелочник» – командовавший русской армией в кампании за возвращение Смоленска воевода Михаил Шеин: тот самый, кто возглавлял оборону этого города от поляков в 1609-11 гг. Этого старого, заслуженного героя, вернувшегося вместе с Филаретом в 1619 году из польского плена, Михаил Романов не погнушался уже после смерти отца казнить по вздорному обвинению в измене... Такова была "благодарность" царя-коллаборанта из семьи предателей русскому патриоту Шеину, некогда до конца бившемуся вместе со смолянами против войск Сигизмунда!..

Ну а каковы были успехи Филарета за полтора десятилетия его "цезарепапизма" не на политическом, а собственно на духовном поприще? – При патриархе Филарете для русской церкви создалась уникально благоприятная ситуация: духовенство теперь возглавлял не просто отец царя, всецело на него влиявший, а официальный правитель государства! Более могущественного "лоббиста" своих интересов церковь в России не могла и желать, - хотя все важнейшие нововведения Филарета в церковной сфере принимались "изволением" царя и лишь затем "советом и благоволением" патриарха и освящённого Собора... По словам церковных апологетов, патриарх Филарет якобы отличался справедливостью и не был сребролюбив. Однако именно на годы правления этого "бескорыстного пастыря" пришёлся крупнейший в истории русской церкви рост патриарших владений (58). – Управляя церковью, Филарет создал в России огромную патриаршую епархию, владения которой охватывали 40 городов с их уездами и были разбросаны по всей стране вплоть до Сибири и Крайнего Севера. В этом своеобразном домене глава церкви пользовался неслыханной ни до, ни после него властью. Патриаршья епархия при Филарете управлялась светскими чиновниками и особенными Приказами, дублировавшими в церковных владениях царские: Дворцовым, Казённым, Судным и Разрядным. Помимо расширения своих личных владений, патриарх не забывал и про общие интересы духовенства. Так, в 20-е годы XVII века Филарет добился, чтоб каждой церкви в России обязательно отводились пахотные земли для содержания причта. При этом участки попам выделяли, отбирая их у светских владельцев: от крестьян до помещиков включительно (59)... Хотя ещё в 1581 г. на Руси церкви было запрещено принимать новые земли, в 1622 г. с подачи Филарета царский указ закрепил за монастырями вотчины, приобретённые ими после введения этого закона. (17). В 1628 году

же царским указом упомянутый запрет монастырям приобретать новые земли и вовсе отменили (60).

Ну а как с иными достоинствами, приписываемыми Ф. Романову нынешней церковью: милосердием, терпимостью, отсутствием фанатизма и прочими? – Именно Филарету принадлежит самая полная в русской средневековой литературе подборка эпизодов из Библии, восхваляющих убийство тех, кто *"божественным законом пренебрегать дерзнут и учение послушать не восхотят"* (61). Филарет добился того, чтобы суд в патриаршем Судном приказе был *"в духовных делах и в смертях и в иных во всяких делах против того же, что и в царском суде"*, т. е. равных прав со светским судом, в том числе и на смертные приговоры (62). Как следствие уже в 1623 году, впервые после "Кормчей книги", в России упоминается о сожжении как о казни за *"великие духовные дела"*! (63)

Именно в патриаршество Филарета развернулись ширококомасштабные гонения на скоморохов. Судебник 1626 года гласил: *"Государь указал тех людей имать и за ослушанье бить кнутом по торгам!"*. В 1628 г. Филарет уже от собственного имени велел, чтобы *"на игрища б мирские люди не сходились"* (64). – Налицо стремление достигшей при нём пика своего могущества церкви не только уничтожить опасных для неё еретиков и инакомыслящих, но также задавить на Руси любые ростки светской культуры!.. Сейчас клерикальные историки восхваляют заботу Филарета о просвещении, – мол, он много способствовал исправлению и изданию церковных книг, рассылая их по всей стране и т. д. Но при этом замалчивается, что одним из самых одиозных деяний этого патриарха стал тотальный запрет в России всех европейских изданий, по которому нельзя было ввозить, хранить и читать зарубежные книги, в т. ч. из православных Украины и Белоруссии (65). – Такая мракобесная политика Филарета не имела ничего общего ни с просветительством, ни с терпимостью, на многие годы затормозив развитие образования и культуры в нашей стране! Вообще, установившееся после Смуты правление романовского тандема, являвшего собой диковинный даже для средневековья гибрид царской (Михаил) и патриаршей (Филарет) власти в рамках одной семьи, выражало интересы лишь придворного боярства и церковной верхушки, – то есть самых реакционных политических группировок, – и уже поэтому не могло принести России ничего прогрессивного!..

В отличие от нынешних церковных авторов, современники Филарета-Романова подчас были куда критичней к его «достоинствам». Например, астраханский архиепископ Пахомий дал Филарету следующую характеристику после его смерти: *"Божественное писание отчасти разумел, нравом опальчив и мнителен, а властолюбив был настолько, что сам царь боялся его; бояр же и всякого чина людей царского совета сильно томил необратимыми заточениями и иными наказаниями; к духовному же чину милостив был и не сребролюбив"* (66). – Таким образом, если этот патриарх и был к кому расположен, то разве что к представителям духовенства, но не к мирянам, составлявшим абсолютное большинство населения России... И надо сказать, население платило ему тем же: авторитет сего "папы-царя" в русском народе был весьма низок и до нас дошло немало следственных дел о проявлениях непочтительности к этому деятелю (67). Причём, согласно им, "бесчестить" патриарха Филарета позволяли себе в ту пору выходцы из самых разных слоёв населения, вплоть до бояр и воевод включительно! (63). – Вероятно, причинами широкого недовольства Ф. Романовым были как его скверная репутация в период Смуты, так и ненормальное для сознания русских людей положение в государстве: а именно, совмещение Филаретом духовной и светской власти... Позже, при патриархе Никоне в 50-х гг. XVII века такой прецедент немало послужил обоснованию притязаний церкви на верховенство по отношению к царю. – Но это была уже совсем другая история...

Евгений Олеша

Библиография:

1. А. Б. Широкопад, Дмитрий Пожарский против Михаила Романова. М. "Вече". 2005. С. 136,151-52,192,203,210,243,281,316-17,322-23,330,336,350-51, 360-61,363,385,396,406.

2. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т.10, гл. 1.
3. Н. Ф. Каптерев Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. С. 57
4. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т.10, гл. 2.
5. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т.10, гл. 4.
6. С. М. Соловьёв. История России с древнейших времён. Кн. 4. С. 316-317.
7. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т.11, гл. 1.
8. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т.11, гл. 2.
9. И. Масса. Краткое известие // О начале войн и смут в Московии. - М., 1997. - С. 53, 139, 146, 469.
10. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в.: 1601-1608: С. 23. Сб. док. - док. №№ 16, 18, 63
11. РИБ. Т. 13.
12. К. Валишевский. Смутное время. М.: СП "Квадрат", 1993 .С 111.
13. 1605 г, марта 22. Наказ игумену Антониево-Сийского монастыря об усилении надзора за сосланным Филаретом Романовым // Хроники смутного времени. - М., 1998. - С. 437
14. И. Хворостинин. Словеса дней, и царей, и святителей московских // Библиотека литературы древней Руси. Т. 14. Конец 16 - начала 17 века. - СПб., 2006. - С. 620.
15. «Сказание о Гришке Отрепьеве». Цит. по Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон: Биографии. Т. 5. - С. 289-290.
16. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т.11, гл. 4.
17. А. П. Богданов. Русские патриархи: 1589-1700. Т. 1. - М.: Терра, 1999. - С. 242-47, 251, 265,271-72,345.
18. Иное сказание // Русское историческое повествование 16-17 веков. - М., 1984. - С. 77; Хронограф 1617 года // Библиотека литературы древней Руси. Т. 14. - С. 554; А. Богданов. Русские патриархи. Т. 1. - М., 1999. - С. 200-201.
19. Р. Скрынников. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. - С. 556, 558.
20. О начале войн и смут в Московии. - С. 135, 236; Хроники смутного времени. - С. 84.
21. Дневник Марины Мнишек. - СПб, 1995. - С. 98.
22. М. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. - СПб., 1904. - С. 266.
23. Грамота патриарха Гермогена, ноябрь 1606 г. // Материалы по истории СССР. Вып. 3. - С. 84-85.
24. ПСРЛ. Т. 34. - С. 215; Т. 14.- С. 82, 89
25. Богомольная грамота Гермогена, ноябрь 1606 г.
26. Н. М. Карамзин История государства Российского. Т.12, гл. 1.
27. Соборное Уложение 1607 года // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 года. - М., 2004. - С. 629-630.
28. К. Буссов. Московская хроника // Хроники смутного времени. - М.: Рита-Принт, 1998. - С. 96.
29. Письма смутного времени // Хроники Смутного времени. - С. 447-449.
30. Н. М. Карамзин История государства Российского. Т.12, гл. 2.
31. Цит. по: А. Богданов. Русские патриархи. Т. 1. - С. 202.
32. АИ. Т. 2. С. 132-133.
33. Biblioteka Polskiej akademii nauk w Krakowie. Rkp. 345. K. 129.
34. Дневник Яна Петра Сапеги (1608-1611). М.-Варшава: Древлехранилище, 2012. С. 70-79, 102-103, 136-137, 196-197.
35. С. Соловьёв. Ипатьевская летопись... // Скепсис. - 2002. - № 2
36. И. Рогов, С. Уткин. Ипатьевский монастырь: Исторический очерк. - М., 2003. - С. 38-
37. Письмо Ивана Волынского о посыле к гетману от архимандрита Феофила подарков // Хроники Смутного времени. - С. 443.
38. С. Платонов. Очерки по истории Смутного времени. - СПб.-1901. - С. 318-319, 432-433.

39. Сказание Авраамия Палицына // Памятники смутного времени. Тушинский вор: Личность, окружение, время. - М., 2001.
40. Мартин Бер. Летопись Московская // Тушинский вор: Личность, окружение, время. М., 2001. С. 217-218.
41. Н. М. Карамзин История государства Российского. Т.12, гл. 3.
42. Р. Г. Скрынников. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М.: Молодая гвардия, 2009.
43. Н. М. Карамзин История государства Российского. Т.12, гл. 4.
44. Новый летописец. Т. 14. - С. 100-101.
45. Р. Г. Скрынников. Святители и власти. - Л. 1990.. -С. 309-314, 323-324.
46. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 5. - СПб., 1834. - С. 55.
47. ПСРЛ. Т. 14. - С. 107; см. также Арсений Елассонский. Мемуары // Хроники смутного времени. - М., 1998. - С. 189.
48. Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. - СПб.: Наука, 2006. - С. 172-173.
49. Арсений Елассонский. Мемуары // Хроники смутного времени. - М., 1998. - С. 189
50. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т.12, гл. 5.
51. Полный текст грамоты см. П. Васенко. Начало династии Романовых. - Спб., 1912. - С. 236.
52. ПСРЛ. Т. 14. - С. 115; Сказание Авраамия Палицына // Памятники смутного времени. Тушинский вор: Личность, окружение, время. - М., 2001. - С. 404; Псковская летописная повесть о смутном времени // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. - СПб., 2006. - С. 606
53. А. Воленский. "Праздничные дни. Как они появляются, и кто их устанавливает" (Интервью с А.Н. Сахаровым) // Известия. 23 ноября 2004 г.
54. Р. Г. Скрынников. На страже московских рубежей. М. «Московский рабочий». 1986. - С. 322.
55. Н. И. Костомаров. Исторические монографии и исследования. М. "Книга", 1989.
56. А. Л. Станиславский. Гражданская война в России XVII в. М. "Мысль". 1990. С 68.
57. Из патриаршего летописца 1686 г. // Российские патриархи. Т. 1. - С. 358.
58. М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988-1738 гг.). - СПб., 1871. - С. 329-330; Приложения. - С. 32-37.
59. А. Сахаров. Русская деревня: По материалам патриаршего хозяйства. - М.: Наука, 1966. - С. 44.
60. Хрестоматия по истории государства и права в России. - М., 2000. - С. 121.
61. Г. Миллер. История Сибири. Т. 2. - М., 2000. - С. 322, 327-328: "Грамота патриарха Филарета архиепископу сибирскому Киприану о религиозном состоянии его паствы и о мерах к установлению благочестия".
62. Е. Пресняков. Российские самодержцы // История государства Российского: Жизнеописание. 17 век. - М.: Книжная палата, 1997. - С. 182.
63. История Сибири. Первоисточники. IV вып. - Новосибирск, 1994. - С. 203-204.
64. З. И. Власова. Скоморохи и фольклор. - С. 14.
65. А. М. Панченко. Русская история и культура. - СПб.: «Юна», 1999. - С. 222.
66. Цит. по: А. Богданов. Мятежное православие. - С. 58.
67. Н. Новомбергский. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1. - М., 2004. - С. 16, 26, 421-422, 432.